

**МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТИ В РЕДАКЦИИ "КАРПАТСКОЙ РУСИ"
СЛІДУЮЧЫ КНИЖКЫ ИЗДАНИЯ ЛЕМКО-СОЮЗА**

Мапы и книжки до читаня

1. Мапа Лемковины на полотні	\$2.00
2. Мапа Лемковины на папери	1.00
3. Карпаторусский Букварь — Ваньо Гунянка	0.25
4. Наша Книжка	1.00
5. Як Гартувалася Сталь — Н. Островский	0.50
6. История Советского Союза и Карпатской Руси	0.40
7. Памятна Книжка	0.25
8. Борьба за Национальные Права и Борьба за Социаль- ну Справедливость — Д-р С. Пыж	0.10
9. Мысли о Кооперации — Родный Лемко	0.10
10. Збийска Полянка — Родный Лемко	0.10
11. Лемковскы Выродкы — Родный Лемко	0.10
12. Правда о России — Ваньо Гунянка	0.10
13. Лемковскы Народны Співанкы — Сын Лемка	0.20
14. Ноты Лемковских Мелодий	0.50

Календари из минувших роков: 1930, 1933, 1934, 1937,
1938, 1939, 1944, 1945, 1946, 1948, 1949, 1950, 1951,
1952, 1953, 1954, 1955 и 1956 0.50
Стінный Календарь 1957 0.25

**ЧИТАЙТЕ И РОСПРОСТРАНЯЙТЕ СВОЮ
НАРОДНУ ГАЗЕТУ**

"КАРПАТСКА РУСЬ"

**ОРГАН ЛЕМКО-СОЮЗА В США И КАРПАТОРУССКОГО
ОБЩЕСТВА В КАНАДІ**

Выходит раз на тыждень, по пятницам.

"КАРПАТСКА РУСЬ" мае своих корреспондентов на Пряшев-
щині, в Польщі и в Советском Союзи. Р "Карпатской Руси"
найдете найполнійшу информацию о жытью нашего народа
по обох склонах Карпат и о жытью лемковских переселенцев
в Советском Союзи.

ПРЕДПЛАТА: \$3.00 НА ГОД.

За тоту саму ціну можете предплатити "Карпатску Русь" своим
родным в старом краю.

Чекы, мони-ордеры и всі посылкы адресуйте:

KARPATSKA RUS

556 YONKERS AVENUE

YONKERS 4, N. Y.

Карпаторусский
КАЛЕНДАРЬ
ЛЕМКО-СОЮЗА
На Год 1957

Составил

Др. Симеон С. Пыж

Год Издания 32-ый

Печатано в типографии Лемко-Союза
Йонкерс, Н. Й.

556 Yonkers Avenue,

Yonkers 4, N. Y.

ЦІНА \$1.00

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЧАСТЬ

АМЕРИКАНСКИЕ ЛЕГАЛЬНЫЕ СВЯТА

Религиозные святы устанавливает церковная власть. А легальные святы суть те, которые установила государственная власть.

В Соединенных Штатах нет загальных, "национальных", государственных свят, ибо Президент и Конгресс назначают святы для федерального округа Вашингтона (Дистрикт Колумбия) и для федеральных урядов по всей стране. А позатым каждый штат устанавливает себе легальные святы, как хочет праздновать.

1. Каждый неделя (воскресенье) празднуется вседы как религиозное и легальное свято.

2. Рождество и Новый Год празднуются во всех штатах.

3. 12-го февраля — день рождения Президента Линкольна празднуется майже во всех северных штатах.

4. 22 февраля — день рождения первого Президента США Вашингтона празднуется во всех штатах, за вынятком Айдаго.

5. Великая Пятница принята за церковное свято в католических и протестантских странах. Притом тот день признается государственным святом в целом ряде штатов, или губернаторы в специальных прокламациях объявляют его святочным.

6. 30-го мая — "Мемориал" или "Декорейшен Дей", день украшения могил воинов, погибших в Гражданской войне между южны-

ми и северными штатами, праздновался давнише переважно в северных штатах, но теперь становится все больше поминальным праздником за воинов, погибших во всех войнах США.

7. 4-го июля — День Независимости США празднуется во всех штатах.

8. День Труда, "Лейбор Дей" — в первый понедельник месяца сентября, празднуется во всех штатах.

9. 12-го октября — День Колумба, итальянского мореплавателя, открывшего Америку, празднуется в 40 штатах. В некоторых штатах тот праздник называют Днем открытия Америки, Днем Братства або Днем высадки.

10. День генеральных выборов — в первый вторник после первого понедельника в ноябре месяца.

11. 11-го ноября — День Перемирия (в первой мировой войне) празднуется во всех штатах.

12. День Благодарения, "Тенкsgiving Дей" — в последний четверг месяца ноября, празднуется во всех штатах.

Кроме вышеназванных праздников, отдельные штаты имеют свои легальные святы. Например, южные штаты празднуют 19 января День Роберта Ли, головного командира Южной Конфедерации в Гражданской войне. В штате Кентоки празднуют 30 января День Франклина Рузвельта. Штаты Алабама, Мизури, Оклахома и Вирджиния

празднуют День рождения Томаса Джефферсона — 13 апреля.

Так само были установлены разные торжественные дни, которые не признаются загально легальными праздниками: День насаждения дерев, День вооруженных сил — третья суббота мая, День Гражданства — третья неделя мая ("Ай ем Америкен Дей"). День Конституции — 17 сентября, День Матерей — 2-га неделя мая, День Дочерей — 2-га неделя июня. День Отцов — третья неделя июня, День Флага — 14-го июня (легальный праздник в Пеннсилвании), День предков — 21-го декабря, Панамерикан Дей — 14 апреля, День Объединенных Наций — 24 октября и т. д.

ПРЕЗИДЕНТЫ США

1. Джордж Вашингтон, 1789-1797
2. Джон Адамс, 1797-1801
3. Томас Джефферсон, 1801-1809
4. Джеймс Мадисон, 1809-1817
5. Джеймс Монро, 1817-1825
6. Джон Квинси Адамс, 1825-1829
7. Андру Джексон, 1829-1837
8. Мартин Ван Бурен, 1837-1841
9. Вильям Г. Гаррисон, 1841-1841
10. Джон Тайлер, 1841-1845
11. Джеймс Нокс Полк, 1845-1849
12. Закари Тейлор, 1849-1850
13. Миллард Филлмор, 1850-1853
14. Франклин Пирс, 1853-1857
15. Джеймс Буханан, 1857-1861
16. Эйбрагам Линкольн, 1861-1865
17. Андру Джонсон, 1865-1869
18. Улиссес С. Грант, 1869-1877
19. Рутерфорд Р. Гейс, 1877-1881
20. Джеймс Гарфильд, 1881-1881
21. Честер Артур, 1881-1885
22. Гровер Кливланд, 1885-1889

23. Бенджамин Гаррисон, 1889-1893
24. Гровер Кливланд, 1893-1897
25. Вильям Мекинли, 1897-1901
26. Теодор Рузвельт, 1901-1909
27. Вильям Тафт, 1909-1913
28. Вудро Вильсон, 1913-1921
29. Воррен Гардинг, 1921-1923
30. Калвин Кулидж, 1923-1929
31. Герберт Гувер, 1929-1933
32. Франклин Д. Рузвельт, 1933-1945
33. Гарри С. Труман, 1945-1953
34. Двайт Эйзенгауер, 1953-

Как видиме, Гровер Кливланд рахуется 22-ым и 24-ым Президентом США, ибо между його первым и другим урядованьем была перерва. Но гдехотры не хотят триматися того порядку и рахуют голем раз, же то есть одна и та сама особа, так им выходит, што Гровер Кливланд был 22-ым Президентом США, а нынешний Президент Эйзенгауер есть не 34-ым, лем 33-ым.

ПОДАТКИ

В США мы платиме податки местевым властям в той местевости, где живем, а дальше повітовым (в "каунти"), стейтовым и федеральным. Все тоты уряды накладывают свои податки на население, чтобы покрыти свои расходы.

Часть тех податков есть явна. Например, каждый знает, коли платит доходный податок, федеральный и стейтовый, або домовый и грунтовый податок местевым урядам, або оплаты от рижых пермитов и лисенсов, коли хоче вести даякий бизнес. Но, кроме явных податков, есть пол-

но скрытых податков, котры мы платиме, а даже не знаме, коли и сколько того платиме. Таких податков платится наибольше федеральным и стейтовым властям.

В Америкі податки постоянно роснут. Напримір, Конгресс наложит даякий специальный податок на надзвычайну потребу, дайме на то — на войну, и потішают людей, што то лем тымчасовый податок, бо як война мине, то податок буде знятый с людей, но потом уж тяжко освободитися от того податку. Коли Президент Труман начал “полицейскую акцию” в Кореі, то зараз державны расходы увеличились. Так Конгресс в 1951 року увеличил доходный и други федеральны податки. В законі было сказано, што то лем на 3 roky — до конца 1953 року. Но потом не можна уж было освободитися от Труманового податку, и Конгресс принимал резолюции о продолжении закона, а даже назначал ище новы податки, бо федеральны расходы все росли, головно на вооружения, на план Маршалла и “холодную войну”.

Скрытых федеральных податков (т. зв. “эксайс тексы”) есть велика сила, но тоты податки суть так розложены, што мы их платиме на каждом кроку, а не знаме того. Тоты податки накладываются на товары, яки мы купуеме, або на публичну службу, яку мы уживаме, и включаются в ціну тых товаров або службы. Мы мусиме платити высшу ціну и так несеме на собі тоты подат-

кы.

На вступны тикеты в театрах, кино и на всякы забавы был наложеный податок в высоти 1 цента от каждых 5 центов. Значит, от вступного тикета на \$1.00 платилось 20 центов федерального тексу. Минувший Конгресс уменьшил тот текс до 10% — до 10 центов от 1-долларового тикета.

На сигаретки есть федеральный текс \$4.00 от 1000 штук. То значит, што коли мы купуеме звычайну пачку сигареток (20 штук), федеральне правительство бере от нас 8 центов податку. Крім того, во многих стейтах сигаретки суть обложены ище стейтовым податком. В Америкі майже всі курят, так то значит, што майже всі платят тоты податки — федеральны и стейтовы.

Кто купуе люжный табак до файкы, до жуванья, до сигареток або до нюханья, то платит федерального податку 10 центов от фунта.

Так курящы люде правительству дают великы доходы. Суть особы, як меже мужчинами, так и меже жинщинами, котры выкурят пересічно по 2 пачкы сигареток денно, а на рок то зобит 730 пачок. Значит, федеральный текс от того выйде \$58.40 рочно. И то лем федеральный. Во многих стейтах накладывают на то ище стейтовый текс, а тоже и містечкий. Отже выходит, што така особа платит рочно до 100 долларов податку от куренья, а не знае о том.

Спиртны напитки так само обложены высокими податками

федеральными и стейтовыми. От дистиллованного спиритусу лем федеральный податок есть 10 долларов и 50 центов на одном галлоні (4 кварты). Так коли вы купуете кварту звычайной виски, вы платите наименьше 2 доллары федерального тексу. От пива федеральный текс есть 9 долларов на одной бочкѣ (“баррел”). Вина и всякы ликеры так само обложены податком. Так середний пияк, котрый выпьет лем по 2 келишки виски и одной шклянкѣ пива денно, платит около 100 долларов федерального податку рочно.

Газолин так само обложеный федеральными и стейтовыми податками. Федеральный податок есть 2 центы на галлоні. Так кто має свою машину и їздит много, то так само наїздит немало грошей для федерального правительства.

Податки наложены на телефоны, телеграммы, железнодорожны и други тикеты, на электричны лампочки, годинки, перстени, туалетны принадлежности и всяку всячину. Так где лем рушитесь, што до рук возьмет, то все пла-

тите федеральный податок. А потом приходит ище доходный податок. Вам порахуют, сколько вы заработали рочно, и от цілой суммы заробку треба платити податок — 20% при найнизших доходах. А кто має высшы доходы, то и процент податку иде в гору. Протягом року вы уплатили уж велику часть своего заробку федеральному правительству в видѣ тых скрытых тексов, о котрых была беседа выше, но то не рахуется. Так вы платите доходный податок от цілой суммы дохода, а то значит и от того податку, який вы уж дали. А коли потом стейтовы власти наложат на вас свой доходный податок, то так само рахуют процент от цілой суммы вашего заробку — значит, и от того доходного податку, який вы уплатили федеральному правительству.

Не дивно, што нынѣ всяди по Америкі люде кричат, што податки их дусят. Найгорше выходят на том робочы, бо они не могут скрыти свои доходы. Их заробок записаный там на фабрикі, где они працуют, и уж там оттягнут из их заробку доходи-

Telephone CAnal 8-4848

Chapels Available in All
Boroughs

John Balaschak
FUNERAL HOME

118 Saint Marks Place

(8 St. Bet. Ave. A. & 1st Ave.)

Telephone SOut 8-6890

Mrs. Helen Trzaska

Русско-лемковско-славянска
погребничка

648 - FOURTH AVENUE
BROOKLYN 32. N. Y.

вый податок и пошлют податковым властям. А бизнесмен, котрый веде свой бизнес, або профессионалы, як докторы, адвокаты и др. могут легко скрыти часть своих доходов. Они просто не запишут всіх своих приходов, або допишут больше всяких расходов, и чистый доход, от котрого треба платити доходный податок, получается меньший. Через то доходный податок распределенный нынѣ в Америкѣ цѣлком несправедливо.

В Америкѣ есть нынѣ велика сила т. зв. "незаконных долларов", от котрых не был уплаченный доходный податок. Человек, котрый не уплатил полный доходный податок от своих доходов, мусит скрываться со своими грошами, чтобы податков уряды не нашли их. Он не може вложить их на книжку до банку, бо податков инспекторы могут легко вынайти, што в том або другом року он дал до банку больше грошей, як мал дохода, от котрого платил доходный податок, и зараз покличут його, чтобы объяснил, откуда он взял тоты грошы. Он не може купить ани дом за такы грошы, бо так само инспекторы начнут доведываться, коли и як тот человек наскладал такую сумму грошей, и ци он платил от них доходный податок.

За то нынѣ американскы спекулянты, котры мають много тых "незаконных долларов", вывозят их в заграничны банкы, голвно в Швейцарию, где можна их положить на фальшиве имя, а

банк того не выявит никому. Або держат их скрыто дома, або дають в готовкѣ до частных сейфов в банках, або купуют маекы, бизнесы, банды, шеры на имена таких людей, котры могут доказати, што все платили доходный податок и могли при том отложить потребу на такое дѣло сумму грошей.

По той то причинѣ в Америкѣ поднимаются все частѣйше голоса, што треба змѣнити цѣлу податкову систему. Все частѣйше роздаются голоса, чтобы откинути цѣлком доходный податок, а на його мѣсте установить податок от товарного оборота, або, як в Америкѣ называют, "сейл текс". Но при системѣ частного капитализма то вышло бы на корысть только великим богачам. Податок от товарного оборота можна застосувати правильно и справедливо лем при социализмѣ.

Степан и Нелли Годован из Лоуренс, Масс. (в США) разом со своим фамилиом шлют привѣт дѣтям — Николаю и Маринѣ в Соѣтском Союзѣ и наилучшы пожелания на год 1957.

Steve Godovan

50 Saunders St.

Lawrence, Mass.

USA

ЯНВАРЬ — 1957 — JANUARY

РУССКЫ СВЯТА

- 1 П Н. Обр. Г. Василия В.
- 2 В Сильвестра
- 3 С Прор. Малахии
- 4 Ч Собор 70 Апостолов
- 5 П Нав. Бог. Теотемпта
- 6 С Богоявление Господне

7 Н 30 по С. Д. Иоанна Кр.

- 8 П Емилиана
- 9 В Св. мч. Полиевкта
- 10 С Григория прп. и Домет.
- 11 Ч Феодосия Вл.
- 12 П Татьяны мч.
- 13 С Ермила и Стратон. мч.

14 Н 31 по С. Д.

- 15 П Павла Тив. и Иоанна прп.
- 16 В Пок. Ап. Павла
- 17 С Антония Вел. прп.
- 18 Ч Афтанасия и Кир. пр.
- 19 П Макария прп.
- 20 С Ефтимия Вел. прп.

21 Н 32 по Сош. Св. Духа

- 22 П Тимофея ап., Анастасия
- 23 В Климентия
- 24 С Ксении прп.
- 25 Ч Григория Бог.
- 26 П Ксенофонта прп.
- 27 С Пер. мощ. Иоанна Злат.

28 Н О Мытарѣ и Фарисей.

- 29 П Пер. мощ. Игнатия Б.
- 30 В Трех Святителей
- 31 С Кира и Иоанна безср.

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

- 14 Илария
- 15 Павла
- 15 Маркила п.
- 17 Антония ав.
- 18 Присти
- 19 Мария и тов.

20 по З. К., Севастиана

- 21 Агнеты
- 22 Винкен .
- 23 Раймунда
- 24 Тимоффея
- 25 Нав. Ап. Павла
- 26 Поликарпа

27 З по З. К., Иоан. Зл.

- 28 Леонида
- 29 Франца
- 30 Мартина д. м.
- 31 Петра из Н.
- 1 Игнатия
- 2 Мат. Б. Громн.

3 4 по З. К., Власия

- 4 Вероники
- 5 Агаты
- 6 Тита еп. Дор.
- 7 Ромульда
- 8 Иоан. прп. из Мат.
- 9 Апольония

10 Поп. Сх.

- 11 Появл. МБ. Лорд.
- 12 Григория П.
- 13 Трех Святых

ЗАПИСКИ

ФЕВРАЛЬ — 1957 — FEBRUARY

РУССКЫ СВЯТА	ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1 Ч Трифона	14 Валентина
2 П Стрітєние Господне	15 Фавстина и Іов.
3 С Симеона и Анны пр.	16 Юлианны
4 Н О Блудном Сыні	17 Юлиан.
5 П Агафии мч.	18 Симеона
6 В Вукола прп.	19 Сух. Маркелина
7 С Парт. Луки прп.	20 Сух. Льва еп.
8 Ч Феодора Стр.	21 Феликса еп.
9 П Ніколая мч.	22 Маргар из К.
10 С Харлампія мч.	23 Петра Дам. еп.
11 Н Мясопустна, Василия	24 Мясопустна
12 П Мелетия св.	25 Матфея Ап.
13 В Мартина прп.	26 Цесария
14 С Авксентия прп.	27 Виктора
15 Ч Онисима ап.	28 Александра
16 П Памфила мч.	1 Альбина еп.
17 С Лют. Феодора вмч.	2 Павла м.
18 Н Сыропустна, Льва	3 Сыропустна, Кунег.
19 П Архипа ап. (Нач. Великого Поста)	4 Андрияна
20 В Льва еп.	5 Іоанна від. Хр.
21 С Тимофея прп.	6 Перпетуи
22 Ч Найд. мощ. Авг.	7 Фом. Акв.
23 П Поликарпа свмч.	8 Іоанна Божого
24 С † 1 об. Гл. Іоан. Крестителя	9 Франциски рим.
25 Н 1. Поста, Тарасия	10 Вступ., 40 Мучен.
26 П Порфирия св.	11 Григория В.
27 В Прокопия	12 Григория В. пап.
28 С Василия исповідника	13 Христіны

ЗАПИСКИ

МАРТ — 1957 — MARCH

РУССКЫ СВЯТА	ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1 Ч Евдокии прм.	14 Матильды к.
2 П Феодота свмч.	15 Климента
3 С Евтропия и ин. мч.	16 Кирияка м.
4 Н 2 Поста, Гарасима прп.	17 Суха., Патрикья
5 П Канона мч.	18 Кирилла
6 В 42 мучеников в Амории	19 Іосифа Обруч.
7 С Василия свмч.	20 Евфимии д.
8 Ч Феодиякта прп.	21 Венедикта ав.
9 П 40 муч. в Соваст.	22 Катерины шв.
10 С Кондрата и ин. м.	23 Феликса шв.
11 Н 3 Поста, Софрония патр.	24 Глуха, Гавриила
12 П Феофана исп.	25 Благов. ПДМ
13 В Пер. мощей Николая	26 Вел. Суб. Еман.
14 С Венедикта прп.	27 Гунерта
15 Ч Агапия мч.	28 Св. Іоанна К.
16 П Савина и Юлиана мч.	28 Кирилла
17 С Алексия прп.	30 Квирина
18 Н 4 Поста, Кирилла Ерус.	31 Средопост., Бальб.
19 П Хризанта и дарии мч.	1 Гугона
20 В О. О. Убитых	2 Франца
21 С Якова исп.	3 Ришарда
22 Ч Василия свмч.	4 Изидора
23 П Николая и тв.	5 Винцентия
24 С Захарии и Якова	6 Келестина
25 Н 5 Поста. Бл. Пр. Бог.	7 Чорна, Епифанья
26 П Собор Ар. Гавриила	8 Дионисия еп.
27 В Матроны	9 Марин Клеоп.
28 С Иляриона прп.	10 Єзолиля
29 Ч Марка и Кир. прп.	11 Льва В. пап.
30 П Іоанна Листв. прп.	12 Юлиа пап.
31 С Поклон. Ипат. прп.	13 Герменегильды

ЗАПИСКИ

АПРІЛЬ – 1957 – APRIL

РУССКЫ СВЯТА	ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1 Н Квітна, Марии Іег. прп.	14 Квітна, Юстина м.
2 П Тита прп. и Амфианы	15 Анастасии м.
3 В Никиты	16 Венедикта
4 С Іоанна прп.	17 Аникита
5 Ч Феодосия Тирского	18 Аполония м.
6 П Евтихия св.	19 Георгия
7 С Григория Св.	20 Феодора
8 Н Воскресение Христово	21 Воскр. Хр., Анзол.
9 П Світлый Понедільник, Евстах.	22 Сотера и Кая мм.
10 В Світлый Вторник, Терентия	23 Войтеха
11 С Антины свмч.	24 Феделиса
12 Ч Василия прп.	25 Ап. св. Іос. Мар.
13 П Артемона свмч.	26 Клита и Марка
14 С Мартина папы рим.	27 Петра Кан.
15 Н 1. Фомина	28 Біла, Павла
16 П Агапии	29 Петра из Вер.
17 В Симеона	30 Катерины
18 С Іоанна Д. прп.	1 Филиппа и Якова
19 Ч Іоанна Староп.	2 Хр. кн. Атаназ.
20 П Феодора Трих.	3 Цар. К. П.
21 С Януария свмч.	4 Зн. св. Хр. Фльор.
22 Н 2. Мироносиц, Феодора	5 2 по Пасхі, Теодора
23 П † Георгия вмч.	6 Іоанна
24 В Саввы	7 Станислава еп.
25 С Марка ев.	8 Михаила
26 Ч Василия свмч.	9 Григория Наз.
27 П Симеона свмч.	10 Изидора
28 С Ясона и Сосипатра ап.	11 Францишка
29 Н 3. О Разслабленном, Евстахия	12 3 по Пасхі, Панкр.
30 П † Якова апостола	13 Серватия

ЗАПИСКИ

МАЙ – 1957 – MAY

РУССКЫ СВЯТА	ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1 В Еремея пророка	14 Боафатия
2 С Афанасия ВА.	15 Софии и 3 дочерей
3 Ч Феодосия Печ. прп.	16 Пон. св. Д. Бл. Анд.
4 П Пелагии прпмч.	17 Пасхалиса
5 С Ирины мч.	18 Сух. Венанция м.
6 Н 4. О Самаряныні, Іова	19 4 по Пасхі, Петра
7 П Явление Чест. Креста	20 Сух. Бернардина
8 В Іоанна Богослова	21 Тимофея
9 С Пер. м. св. Николая	22 Юлии дівы
10 Ч Симона Зил. ап.	23 Дезидерия еп.
11 П Св. Кирилла и Мефодия	24 ПДМ. Спов. вір.
12 С Епифания и Герм. патр.	25 Григория VII пап.
13 Н 5 О Сліпорожденном	26 5 по Пасхі, Филиппа
14 П Изидора мч.	27 Беды В.
15 В Пахомия	28 Августина еп.
16 С Феодора освящ.	29 Юлия д.
17 Ч Вознесение Господне	30 Вознесение Господне
18 П Феодота мч.	31 Петронели
19 С Патрикия	1 Бл. Якова Стр. еп.
20 Н 6 Св. Отцев	2 6 по Пасхі, Маркел.
21 П Константина и Елены	3 Пр. Сер. Ис. Кльот.
22 В Василиска мч.	4 Квирины
23 С Михаила прп.	5 Бонифатия
24 Ч Преп. Симеона	6 Норберта еп.
25 П Третье Обр. Гл. І. Кр.	7 Роберта
26 С Карпа ап.	8 Медарда еп.
27 Н Сошествие Св. Духа	9 Сош. св. Духа
28 П Святой Тройцы	10 Маргареты кор.
29 В Феодосия прмч.	11 Варнавы ап.
30 С Исаакія прп.	12 Онуфрия
31 Ч Ермия	13 Антония

ЗАПИСКИ

ИЮНЬ — 1957 — JUNE

РУССКИ СВЯТА	ЛАТИНСКИ СВЯТА
1 П Юстина мч. 2 С Никифора св.	14 Василия 15 Боже Тіло
3 Н Всіх святых	16 Св. Троицы
4 П Митрофана (Нач. Петр. Поста) 5 В Доротея смч. 6 С Иллариона прп. 7 Ч Феодосия влмч. 8 П Феодота Страд. 9 С Кирилла св.	17 Райнера 18 Евфрема 19 Юлианны 20 Сильверия пап. 21 Альойзия 22 Павлина еп.
10 Н 2 по Сош. Св. Духа, Тимофея	32 по С. Д., Агрип.
11 П Варфоломея и Варвары 12 В Онуфрия 13 С Акилины мчч. 14 Ч Елисея пророка 15 П Амаса пророка 16 С Тихона еп.	24 Рожд. Іоанна Кр. 25 Вильгельма 26 Павла и Іоанна 27 Владислава кор. 28 Иринея 29 Петра и Павла ап.
17 Н 3 по С. Д., Мануила	30 3 по С. Д., Павла
18 П Леонтия мч. 19 В Юды Фад. ап., Зосима 20 С Мефодия смч. 21 Ч Юлиана Тарс. мч. 22 П Евсевия свмч. 23 С Агрипины мчч.	1 Пр. Крови І. Хр. 2 Посіщ. ПДМ 3 Анатолия 4 Феодора еп. 5 Антония 6 Луки мч.
24 Н 4 по С. Д. Рожд. І. Кр.	7 4 по С. Д., Кир. и М.
25 П Февронии 26 В Давида прп. 27 С Самсона прп. 28 Ч Пер. мощ. Кира и Іоан. 29 П Петра и Павла ап. 30 С Собор Апостолов	8 Елизаветы пр. 9 Вероники 10 7 Братьев мч. 11 Пия І. папы 12 Іоанна Гл. 13 Анаклита

ЗАПИСКИ

ИЮЛЬ — 1957 — JULY

РУССКИ СВЯТА	ЛАТИНСКИ СВЯТА
1 Н 5 по С. Д., Космы и Дамьяна	14 5 по С. Д., Бонавен.
2 П Пол. Риз. Пр. Бог. 3 В Якинта мч. 4 С Андрея 5 Ч Кирилла и Мефодия ап. 6 П Афанасия Антон. 7 С Фомы и Акакия прп.	15 Генрика 16 М. Б. Шкаплр. 17 Алексия 18 Симеона из Л. 19 Винк. из П. 20 Чеслава
8 Н 6 по С. Д., Прокопия мч.	21 6 по С. Д., Праксед.
9 П Панкария свмч. 10 В Антония печерского 11 С Евфрема мч., Ольгы 12 Ч Прокла и Илария мч. 13 П Собор Арх. Гавриила 14 С Акилы ал., Кирика мч.	22 Марии Магдалины 23 Аполинария еп. 24 Кунегунды 25 Якова ап. 26 Анны 27 Рудольфа Акв.
15 Н 7 по С. Д., Волод. Вел. кн.	28 7 по С. Д., Виктора
16 П Афинагена свмч. 17 В Марины влмч. 18 С Якинта и Емилиана мч. 19 Ч Макрины и Дия прп. 20 П Илии пророка 21 С Симеона и Іоанна прп.	29 Марфы д. 30 Руфина м. 31 Игнатия 1 Петра в оков. 2 МБ. Англ. 3 Обр. св. Стефана
22 Н 8 по С. Д., Марии Магд.	4 8 по С. Д., Дом .
23 П Трофима 24 В Бориса и Гліба 25 С Успение св. Анны 26 Ч Ермолая свмч. 27 П Пантелеймона влмч. 28 С Прохора и др. ап.	5 МБ. Сніжной 6 Преображение Г. 7 Каефания 8 Кирияка м. 9 Романа 10 Лаврентия м.
29 Н 9 по С. Д., Калиника мч.	11 9 по С. Д., Сусанны
30 П Силы и др. ап. 31 В Евдокима праведника	12 Кляры д. 13 Гиполита

ЗАПИСКИ

АВГУСТ — 1957 — AUGUST

РУССКИ СВЯТА	ЛАТИНСКИ СВЯТА
1 С Рр. Ч. Х. (Нач. Усп. поста)	14 Евсевия
2 Ч Перен. мощ. св. Ст.	15 Успение Пр. Бог.
3 П Исаака и др. прп.	16 Иоакима
4 С 7 Мол. в Ефисі мч.	17 Яцка в.
5 Н 10 по С. Д., Евсиния мч.	18 10 по С. Д., Елены
6 П Преображение Госп.	19 Людвика
7 В Доментия и Пасіва мч.	20 Вернарда
8 С Емилиана еп.	21 Иоанна
9 Ч Матфея апостола	22 Тимофея и тв. м.
10 П Лаврентия мч.	23 Филиппа Б.
11 С Евпла мч.	24 Варфоломея ап.
12 Н 11 по С. Д., Фотия	25 11 по С. Д., Люд.
13 П Максима исп.	26 МБ Честохов.
14 В Михея пророка	27 Юзефа
15 С Успение Пр. Бог.	28 Августина
16 Ч Пер. нерук. Обр. Господ.	29 Уск. Гл. І. Кр.
17 П Мирона мч.	30 Розалий Лим.
18 С Фльора и Лавра мч.	31 Раймунда
19 Н 12 по С. Д., Андрея	1 12 по С. Д., Брон.
20 П Самуила пророка	2 Стефана кор.
21 В Фадея апостола	3 иЗнова мч.
22 С Агафоника	4 Розалии дівы
23 Ч Лупа мч.	5 Лаврентия Юст.
24 П Евтихия свмч.	6 Захарии пр.
25 С Варфоломея и Тита	7 Бл. Мольхиора
26 Н 13 по С. Д., Андриана	8 13 по Д. С. р. МДМ
27 П Пимона прп.	9 Петра Кл.
28 В Мойсея пророка	10 Николай
28 С Ускіновение Г. І. Кр.	11 Прота
30 Ч Александра пат. Кон.	12 Наѣсв. Им. МБ.
31 П Пол. Пояса Пр. Бог.	13 Филиппа м.

ЗАПИСКИ

СЕНТЯБРЬ — 1957 — SEPTEMBER

РУССКИ СВЯТА	ЛАТИНСКИ СВЯТА
1 С Преп. Сим. столп.	14 Воздв. Ч. Креста
2 Н 14 по С. Д., Маманта мч.	15 14 по С. Д., ПДМ
3 П Анфима свмч., Феофила	16 Корнилия
4 В Вавилы смч.	17 Знаки св. Францишка
5 С Захарии и Елизаветы	18 Іосифа
6 Ч Чудо Арх. Михаила	19 Іануария еп.
7 П Созонта мч.	20 Евстахия м.
8 С Рождество Пр. Бог.	21 Матфея ап.
9 Н 15 по С. Д., Іоак. и Анна	22 15 по С. Д., Фома
10 П Минодоры и Митр. мч.	23 Теклы д.
11 В Феодоры прп.	24 ПДМ. Выкупу
12 С Атонома	25 Владислава Г.
13 Ч Обр. Кр., Корнилия	26 Киприяна и Юстина
14 П Возрождение Ч. Креста	27 Космы и Дамьяна
15 С Никиты втч.	28 Вячеслава кор.
16 Н 16 по С. Д., Софин	29 16 по С. Д., Мих.
17 П Софии, Віры и Надежды	30 Іеронима
18 В Евмения прп.	1 Благ. Іоанна
19 С Трофима и Саввы	2 Ангел. Ст.
20 Ч Евст., его жены и дітей	3 Кандида и Горар.
21 П Кондрата ап.	4 МБ. Рожан.
22 С Фокии свмч.	5 Плакида м.
23 Н 17 по С. Д., Зач. І. Кр.	6 17 по С. Д., Брун.
24 П Теклы прмчц.	7 Марка пап.
25 В Евфросинии прп.	8 Бригиды д.
26 С † Св. ап. Іоанна Бог.	9 Людива
27 Ч Каристрата мч.	10 Францишка
28 П Харитона прп.	11 Емилиана
29 С Кирияка прп.	12 Максимилиана еп.
30 Н 18 по С. Д., Григория	13 18 по С. Д., Ед.

ЗАПИСКИ

ОКТАБРЬ — 1957 — OCTOBER

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П Покров пр. Бог.	14 Каликта пап.
2 В Киприяна свмч.	15 Тересы
3 С Дионисия А.	16 Герарда
4 Ч Иерофея свмч.	17 Маргареты
5 П Харитины	18 Луки ев.
6 С Фомы апостола	19 Петра из Ал.
7 Н 19 по С. Д., Сергия	20 19 по С. Д., Иоанна
8 П Пелагии прп.	21 Уршули д. и м.
9 В Якова ап.	22 Кордули д.
10 С Евлампия и Ев.	23 Серванда
11 Ч Филиппа аж., Феофилия	24 Рафаила Арх.
12 П Прова и др. прп.	25 Криспина
13 С Капа м., Космы прп.	26 Евариста пап.
14 Н 20 по С. Д., Ефимия прп.	27 20 по С. Д., Фльор.
15 П Параскевы прп.	28 Симеона и Фад. ап.
16 В Люгина	29 Наркиса еп.
17 С Осия пророка	30 Альфонса
18 Ч Луки апостола	31 Вольфганга
19 П Иоила пророка	1 Всix Святых
20 С Артемия вч.	2 Рень Задушный
21 Н 21 по С. Д., Иляриона	3 21 по С. Д., Губерта
22 П Америкя еп.	4 Короля Бором.
23 В Якова апостола	5 Захарии и Елизаветы
24 С Ареты, Афанасия	6 Леонарда
25 Ч Маркиана и Мартирия	7 Бл. Антония Бал.
26 П Димитрия вч.	8 Гофрида
27 С Нестора мч.	9 Феодора м.
28 Н 22 по С. Д., Параскевы	10 22 по С. Д., Андрея
29 П Анастасия прп.	11 Мартина еп.
30 В Зиновия мч.	12 Мартина папы
31 С Стахия, Нарк.	13 Станислава

ЗАПИСКИ

НОЯБРЬ — 1957 — NOVEMBER

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Ч Космы и Дамияна	14 Иосафата еп.
2 П Акиндина мч.	15 Гертруды
3 С Акепсима мч.	16 МБ. Остробрам.
4 Н 23 по С. Д., Иоаникия В.	17 23 по С. Д., Сальом.
5 П Галакта и Епистим. мч.	18 Романа м.
6 В Павла св.	19 Елизаветы
7 С Иерона и др. мч.	20 Феликса
8 Ч Сбб. св. Мих. Аристр.	21 Введ. в Хр. ПБ.
9 П Онисифора мч.	22 Кликии д. и м.
10 С Ораста и др. ап.	23 Климента пап м.
11 Н 24 по С. Д., Мины, Викт.	24 24 по С. Д., Иоанна
12 П Иоанна милостивого	25 Екатерины д. и м.
13 В Иоанна Златоустого	26 Леонарда
14 С Филиппа апостола	27 Валерияна
15 Ч Гурия и др. мч. (Нач. Рожф. поста).	28 Здиславы
16 П Матфея ап. и ев.	29 Сусурнина
17 С Григория еп. чудотв.	30 Андрея ап.
18 Н 25 по С. Д., Платона	1 1 Адв., Елигия еп.
19 П Авдия пророка	2 Библияны д.
20 В Григория Д.	3 Франца
21 С Введение в Храм ПБ.	4 Варвары
22 Ч Филимона ап., Келикии	5 Саны еп.
23 П Амфилоха и Григория	6 Николая еп.
24 С Екатерины вчч.	7 Амросия еп.
25 Н 26 по С. Д., Клемента	8 2 Адв. Неп. 3. ПДМ
26 П Алпия Стоврп. прп.	9 Леокадии д.
27 В Якова свмч.	10 МБ. Льорет.
28 С Стефана прпмч.	11 Дамасия м.
29 Ч Пашамона и Филимона	12 Александра м.
30 П Андрея апостола	13 Лукии д.

ЗАПИСКИ

ДЕКАБРЬ — 1957 — DECEMBER

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С Наума пророка	14 Спиридиона еп.
2 Н 27 по С. Д., Аввакума	15 3 Адв., Валерияна
3 П Софонии пророка	16 Евсевия еп.
4 В Варвары и Иоанна	17 Лазаря еп.
5 С Саввы осв.	18 Очичув. МБ.
6 Ч Николая св. Чудотворца	19 Немесия еп.
7 П Амросия еп.	20 Феофила м.
8 С Патания еп.	21 Фомы апостола
9 Н 28 по С. Д.	22 4 Адв. Зенона м.
10 П Мины и Иермогена мч.	23 Виктории д.
11 В Даниила Столпника	24 Адама и Евы
12 С Спиридона	25 Рождество Христово
13 Ч Евстратия и Авкс.	26 Стефана
14 П Тирса мч.	27 Иоанна
15 С Елевфонтия свмч.	28 14 т. дітей убиен.
16 Н Св. Праотец	29 Нед. по Рожд.
17 П Даниила пророка	30 Евгения еп.
18 В Севастияна	31 Сильвестора
19 Бюнифатия мч.	1 Новый Год 1958
20 Ч Игнатия свмч.	2 Макария
21 П Юлиана мч.	3 Геновефы
22 С Анастасии вмчц.	4 Вмч. Емилияна
23 Н Пред Рожд.	5 30 по С. Д., Телесф.
24 П Евгении. Навеч. Рожд.	6 Трех Царей
25 В Рождество Христово	7 Лукияна м.
26 С Собор Пр. Богородицы	8 Иоанны д.
27 Ч Прмч. Стефана, Феод.	9 Северина ав.
28 П Просв. Б. Н. по М. Н.	10 Юлианы и Васил.
29 С Прп. Макария мч.	11 Альойсия
30 Н по Рожд., Мчц. Анисии	12 1 по Трех Царей
31 П Мелании прп.	13 Леонтия еп.

ЗАПИСКИ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

С каждым роком наш Календарь
Вам, краєне, засылає,
В Америці, в старом краю, —
Всяди счастья всім жєлає.

Нашы люде россіяны
Днесь широко в цілом світі,
И не можут ся зустрічати
Ани в зимі ани в літі.

Ци русаля, ци кермешы,
Мы лем собі вспоминає,
Бо всі разом всенародно
Мы их больше не справляє.

Но надія не выгасат,
И не може выгаснути,
Што страчене того счастья
Дастся ище навернути.

Бо не тратят наши лемкы
Народного своего духа:
Видно всяди — живы люде,
Не урвана голуз суха.

И приходят быстро зміны
Меже всіми народами,
Правды своей всі требуют:
Як вы нам, так буде с вами.

За то и мы с Новым Роком
Зміны ждеме и направи, —
Най настанут в родном краю
Свои свята величавы.

В то віриме, того ждеме
Може ище сего года,
Най засвітит нове солнце,
Най осушит жаль народа.

Народный поэт Лемковщины

А. И. Павлович

В 1955 року под редакциом И. С. Шлепецкого была издана в Пряшеві книга “избранных произведений” Александра И. Павловича. В сборнику И. С. Шлепецкого помещены 134 поэтичны творы А. И. Павловича, из них 60 таких, якы николи перед тым не были печатаны, и сохранились лем в рукописях до наших дней. И. С. Шлепецкий собрал рукописи поэта, якы мог найти по селах на Пряшевщині, и часть их напечатал в своем сборнике. Но он сам признає, што много творов А. И. Павловича, якы остались в рукописях, уж затратилось, бо от смерти поэта минуло 55 років, а то были роки двох нищительных світовых войн, в котрых от огня и при частых эвакуациях населения погибло много цінных забытков и памятников культуры нашего народа в Карпатах. Притом и И. С. Шлепецкий не опубликовал в своей книгі всі рукописи поэта, якы у него находятся.

Но и тоты рукописи, якы собрал и теперь в первый раз выпустил в світ И. С. Шлепецкий, кидают цілком новый світ и на литературну діяльність А. И.

Павловича и на историю лемковской литературы. Если до сего часу гдеякы нашы люде представляли собі, што лемковский народный язык стал языком литературы аж в 2-ом десятилітти нашего столітия, коли Ваньо Гунянка и И. Ю. Русенко в послідны роки перед Первом світовом войном начали выдавати газету и Календари в народном языке, то теперь початки лемковской литературы треба отсунути в перву половину XIX віка и признати А. И. Павловича отцом лемковского литературного языка.

В числі тых 60 поэтичных творов Павловича, якы опубликовал по сохранившимся рукописям И. С. Шлепецкий, находятся не лем короткы вершы, но и цілы поемы, а самом замічательном из них есть поема о панцизняном хлопі, або як поет называет його, “панщарі”, “урбарском подданом”. Тота поема была написана А. И. Павловичом в 1847 року, т. е. коли в наших Карпатах держалась ище панщина. То есть правда епопея из народного життя и написана она простым народным языком, яким говорил тогды

наш народ на Лемковщині по обох сторонах Карпат.

И то есть цілком оригинальный, самостоятельный твор нашого поэта. В украинской литературе так само украинский народный язык стал языком литературы аж в первой половине XIX столітия. В истории украинской литературы тоты початки ведут от “Енеиды” И. П. Котляревского. Но його поема была переробком в жартобливом тоні и смыслі (пародия) классической поемы славного латинского поэта Виргилия, и была оперта на подобной пародии русского поэта Осипова (“Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку”). А наш поет пише свою поему цілком самостоятельно, просто из життя своего народа.

Интересна история той поемы. И. С. Шлепецкий в примічании к поемі говорит, што тота рукопись А. И. Павловича была найнана в Біловежі в мідяном горшку, уложенном под крестом на вежі церкви. Нашли ей при ремонті даху на церкви. Теперь рукопись хранится у настоятеля прихода о. Стефана Подгаецкого. В заголовку поемы зазначено поетом: “Став бідного селянина — описание доли земледільца Русина в неуродных долинах Карпат, на угорской стороні, за часов урбарского подданства”. А при концу поемы сам А. И. Павлович дописал таке пояснение: “Сии стихи сочинилъ Александр Павловичъ 1847 года, как клерикъ въ Ком-

лошѣ у брата любезнаго живуши”.

Як видиме, свое пояснение А. И. Павлович дає в церковно-славянском языке, наближенном к русскому литературному языку, но в самой поемі он уживат постоянно народный язык, за вынятком тых рядков, в котрых передає слова панских гайдуков и урядников. Они говорят шарышским диалектом, сближенным к словацкому языку. Видно, так было и в реальной жизни: панскы урядники, котры гнали бідных селян на панщину, были из пословаченных русинов.

Мы помещаем в нашем Календарі поему А. И. Павловича о панцизняном селянині. Павлович писал народным языком, но уживал старый правопис с “ѣ” и “ъ”. Тверды знаки мы пропускаме, а на місце “ѣ” ставиме “і”, бо так тоту букву у нас вымавляли.

В книгі И. С. Шлепецкого помещены фотостаты урывков из гдеякых рукописей А. Павловича, то можеме точно провирити и правопис. Напримір, урывок из верша “Біловежска Сибила”:

“Добрый я газда былъ,
Покля ми няньо жилъ.
Як няня нестало,
Газдовство пропало,
Вшитко я смарнилъ.”

Як видиме, А. И. Павлович писал чисто таким народным лемковским языком, яким мы теперь издаєме нашу газету “Карпатску Русь”, Календари и другу литературу. Он писал так, як го-

ворили в Комлоші, в Свиднику и всяди на Маковиці, но маковицкий говор, то говор всего лемковского народа по обох сторонах Карпат.

Теперь можем легко порозуміти, чому так много литературных творцов А. И. Павловича не было опубликовано давніше в газетах, журналах, ни не издано отдельными книжками. Причина была та, што наша интеллигенция стыдалася свого народного языка и глядала высшего, панского языка. В Пряшеві и Ужгороді пробовали писати языком приближенным к русскому литературному языку. А во Львові начали скоро переходить на украинский литературный язык, або трималися свого мішаного русско-украинского языка. Так для маковицкой народной поэзии А. И. Павловича не было уж місця — она осталася в сиротстві, як и сам А. И. Павлович, и лежала десятки, даже цілу сотку літ в рукописях.

А. И. Павлович писал и “высшим” языком, який был поширенный меже интеллигенциом. Так тоты вершы печатались в газетах, журналах и литературных альманахах в Ужгороді и во Львові. Редакторы часто перерабляли вершы А. И. Павловича на свое копыто, штобы допасувати их до языка своих изданий. А. И. Павлович не гнівался на то, лем ище сам просил их перерабляти вершы на язык тых изданий, если иначе не могут быть опубликованы. Он посылал свои вершы

и А. Духновичу до Пряшева, который был в перепискѣ с Я. Головацким, Дідицким и другими культурными діятелями во Львові. В одном письмі к Я. Головацкому в 1860 году А. Духнович писал: “Послал ко мні Александр Павлович стихи свои, чтоб переслать Вам, и се я посылаю их, и несколько моих. Вы, друзья, употребите что вам угодно будет, и поправляйте по вашему вкусу и знанию”. Сам А. Духнович высоко цѣнил поэтический талант А. И. Павловича. В иншом письмі Я. Головацкому он называет приходника в Біловежі А. Павловича “славным ритмистом”, то есть славным поэтом.

А. Павлович родился в 1819 року, а помер в 1900. В написанной ним самим биографии (“родописи”) находиме следующие данны о його жизни.

Александр Ив. Павлович родился в 1819 году. Його родителями были Йоанн Ос. Павлович, приходник в селі Чарне, в Угорщині, тоже Маковицком церковном соборі, а мати — Анна Гладышевска из Галичины. Они померли, а Александр 4-рочный остался сиротою. Уже в 1824 году, оставшись сиротою, пропитовался родною сестрою Мариєю, супругою священника Андрея Чисарика, потом у уйка Андрея Гладышевского и родных братьев Йосифа и Йоанна священников. В 1829 г. послан в Галичину к брату Йосифу. У брата Ивана, попа в Бенькові Вышньої, в Ко-

марні, наконец во Львові, прожил по 1835 год.

Нормальны классы окончил во Львові и вернулся до Угорщины, до брата Осифа, попа в Комлоші, и того помощью окончил 4 класса латинскы гимназии в Бардиеві, 3 roky гимназии в Мишкольцу, 2 roky философии в Ягрі, 4 года богословия в Тирнаві. Посвященный за попа в 1848 р. без жены, был 1½ года в домі графа Сирмаи приватным воспитателем мальчиков (сынков) графа, посему в Пряшеві в качестве архивара епископской канцелярии, откуда переселился в Біловежу, где прожил 13 літ, як приходник, а в 1864 году получил приход в Свидникі.

В Галиции по-русски нич не научился. Язык польский всягды пановал тогды. Бывал за три roky во Львові у св. Юра в домі поправник с ласкы тестя його брата Йоанна. В классах нормальных учился по-німецки и по-польски, вернулся в отечество полячком. В средних и высших школах преподавательный язык был латинский. В Бардиеві привык к бесіді словацкой, наречию шапришскому, а в Мишкольці научился немножко по-мадярски, ибо жил в домі, где употребляли німецкий язык. Но в Ягрі уже больше научился по-мадярски мондоковать.

В Тирнаві в семинарии больша часть питомцев были поклонниками мадярской народности, но были и почитатели славянского языка, а Румуны всегда разгово-

ривали между собою по-румунски. Наши русские из унгварской и пряшевской епархий не выявляли своей народности. Хотя А. И. Павлович со всіми алунами (студентами) всегда жил в согласии, даже дружестві, но приклонялся к словакам, читал словацкие книжки и газеты. В Тирнаві, в семинарии, было много словаков из комитатов Пресбургского, Нитрянского и Тренчинского, с тыми жил в приятельстві и присвоил собі бесіду словацку чисту, близку к русской мові, но не малорусской, але великорусской (znat', videt', robit', delat', hovorit'). Там почувствовал, что то народность.

На ферии вышел из семинарии и чрез 3 года был в соседном селі у г. Прилеского, поміщика, при его мальчику, где познакомился с графом Замойским: тот зимою жил в Тирнаві и чрез своих сынов больше раз призывал к столу. От него получал много польских книжек и, кромі тых, мало читал иных, и так был проникнут польским духом. Потому соалумны (семинаристы) называли его Поляком. В то время были питомцами в семинарии Частка и Самаса, с тыми также познакомился. С Часткою при случаю похоронен пок. еп. Товта мал честь поговорити, на тот час спишским епископом. Один из пряшевской епархии священник Ад. Зима посітил Самасу, ище тогда спишского епископа, и тогда Самаса споминал А. И. Павловича такими словами: “А где тот вы-

сокий, котрого мы называли поляком?”

Настилько усвоил польский язык, што на желание одного польского поэта написал басню о выслуженном коні, и та была опубликована в польской газеті “Гвезда льешинска” в 1857 р.

По 1848 год дуже мало занимался русскою словесностью. Возвратившись из Тирнавы, жил у мойого любезнійшого брата и благодителя Йосифа, приходника в Комлоші. Там я начал сочиняти стишки о долі бідного урбарского поденного. Тоты стихи вручил Бованковичу, протоигумену. Може ище находятся в Мукачевской обители.

В Тирнаві познакомился с графом Замоиским, от котрого доставал польскы книги, из них много читал, но уже там розмышлял о своем материнском языке и почал римскими литерами складати русскы стишки. В 40-ых роках, як всягда, так и у нас стали чувствовати по народному; так и бідак “попів Шандор” зачал по-русски мыслити и писати кириллицею, т. е. русскими буквами. В 50-ых роках писал в газету “Русскій Вѣстникъ”, издаваему в Відню Юл. Сборовским Вислободским. Позже основалось в Пряшеві Литературне заведение незабвенным о. Духновичем, писал в “Поздравление Русинов”, “Слово”, издававшееся во Львові, держал и сообщал статьи. Б. А. Дідицкий издавал книжку “Зоря Галицкая”, воззвал Павловича, котрый послал йому стихи. Б. А.

Дідицкий исправил и напечатал их в “Зорі”. И в часописи в Унгварі писал, но когда Гомичко перенял редакцию, совсім перестал писати.

Страдания усилили самоотвержение. Во Вышнем Свидникі 27 августа (8 сент.) 1871 года в ночи о 2 год. возник пожар в конюшні приходника, и в пару минут уничтожил всі будинкы приходка, а и весь маєток Александра И. Павловича, приходского священника. Он стратил 65 крижов жита, 20 пшеницы, 45 ячменя, около 50 овса и пр. 150 сотнарев сіна, конича, ядеику, всі господарскы приряды, 3 возы, плугы, бороны, одну хорошу лошадь, 16 свиней, 20 гусей, 50 кур и пр. — словом все, за вынятком вещей, находившихся в комнатах, и несколько кусов рогатого скота, да одной лошади. Наипаче поражен был тым, што не мал где склонити голову и принужден был строити новы приходскы будинкы. Послі того несчастья А. И. Павлович замітил в духовной жизни своей перемену. Страдания усилили в нем самоотвержение, и он стал продолжати свою литературну діяльність.

Стихи, сочиненны по 1875 г., переписал и послал Б. А. Дідицкому, новшы списуе в одну книгу, где есть и словацкы стихи в шарішском нарічію. Місяцеслов, изданный в 1890, сердечно привітствовал, но покровитель того місяцеслова не доволен изданием и в “Kelet-i” объявляе ужасны требованія ко уничтожению даже

русских букв, священных тысячелітнем.

В настояще время в Угорщині одинокий усердный діятель на русском поприщі неутомило защищае в “Листкѣ” русску словесность — да благоденствует! Удивительно, што славный Уриил Метеор молчит, ци живой он? В нашей пряшевской епархии смертоносне молчание.

В нашей пряшевской епархии, кромі о. Юлия Ставровского, приходника в Чертежном, никто не занимается русской письменностью. Суть честны русскы патриоты, но молчат, и так ніт надежды, штобы подпирали нас.

Русскому языку я в школах не учился нигде, и так не в состоянии правильно писати по-русски, потому я занимаюсь только простонародным стихотворением. Но обучатись правилам русского литературного языка уже в 70 году жизни — поздно.

Александр Ив. Павлович, приходник свидницкий.

Як видиме, А. И. Павлович сам признае откровенно, што правил русского литературного языка он не знал, бо в тых школах, где он учился, русский язык не преподавали. Но он любил русский литературный язык и мал охоту писати чисто так, як писал в России. Из його автобиографии, из писем и всего литературного творчества видно ясно, што он был общерусским патриотом — панруссом, який признавал едину Русь. В патриотичной литера-

турі його можна назвати прямым потомком незнаного автора “Слова о полку Игоревом”. У Павловича встрічае подобны призывы и тоту же широку любовь к русской землі.

Дакто може сказати, што Павлович писал простым народным языком лем по той причині, што не знал литературного языка. Но таке объяснение было бы цілком неправильным. Он мог писати легко таким мішаным книжным языком, яким писали в тых часах другы писатели и поэты во Львові, в Пряшеві и Ужгороді: — мішанином церковного и народного языков, або старым книжным языком, приближенным к языку русской литературы тогдашней России. Тогда и украинский литературный язык не был ище выробленный, то всяди писали таком мішанином. И Павлович уживал такой язык, коли писал на высшы темы, або звертался до интеллигенции. Но як правдивый поет, он чувствовал, што в литературі не можна вести людей из простого народа и заставити их говорити фальшивым языком, який они в своем житью не уживают. Так в своих вершах, в котрых рисовал картины из житья народа на Маковиці, Павлович писал народным языком. За то они выходят у него так натурально и правдиво. А най бы поет заставил их говорити даяким чужым им языком, то он зараз оторвал бы их от житьовой правды.

Велика шкода, што другы

культурны діятели и “просвітителі” народа на Пряшевщині и Лемковщині не пошли за приміром А. Павловича. Правдиве просвіщение народу они могли дати лем народном литературом, бо лем так можна было возбудити в народі любовь до книжки и до науки.

А. И. Павлович на свои часы был высоко образованным интеллигентом. Он знал польский язык, мадьярский, німецкий и словацкий, а также классичны языки — латинский и греческий. Греческим языком он владіл настільки, што по окончанні “философии” по-гречески написал просьбу пряшевскому епископу Йосифу Гаганцу. Так он был знакомый и с литературом тых языков. Може найлучше был ознакомлений с польском литературом, бо як сам споминат, он получал много польских книжок от графа Замойского. За то и його народна поезия придерживеся больше форм и правил польского стихосложения, як русско-го або украинского.

А теперь перейдеме к розбору и пояснению той поэмы нашего поэта о панцизняном хлопі, котру поміщаме в нашем Календарі.

А. Павлович называет панщину “урбарским подданством”. Слово “урбарский” относится к “урбаріалным реформам” австрийских владітелей Марии Терезии и Йосифа II, котры хотіли урегулювати всеобщим державным законом повинности и податки панцизняных хлопов в пользу панов-зем-

левладільцев. По урбаріальному закону Марии Терезии устанавлились “цисарскы комиссии”, котры должны были для каждого пана составить панцизняну грамоту и записать в ней, сколько який хлоп повинен был робити для своего пана, што давати йому в виді данины и подарков. Но в “цисарскы комиссии” входили сами панове-поміщики, котры разом с цисарскими урядниками составляли тоты панцизняны, або урбарскы, грамоты. Така комиссия приходила в село и в присутности поміщика, сельского старосты и пару старших людей из селян приготавлила грамоту, т. е. як бы контракт меже селом и поміщиком. Потом такую грамоту утверждало ише собрание поміщиков в каждом комитаті, а так объявляли ей и селянам и поміщику.

Закон выходил из того, што вся земля належит до панов-поміщиков, а селяне лем уживают панску землю, и за уживанье земли должны робити для пана на його господарстві означенне в урбарной грамоті число дней и давати йому данину в грошах и натурі. Панщина рахувалась от земельного наділа, який уживал селянин. Кто мал больше земли, то и больше робил и давал для пана. Полный наділ земли на одного селянина, т. зв. урбарский “кмецкий телек” обнимал на Закарпатью около 10 гектаров земли (25 акров), но місцями был меньший, а місцями больший в зависимости от урожайности зем-

ли в той або иной околиці. Каждый селянин, котрый сиділ на полном наділі (“телеку”), обязанный был отрабляти для своего поміщика 52 дни до рока тягловой панщины “от рана до вечера”. Тяглова панщина означала роботу с коньом або волми. Кто не мал тягловой силы, то за каждый день тягловой панщины мусіл робити два дни пішком, або 104 дни до рока.

Но таких селян с полным наділом земли не было много. Были селяне, котры сиділи на половині “телека”, на четвертині и осьмині. Были и такы, што не мали земельных наділов, лем хату и загороду. Такых халупников называли “жыдлярми”. А у кого не было ани своей хаты с загородом, то жил комірником. Жыдляре отрабляли по закону Марии Терезии по 18 дней панщины до рока, а комірники — по 12 дней. Коли пану захотілось, то он мог зогнати газду с земли и обернути го в “жыдляр”, або комірника. По закону поміщик не мал права отнимати земельны наділы у селян, ани уменьшати их, но то оставалось лем на папері, бо пан боронил пана, то панове могли робити што лем хотіли. В поэмі А. Павловича прямо говорится, што поміщики отбирали землю у газдов и обертали их в халупников. Жалуеся панцизняный хлоп:

“С газдов жыдляров зробили,
А тых грозни поклубили,
Страшни крутовати дали,
Же на них скаргу складали.”

Значит, селянин мог идти на скаргу к цисарским урядникам, мог жаловатися на своего пана, но панскы гайдуку за то немилосердно били селянина.

Кромі панцизняной работы, были всякого рода даины для пана-поміщика. В законі говорилось, што каждый, у кого была хата, хоц бы и не мал земельного наділа, платил домовый податок в розмірі 1 флорина рочно. Дальше была “кухонна” дань: от полного телека треба было давати 4 куры, 12 яиц, гальбу масла рочно. От каждых 30 урбарских телеков село обязано было давати пану на кухню одно теля, або платити тоту дань грошами — 1½ флорина. Коли пан женился, селяне обязаны были давати ише додаткову специальну данину, як “подарок” для своего пана. Такой “подарок” ровнялся цілорочной кухонной данині. Со своего урожая селяне были обязаны приносить пану девятую часть (нону) от всего, што собрали. Тота “нона” растягалась и на статок: девята штука приплода от овец, коз, свиней ишла пану. Но селянин мог пристати, што тоту данину буде отрабляти. Рахунок был такой, што нона могла быти замінена 12 днями тягловой панщины або 24 “пішыми” днями с полного наділа.

Были всякы иншы данины и поборы. Селяне платили або давали на утриманье панских сторожей, ексекуторов, гайдуков. Селян примушали купувати означенну скилькость горілки, пива

и вина, в панских шинках, молоти зерно в панских млинах и т. д. Была давнише специальна дань, котру называли “суха корчма”. Тоту дань платили селяне, котры не уживали напитоков и тому не давали заробку панам. Аж в урбариях Марии Терезии тотта “суха корчма” была скасувана.

За всякы нарушения тых повинностей пан мог сам карати селян. В законі перечислялись тоты кары, якы пан мог накладати. За меньшы проступкы он мог наложити на селянина дополнительну панщину от 1 до 3 дней, заперти го и держати под арестом на хлібі и воді, бити палками. Мужчин били палками, а женщин прутами.

В урбарии Марии Терезии были точно перечислены кары и штрафы. Коли селянин не пришол робити панщину, то доставал 12 ударов палком. Коли селянин вырубал дерево в панском лісі, то мусіл уплатити шкоду и отробити екстра 3 дни панщины. А на панщизняной роботі панскы дозорцы и гайдуку били тых селян, котры слабо робили. Поема А. Павловича як раз розповідат о бідном “панщарі”, котрого гайдуку так побиили на панской роботі, што на другой день от того он помер.

В урбарском законі Марии Терезии было 9 пунктов. В последнем пункті говорилось о выборе, правах и обовязках громадских урядников на селі. Старосту в селі (“бирова”, вйта) выбе-
рали селяне из 3 кандидатов,

яких предложил им поміщик. Но поміщик мал право неугодного старосту “из бировства изверчитай карати”. А нотариуса (сельского писаря) село могло само выбрати и отстранити. Тоты громадскы урядники собирали в селі дань (“порцию”).

Сын Марии Терезии Йосиф II “поправил” гдеякы пункты урбария своей матери и формально скасувал личну зависимость селян от поміщиков, но и то осталось лем на папері, бо власть была в руках поміщиков, то они могли робити дальше, як хотіли. В поемі Павловича представлено с необычайном силом и правдом, як жилось “урбарским подданным” в первой половине XIX столітия на Маковиці.

Тут треба ище спомнути, што кромі головной панщины и дани на пана, селяне были примушены отрабляти меньшу панщину на своих униатских священников и давати им данину. Коли по селах на Закарпатью держалось православие, то поміщики и державны власти не дбали дуже за православне духовенство. Но униатске духовенство было связане с Римом и державом, стало им вірно служити, то державна власть начала старатись обеспечить материально униатских священников и зровнати их с панами. Так на тых “урбарских поданных”, на бідне панщизняне селянство был ище звалений новый тягар — коблина и роковина в пользу церкви.

Сам Павлович належал до клас-

са униатского духовенства, но он мал народне чувство, мал глубоко любовь к бідному народу, то виділ народну кривду и критиковал здирство селян не тилько от панов, но и от униатского духовенства. В стихотворении “Состояние Маковицы”, написанном в 1888 року, он так обрисовал то-
то здирство бідных селян:

Велика порция, великы податкы,
Платиме, робиме мы и нашы

статкы.

Нотариус тримат собі послу-

гальца,

От каждого села ему иде плаца,
Плать нотариуса, рахтаря, лісника,
Бургара, гайтова, а и костельника.
Сыпь два корцы зерна каждый

рок попови,

А по єдном корцу давай

дзяжкови.”

В поемі “Став бідного селянина” А. Павлович зараз в первой строфі переходит к своей темі и идеі. В четвертом рядку той строфы говорится:

“А панщар иде голодный!”

Он иде с панского поля слабым кроком, бо на роботі гайдук немилосердно го побил. В природі тихо, спокойно, а панщар говорит само до себе и жалуется на свою смутну долю. Дома діти летят к своему няничкови, отдают йому дітинску честь, а жена ставит бідну вечерю. По вечері клякают всі разом и молятся, просят от Бога помощи в своей нужді, бо инде не маюг где просити, ани не знают што робити. Помолившись, пошли

спати, уснули и забыли свою нужду. Поет додає от себе, што сон-
тым добрый, же человек во сні забывает свой смут.

Поет оставил на хвилю тоту бідну родину и начинат розмышляти о несчастном житью своего народа, закованного в ярмо панщины. Приходит му на мысль, што и худобині, статку ліпше жити на світі, як бідному панщизняному селянину. Поет рисує самого себе, як иде селом и плаче горечни над нуждом седлячом. Но чует, што сова завискала. Зараз припомнул собі повірие народне, што коли тот ночный птах закувиче, то смерть предвіщує. Але поет отганят от себе тоту мысль. Говорит, што не вірит ни ворожбитам, ни бабам-чарівницам, ни сельским забобонам. Просит людей не вірити тому, бо то кламство, котрым дармоиды вытягают грошы от народа.

Поет вертатся знова в хату панщара. Солнце уж всходило, то там всі повставали зо сну, лем отец, тот побитый вчера панщар не мог уж встати. Жена кличе на него, штобы вставал, бо идут к ним “якысь потворы”, но он не вставал, бо ослабили му цілком кости. Пришли с гайдуком лісницы и кажут му идти на панске. Грозят, же кедь не піде, то го повяжут и будут бити.

Поет приводит дальше бесіду слабого Ивана-панщара с тыми “потворами”. Гайдук и лісницы виділи, што Иван цілком хворый, то го не вязали, ани не би-

ли, лем взяли за кару косу, як залог, пошли до корчмы и там пили на тоту косу. Так діялось по селах в тых часах. Коли селянин хотіл откупити свою косу, то мусіл заплатити в корчмі, што панскы слугы выпили.

За хвилю до хаты хворого Ивана приходят громадскы урядники. То свои люде, такы бідны селяне, як и Иван, “кумичком” його кличут, но ище под окном дают знати, што собирают податок — порцию. Иван говорит им, што не може уж встати, ани не має откале порцию взяти. Он предсказуе свою близку смерть и просит их помочи жені и дітям занятися похороном, а и потом не оставити их без опікы.

Тот диалог хворого Ивана с громадскими урядниками, як и його диалог с панскими гайдуками, належат к наибольше трогательным місцам поэмы. Тут наш поет с великом поетичном силом представил горе панщизняного хлопа.

Дальше в поемі говорится, як громадскы урядники, потрясенны встрічом со слабым, до смерти побитым Иваном, отходят от хаты и со жалом бесідуют о вчерашной пригоди с Иваном на панской роботі. Гдекотры из них были там на панском, то виділи, як гайдук бил Ивана. При той бесіді один из них аж плакал, бо пришло му на мысль, што и с ним може так случитися, и треба буде оставити діти и жену без всякой опікы. Ище больший страх всіх обнял, як потом, переходячи

помеже хаты за порциом, увиділи, што жена Иванова Настя, ишла, плачучи, к фарі. То был знак, што Иван при смерти, так жена пошла кликати священника.

Дальше подробно обрисовано, як священник иде к хворому, сповідат го и приготовят на смерть. Потом Иван прощатся с дітьми и женом. Мы пропустили тут около 50 строф, бо в поемі бесіда хворого Ивана до дітей и жены есть страшно ростягла. То всьо выдержано в духі той церковной мудрости и віры, яком жили нашы люде по селах, но рисуе правдивый образ сельского житья. Мы хотіли скоротити поему, где лем можна, штобы помістити ей в нашом Календарі, так оставили лем часть той церковщины. Она и так переутомляе читателя и уменьшат литературну цінность поэмы.

Попрощавши умирающего Ивана с його бідном женом, поет переходит к изображению самой смерти Ивана. Тут в Америкі недавно один из видных литературных критиков указовал на то, што в світовой литературі есть дуже мало картин, представляющих физичне умирание человека. А наш народный поет А. Павлович дае в своей поемі надзвычай реалистичну картину того перехода от жизни к смерти.

Осталась опущена вдова с дітьми. Она посылат дівчину просити сусідов, штобы пришли помочи облікати помершого Ивана. Но никто не пришол. Люде боялись дотыкатися мертвых, бо в селі бушувала в том часі страшна

хворота — “глушка” (тиф). Так Павлович оставляе вдову и дітей вдова сама с дітьми переодіват покойного мужа. Потом посылат хлопчика просити, штобы задзвонили церковными дзвонами.

Як раз пастушкове гнали стабок с поля домой и почувли “прежалостный” голос дзвонов, то пытаются: “Кому дзвонят?” Поет отвічат от себе, же дзвонят — Карпатскому Русинову, Худобному Иванови, Урбарскому подданому, Любезному брату мому.

И рисуе сильными штрихами недолую панщизняного хлопа.

Вдова не може найти дощок, штобы сбити трумну для помершого мужа, то иде к священнику. Достала от него дощкы и гвозды. Но при мертвом треба сидіти в ночи, а тут ніт чым світити. Посылат дівчину к священнику просити и лампу. Священник и попададя дали не лем лампу, но ище и хліба подарували для бідной вдовы и сирот.

Поет явно идеализуе отношение духовенства к сельской бідноті. Таких священников и в тых часах было мало. Но тут поет хоче сказати, што такими отцами своего народа повинны быти священники.

На том поет обрывает историю самого Ивана и його вдовы и дітей. Покойного треба было похоронити, но А. Павлович не описуе похорону. Возможно, што он не докончил тогды в 1847 року свою поему, а позже не было у него часу вернутися к ней. В той рукописи, яка сохранилась, А.

Павлович оставляе вдову и дітей в хаті с покойным Иваном, а сам описуе дальше порядкы при панщизні.

Селяне вертаются с панского поля и жалуются на свою долю. Споминают, як обходятся с ними панскы гайдуки, як бьют людей и штрафуют, дают знакы, штобы селянина, котрый отробил свои дни панщины, гнати наново до панской роботы. Споминают и о панских “баранисках”. При панщизні был такой порядок, што селяне мали повинность удержувати и кормити через зиму панскы свцы. На каждого газду назначали по дві овцы. То было определено в урбарских договорах, но на практикі панскы надзорцы накидывали и больше овец. Селянин был обязанный добре доглядати тых панскы ховец, бо як бы здохла дакотра, то треба было давати свою, або платити грошами отшкодование. А если пан продал овцы перед часом, то на селян накладались новы тягары в обмін за обовязок кормления овец. Газда на полном “телеку” был обязанный отрабляти дополнительно 6 дней панщины и дати пану означенну скилькость сіна. Рахунок был такой: ты не кормил панскы овцы, то давай пану того сіно.

Така была панщина. А. Павлович нарисовал страшну картину жизни панщара, но он сам не видит и не указуе ниякого выхода из панщизняного невольничества. Он не призывает открыто к борьбі с панами, не призывает к

бунту против невольничества, хоч напевно чул в том самом часі о кровавых бунтах польских селян против поміщиков в Галичині. Єдина надія остаєся лем на помощь от Бога. Окрем того, он призыват ище воздержуватися от

ЦИ НЕ ИДЕ ТИ ДО ПЛАЧУ, ЯК ВИДИШЬ НУЖДУ СЕДЛЯЧУ?

За гору солнце заходит,
З хмар ся новый місяц родит,
Вітрик подуват холодный,
А панщар иде голодный.

Слабым кроком домів крачат,
Лем ся гев и там затачат,
А раз такой уж мал впасти,
Мусіл пиля драгы сясти.

Так собі кус отпочинул,
В сердцу ся му жаль розвинул,
Бо задармо през день робил,
К вечеру го гайдук побил.

“Я му робил, як ем владал,
Он от мене вєце жадал,
Воду-м му не сколомутил,
Прошто-ж он мя так засмутил?”

Вітер вільшинами хвіє,
Приспівуют соловіє,
Хтіли бы го потішити,
Жаль не хоче го лишити,

“Мушу нести грозне ярмо
На моих плечах задармо,
Воліл бы-м в гробі заспати,
Як так окрутни капати.”

Встал неборак, дале ишол,
Помаленьки домив пришол,
Смутно по хижі позерал,
Добри зо жалю не вмерал.

пятыкы, бо пити панску палюнку не мушено.

Но А. Павлович уж тым, што нарисовал так ярко и правдиво панщизняне невольничество, будил ненависть к нему и подготавливал бунт.

Сиділи в купці діточкы,
Як во вязанці квіточкы,
Смутно, с плачем позерали,
Бо бы уж барз вечеряли.

Біжат ку нянцови своему
Дітинску честь дати йому,
Вшиткы му руку цілуют,
Бо го сердечно милуют.

Мати чиру сготовила,
В місці на стіл поставила,
Ледво могла выповісти:
“Иваничку, подь же істи.”

Побожно ся перекстили,
Коло стола умістили:
Ох, єсть дуже чиру мало,
Лем по кус ся им достало.

Діточок с женой семеро,
С вітцом их было осмеро,
Вшиткы от рана постили,
Теперь ся разом гостили.

Гостина тота бідненька,
Котру справила миленька
Мамичка дітям, отцови,
Дівчаточкам и хлопцови.

Продала пряжы пів штуку,
Три галвы купила муки.
С той вівсяный чир без соли
Хлипали бідны поволи.

На нич вєце не чекали,
Але разом покліякали, —

Молятся діти с мамичком
И с прежалостным няничком:

“Боже, отче наш на небі,
В превеликой сме потребі,
Помощь от тебе просиме,
Честь, славу ти приносиме.

Хцеме, абы прєсвятое
Святилося имя твое,
Ты найвысший світов царю,
Ждеме твоего царства зарю.

Грішити світ най престане,
Воля твоя най ся стане
Так на земли, як на небі,
Так в гойности, як в потребі.

Дажь нам днесь хліб насущный,
Бо тот с житьом неразлучный,
Або заклич нас до неба, —
Не буде нам хліба треба.

Долгы наши нам отпусти,
На должников не допусти
Кару, кедь с людской крехкости
Засмутили нас в узкости.”

Со слезами твари росят,
С неба хранителя просят,
Постуляли до сну очы, —
Борже, будь им на помочи!

Отец, діти и мати
Пішли с Богом спочивати,
До купкы ся поскорчали,
Даколи замаручали.

Спят, як мертвы, смордованы,
Забыли на свои раны,
На горечну нужду, смуток:
То єсть зо сну благий skutok.

Грובה тихость настават, —
Ночь мі образ смерти дават.
Місяц, звізды світло дали,
Жадной плацы не жадали.

Грозный жаль мяя переходил,
Же ся бідный на світ вродил:
Ліпше сто раз жити статку,
Як чловеку в недостатку.

Старамєся, бы наш статок
Не мал у нас недостаток,
А кедь не єсть што давати,
Звыкли сме го продавати.

Мы о статок ся стараме,
О нас никто, кедь не маме,
Мы гинемє, кедь нам, Боже,
Твоя ласка не поможе.

Не єсть хліба ани соли,
Кедь нит уроды на поли, —
Гине, як на брегу рыба,
Образ, Боже, твой без хліба.

Гинут с голоду сироты
Так, як квіткы от спраготы.
Боже-отче, с высокости
Посмот на наши узкости!

Уж ем ся дост напризерал,
То-м ся к домови поберал, —
Иду и горечни плачу,
Бо-м виділ нужду седлячу.

Ктоси ишол понад село
Барз якоси невесело,
На пищалці собі пискал,
Попри том кувик завискал.

— Ты, кувику, ночный птаху,
Ты многим задавашь страху,
Бо кедь даке закувичєшь,
Мыслят, же до гробу кличєшь.

Та лем там кувикуй собі,
Але я не вірю тобі,
Бо кого раз Бог закличе,
Вєра, — кувик не кувичє.

Каждый о том добри знає,
Же человек раз вмерти має.

Коли, де, як смерть нам буде,
О том нич не знают люде.

Великы суть в світі лести,
Дуже звыкли бабы плести,
Же суть бабы-чарівниці
И якыси ворожницы.

Не чарівниці чаруют,
Легковірны то вірують,
Глупым, котры нич не знают,
Ворожникам грошы дают.

Ворожницы, то цигане,
Горшы сто раз, як погане,
Бідных людей манят, кламут,
Святой віры права ламут.

До блуду вшиткых приводят
Людей, котры ку ним ходят.
Не годны им нич помочи,
Але засліпляють очы.

Непрестанно в корчмах сидят,
Пьют за чуже, добри ідят,
Єдностай о том думают,
Як кого кламати мают.

Каждый, кто Бога вірує,
Ворожцов най ся варує,
Бога най о помочь просит,
Ворожцам най нич не носит.

Они лем все ждуть на плацу,
Нищат бідных людей працу,
Хоч што глупо полябдают,
А блазны им грошы дают.

Не вірьте нич тым кламникам,
Тым чортовским насильникам,
Котры за злом драгом ходят,
Людей на баламут зводят.

Як ем ишол, місяц зышол,
Дома-м вшиткых спячих нашол,
По-тихицки-м позаперал,
Одежу ем зо ся зберал.

Гуню, черес и ногавкы
На ладу-м склал пиля лавкы,
Знял ем зо ся и капелюх,
Помолился, а так ем люг.

Як солнечко засвітало,
Кажде с свого місця встало.
Встали діти, встала мати,
А отец уж не мог встати.

Як ся уж пооблікали,
Вшиткы разом поклякали,
Молят, просят помочь Божу.
Отец молится на ложу,

Рад бы он, неборак, встати,
Честь, клячачи, Богу дати,
Але схворіл, не мат силы:
Смутятся діточки милы.

Дармо кличе Иваничка
Його любезна женичка:
“Встань, мужичку, встань догоры,
Идут к нам якысь потворы.”

Он сердечни встати жадал,
Але неборак не владал,
Ослабли му цілком кости
От превеликой узкости.

Пришли с гайдуком лісницы,
Тоты огавны пьяницы:
На панске му ийти кажут,
А кедь ніт, же го повяжут.

“Вязати мене не треба,
Павязал мя уж Бог с неба,
Деревяніють мі кости,
Уж одыду до вічности.”

Дале гварят му потворы:
“Вставай, линюху, догоры,
Бо тя дораз обиеме
И на косу-напиeme.”

“Та дармо, — можете бити,
На мою косу напیتی,
Кедь вам сумлінья допустит,
Най вам Бог гріхы отпустит.”

Со залогом пошли гетка,
А до корчмы несли гнетка.
Хорого преця не били,
Але на косу напили.

А лем што тоты одышли,
Дораз урядовы пришли,
Ходят по селу зарядом,
Ту так кричат под виглядом:

“Кумичку, гов! што робите,
Ци лежите, ци сидите?
Кедь лежите, та вставайте,
А порцію нам давайте.”

“Лежу я, лежу, кумичку,
Мой упримный сусідичку,
О голоді-м вчера робил,
На панском мян гайдук побил.”

Днеска уж не могу встати,
Порцію откале взяти?
Не могу собі помочи, —
Запру уж на вікы очы.

Жену, діти опущены
Лишу нагы, засмучены,
Прошу про Христовы раны, —
Возьмите их до охраны.

Дайте сбити, добры люде,
Труну, кедь вам можна буде,
Мертве тіло до ней вложите,
А так вынести поможте.

Гроб мі дайте выкопати
Там, де мой отец и мати.
Де дідове, прадідове,
Спочивают сусідове.

Будьте здоровы с милым Богом,
Змилюйтесь над небогом
Вдовом, женом опущеном,
С сиротами засмученом.”

Жаль, страх вшиткых переходил,
Єден за другим отходил, —
Вшиткы вздыхали голосно,
Двое плакали жалостно.

“Што вам?” — так ся Яцко звідал,
А Василь му отповідал:
— Знате, мой любый кумичку,
Же мам діти и женичку.

Не може то никто знати,
Ци буду мог заран встати...
Кедь мян возме смерть окрутна,
Што же почне жена смутна?

Атде кум, што вчера робил,
На панском го гайдук побил,
Цілый день нич не іл вчера,
Кто знат, ци дожде вечера.

Як на полудне сідали,
Не знали, котры ся звідали:
“Ци сте хорый, же сте такой
Якийси днесь барз ниякий?”

“Ниякий ем, правду мате,
За хворого мян тримате,
Ох, хорый я, милый Боже,
Уж мі никто не поможте.

Нужда, голод трапит мене,
Смутит мян поле зелене,
Бо докля зерно пристане,
Мабыти уж мян не стане.

Як будете зерно жати,
Я буду в гробі лежати.
Ноги мян не хлут носити,
Не буду вецє косити.”

Косци собі разом сіли,
Котры мали, тоты іли,
Ивана ем там не виділ,
Он в ярузі деси сиділ.

Як сме полуденок зыли,
Черстой воды ся напили,
А ишли сме гет робити,
Бо нас гайдук хотіл бити.

Поставали сме до ряду,
Иван собі встал до заду,
Ледво уж неборак стоял,
Але робил, бо ся боял.

Ку вечеру ледво дыхал,
Гайдук все до него штыхал,
А так в превеликой злости
Бил палицом слабы кости.

Громадскы, дале идучи,
Виділи Настю, плачучи,
Долов риньом к фарі ийти:
“Йой! Иван вмере уж мабыти”.

На фару пришла небога:
— Прошу вас, панцю, про Бога
Мужа мі к смерти приправьте,
Лем ся довго не забавьте!

Дзияк пришол с церковником,
К церкви идут с духовником,
Двери скоро отверають, —
Што потрібно — забирають.

Як дзвончок дал смутный голос,
Сжовтнутый ся кивал колос,
Пташкы утихли по стромах,
Люде клякали при домах.

На коліна попадали,
Руки побожно складали.
Зальяли им слезы очы:
Просят от Бога помочы.

Будинок лихий, обдертый
Уж был готовый отвертый,

Был с білою глиной білений,
По-при нем садок зеленый.

Діти, дзвоночок чуючи,
С хижы выбігли плачучи,
Барз ся біднятка лякали
И на колінця клякали.

Вошли до хижы пан-отец:
В бідной постели там отец
Духовному ся сповідал,
Што сгрішил — щиро повідал.

Уж был слабый, то не клячал,
Але на сидячки зачал
Молитися с духовником,
Як с Христовым намістником.

А так принял небодайну
Пренайсвятійшу тайну,
Поклонил набожно главу,
Богу давал честь и славу.

А так освятил му іерей
К помазанию смыслов елей,
Тым елеєм тіло мазал:
“Уфай, сыну, Богу, — казал.

“Не смутся, божий чловец,
Хоц смертельный пот с тя тече,
И в смертельной нам немочи
Господь може допомочи.

Бог есть давцом житья, смерти,
Каждый человек мусит вмерти,
Дочасного житья втрата
Отворит вічности врата.

За Богом в нас жадость горит,
Бог в сердцах надію творит,
Же по смутной дочасности
С ним будеме во вічности.

Скончатся вшиткы жадости,
Настанут вічны радости,
Бо будут Бога видіти
С твари в тварь всі божескы діти.”

Иван уж есть розгрішений,
В своем сердцу потішений,
Знат, же житья того втрата
Отворит му в царство врата.

Просит от пан-отца руку,
Дякуе му за науку,
Руку сердечно цілуе:
“Господь най вас помилуе!”

А пак діти прикликали,
Тоты пред няньом клякали,
То в кабатку, то в кошели,
Невинятка, як ангелы.

Цілу тварь му закрыл смуток,
Роспочал жалостный skutok,
Повідал к дітям маленькым
Иван голосом слабенькым:

“Вы, премилены діточки,
Сердца моего цвіточкы,
Богу отцу вас поручам,
Остатний раз вас научам.

Як в гнізді малы голятка,
Охаблям вас, пахолятка,
Хоц ем робил до остатку,
Не мам гроши ани статку.

Богу честь, славу давайте,
Неустанно го взывайте,
Он вам на помочи буде
И с ним богобойны люде.

Бог живит едных на стрісі,
А других зас пташков в лісі,
Он мат старость на хробачка,
Як бы не мал на жебрачка.

Прото, што вам буде треба,
Просьте все от отца с неба,
Бо с неба вшитко походит,
Місяц, солнце про нас сходит.

Кедь напою земля жадат,
Роса и дождь с неба падат,

Кедь діточки отца просят,
Поля зерна нам приносят.

Знам, же твоя сила, Боже,
Во вшитком помочи може, —
Ах, допоможь тым бідняткам,
Опущеным сиротяткам.

Мои любезны дітятка,
Останете сиротятка,
Бог от мене жадат душу,
Уж вас охабити мушу.

Але Бог вас не опустит,
Хоц на мене смерть допустит.
Он вас буде дозерати
И любезна ваша мати.

Звіри, птицы хоц не сіют,
А преця якоси живут,
Бо Бог на них старост мае,
Живность и одежду дае.

О вас старость мати буде
Бог и ним натхнуты люде,
Кедь о них не забудете,
Без помочи не будете.

С Богом же мі оставайте,
Вашу маму все слухайте,
Бо вам отец уж умерат,
Най вас Господь Бог дозерат.

О ты, отче створителю,
Сыне Боже спасителю,
Духу в Троици Божой оден,
Допоможь им, я не годен.

Вірна товаришко моя,
Впаде уж подпора твоя,
Муж твой стоит уж над гробом,
Розлучится, жено, с тобом.

Щиро ем тя все любовал,
Вірность тримал, што-м шлюбовал,
Тот связок уж ся розвяже,
Бог мі тя лишити каже.

От початку до остатку,
В біді, нужді, недостатку.
Все-с мі вірної женой была,
Никда-с на шлюб не забыла.

Наш связок ся уж розрывают,
Мене жаль, смуток прикрывают,
Же останешь опущена
С сиротами засмучена.

Мила товаришко моя,
Знам, як грозна доля твоя,
Я не годен ти помочи,
Бо уж замкну мертвы очы.

Ты останешь, Настьо, сама,
Будь же діткам добра мама,
Давай им добру науку,
В потребі подавай руку.

Знам, же сте в біді, в потребі,
Але мате Отца в небі,
Славьте его имя Боже,
Бо он вшитко дати може.

И я ся с світом розлучу,
До божских рук душу вручу,
Прими, Спасе, в руки твои
Жену и діточки мои.”

Так утихнул, нич не гварил,
Смертельный ной с него валил,
Стулял очы и отверал,
Смутно на діти позерал.

Як горохы, слезы ліе,
А жена со жалю мліе,
Діти вшиткы клячат разом
И молятся пред образом.

Иван вздохнул, руки сложил
И так на перси положил,
Стулил воргы, запер очы, —
Аминь, конец, ніт помочи.

Тіло мертве, дух пред Богом,
Не гнул руком, ани ногом, —

До суду так буде спати.
Плачут діти, плаче мати,

Мати нариче голосно,
Пресердечно, прежалостно,
Пресмутне ей każde слово
Тяжше было, як олово:

“Нашой хижы солнце ясне
Навікы уж про нас гасне,
Гине наша світла звізда,
Наш сокол летит с гнізда.

Смуток, страх мене прикрывают,
Смерть найкрасший квіт наш
Потіха нас опустила, зрывает,
Смерть нас грозно засмутила.

Добри буде, мужу, тобі
Спочивати в темном гробі,
Добри твоей души в небі,
Але нас лишашь в потребі.

Я вдовица засмучена,
Што же почну опущена?
Мои любезны діточки,
Ах, кто же вам даст істочкы?

Нашы поля вшиткы пусты,
Не ест бандур ни капусты,
Не ест зерна ани статку, —
Погинеме в недостатку.

Знам, же по няньовой смерти
Будут нас за должства дерти,
Орек и хижу продадут,
Ани пинязь нам не дадут.

Погинете невинятка,
Вы любезны сиротятка.
Бог не дал в поли уроду,
Погинете от голоду.

Посмот, Боже, на дітятка,
Опущены сиротятка,
Ты знашь, видишь, што нам треба,
Подай нам, Господи, с неба.”

Так перестала плакати,
Каже сусіды кликати,
Абы пришли помагати
Мертве тіло облікати.

Параска до сусід пішла, —
Ани една с ней не пришла,
Бо доєдна ся бояла,
Бы ся глушка ей не яла.

На тоту грозну хоробу
Ста а ста пішли до гробу:
Кто о свое житья стоял,
Глушкы ся окрутни боял.

Де на глушку были хворы,
Там все пусты были двory,
Каждый такий дом обходил,
До хиж лем священник ходил.

С мамой бідны діти сами
Мыли отца со слезами,
На солому перевлекли
И до білых шмат облекли.

Мати полотна фалаток
Выняла с лады остаток,
Же го цілком не застало,
Добри ся ей што не стало.

С хлопцом засмучена мати
Дзвонарови дае знати:
“Повічь, Ваню, нонашкови,
Най задзвонят няничкови”.

Под нонашков вигляд пришол
Праві дзвонар с хижы вышол.
“Чом же плачешь?” ся го звідал,
А Ваня му отповідал.

“Плачу, бо мі вмерли няньо, —
Повідал неборак Ваньо, —
Мама мя к вам выправили,
Жебы сте им задзвонили.”

“Лем идь домой, поздравь маму,
Най дадут кѣпати яму,

Най ся о труну старают,
Дошкы дакы насберают.”

Статок домой с поля гонят,
Дзвоны прежалостно дзвонят
Пастушкове ся чудуют:
“Кому дзвонят?” ся звідуют.

— Карпатскому Русинowi,
Худобному Иванови,
Урбарскому подданому,
Любезному брату мому.

Котрый робил и статкувал,
А враг ся над ним збыткувал.
Он был мало коли сытый,
Часто по неправді битый.

Его вдовица мизерна
Не мат статку, ани зерна,
Ани хліба, ани муки,
Заставены суть всі луки.

Земли, што мат, стоят пусты,
И ніт бандур ни капусты,
Ніт коровы ани вола,
Словом, не мат нич ни сгола.

Хыбаль коблик пожичного
От пан-отца духовного
Сіяного вівса мают,
В том надію покладают.

Хоц лем корец ся природит,
Кедь статок не сѣст, не сбродит,
Добры люде им покосят,
Діти с мамой домой сносят.

Як пташата опущены,
Пищат діти засмучены,
Пріют, гинут сироточки,
Як подкошены квіточкы.

Морит голод и хоробы,
Всяди видны свіжы гробы.
Часы грозны, преокрутны,
Дни и нocy про нас смутны.

Туляются попод плоты
Бідны вдовы и сироты,
С нужды, біды и узкости
Не владают свои кости.

Ах, оберни на нас очы,
Отче с неба дай помочы,
Бо кедь так и дале буде,
Выгинеме грішны люде!

Настя горечни заводит,
Гев и там як блудна ходит,
Не знат бідна, што робити,
С чого як бы труну сбити.

Ворота цілком сбаршніты,
Двери, лавкы спорохниты,
През пощипана полица, —
“Пренесчастна я вдовица,

Ах, піду я, піду к своему
Пастыреви духовному,
Тот мя наістни потішит
И без помочы не лишит.

Он овечкы свои знає,
Добру пашу все им дає,
От вшиткого злого хранит,
Плаче, кедь волк их поранит.

Як сме гинули с голоду,
Вшиток овес дал нам с поду,
Он зеренце не продавал,
Але своим овцам давал.

Он так жиє, як Бог жадат,
Ни не марнит, ни не складат,
Добри робит, де лем може,
Дай му вшитко добре, Боже!”

Настя лишат смутну стріху,
Иде к отцу на потіху,
Знат, же кого вшиткы лишат,
Того духовник потішат.

Сбератся к превелебному
Панотцови духовному.

Взяла хустку на голову —
Стару, бо немала нову.

Взяла на ся лихы шматы,
Ліпше речи: лахы, латы,
Бо сама лата при латі,
На запасці и кабаті.

А хоц на доедной шматі
Лем сама плата при платі,
Преці ест чисто прибрата,
Бо выпрата каждая шмата.

Самотна, як голубица,
Иде плачучи вдовица
Поскаржитися на фару,
Же втратила житья пару.

Вышла смутна до світлицы,
А потоками по лиці
Прегоречны сызлы ліє,
Добри ся не розболіє.

А панотец ся смутили,
Им ся сызлы тыж скрутили,
Як виділи засмучену
Бідну вдову опущену.

Рекли ку ней тихы слова:
“Знам, же уж ес, Насто, вдова,
Знам, же ты товариш лишил,
Што ты живил, в смутку тішил.

Знам, як грозна твоя доля,
Не машь зерна, пусты поля,
Не машь гроша, не машь статку,
Знам, в яком ес недостатку.

Але не смутся, вдовицо,
Бог потішит твое лицо,
По смутку нам радост дават,
Бог нас живет и напават.

Бог о тобі не забуде,
Поможут ти добры люде,
И я, в чом лем буду мочи,
Все ти буду на помочи.

Што буду мог, істи ти дам,
Знашь, же от тя нич не жадам,
Не старайся о погребі,
Мужа дармо ховам тобі.”

— Але трумны нїт, пан-отче,
Кто-ж мї дощкы дати хоче?
Я их купити не могу,
Як же ту собі споможу?

— Да-с дві дощкы буду мати,
Та ти их покажу дати,
И гвозды ти тилько найду,
А без плацы ся я зайду.

Дощкы и гвозды достала,
Попадя ей муки дала,
Абы про бідны діточкы
Наварила стераночки.

Тота бідна вдова-жена
Пошла с фары потішена,
А уж ся так не старала,
Бо на трумну дощкы мала.

Пришла домой, затопила,
В горци воды поставила,
Наварила стераночки
Про голодны сироточки.

Діти коло стола сіли
И стеранку смачно іли,
Бодай долго здрава жила,
Же сироты потішила.

Вечер и ночь уж приходит,
Настя засмучена ходит,
Бо нїт раз в чом засвітити,
Не знат уж, што мат чинити.

Повідат матери Аньца:
“Попросте лампу от паньца,
Лем выправте к ним Параску,
Они зробят тоту ласку.”

— Та уж лем, як гварит Аньца,
Идь, Парасю, попрос паньца,

Бо они нас спомагают,
Пораду и помочь дают.

Позбералося біднятко,
Тото невинне дитятко,
Прегоречни плаче, стукат,
Добри в нем сердце не пукат.

Пришло ку превелебному
Пан-отцови духовному,
Со сызлами руку росит,
Стоит, плаче, нич не просит.

— Чого же-с пришло, синятко?
А оно гварит біднятко:
“Мама казали к вам піти,
Бо не маме с чым світити.”

Пан-отец ся ей звідали:
“Та што-ж от мене жадали?
— Лампу, — повідат Параска, —
Кебы была ваша ласка.

Пани-матка к ней гварили:
— Што же сте днеска варили?
— Лем стеранкы капенятко, —
Гварило бідне дитятко.

Лампу и осух достало,
Та плакати перестало.
Пошло домой невиннятко,
В людском тілі ангелятко.

Мати осух розломила
Между діти поділила,
Коло мамы собі сіли,
Цілий осух смачно сїли.

А так лампу засвітили,
Діточкы ся перекстили,
Молилися враз с мамичком
За небощиком няничком.

Діти, як ся помолили,
Коло мамичкы ходили:
“Ах, не плачьте уж, мамичко,
Бо не встанут наш няничко.”

Засмучена бідна мати
Почала роздумувати,
Як бы могла пожити
Завтра небожатка діти:

“Якой собі рады даме?
Отруб, половы не маме,
Полову сме сыли с поду,
Погинеме от голоду.

На зарань уж нич не маме,
Та лободы насбераме,
Або, мои діти любы,
Зарань підеме на губы.

Гиркынь дакус навариме
И лободы напариме,
С тым ся дакус поховаме,
Бо инше нич раз не маме.”

Сама лем остала мати,
Діти полягали спати,
Стулили невинны очы, —
Боже, будь им на помочи!

Спят діточки, Настя сама,
Тых сирот несчастна мама,
Гев там задумана ходит,
Каждая мысль жаль в ней родит.

На другий день поставали,
Богу честь, славу давали,
Смутны діти и мамичка
Позерали на няничка.

Тішат милые діточки
Свою маму, сироточки.
Мати лем все сылзы ліе,
А со жалю часто мліе.

Вечур зас до сну діточки
Стулились, як квіточки,
Але мати и той ночы
Ни кус не заперла очы.

Холодна ночь наставала,
Спарность дення преставала,

В темном гаю понад село
Пташкы співали весело.

Ослабнуты роботници
С панского ишли, бідници,
Заспівали барз жалостно:
Не так, як пред тым радостно:

“То сме собі заробили,
Же нас през день кляли, били,
Теперь ліземе, як раки,
Смутны, як вы, ночны мраки.

Кто-ж нас бідных пожалуе,
А кто же нас помиуе?
Посмот ты на нашу працу
И пожалуй нас, місяцу!

И вы, блищачы звізdochкы,
Посмотрте на нас, діточки,
И повічьте отцу в небі,
В какой сме мы ту потреби.

Земля, стара наша мати,
Не хце плоды выдавати,
Другий рок уж ніт уроды,
Гинут с голоду народы.

Голод привил к нам хоробы,
Всяди видно свіжы гробы.
Ніт овса, бандур, капусты,
Люде гинут, дома пусты.

От глушкы лізут волосы
И от стухлой стоколосы.
И уже ся трясеме всі,
Як в літі осики в лісі.

Не дармо нам ей давали,
Але драго продавали, —
Три златы с нас корец стоял,
Каждый платил, бо ся боял.

Наперед грошы жадали, —
Кто не мал, тому не дали.
Кому лем крайцар не достал,
Тот без стоколосы зостал.

Родичам на погріб звонят,
А сынов на панске гонят,
То орати, то косити,
То до сыпанцев носити.

Надармо ся голосиме
И от них помочь просиме,
Лем все от нас кажут брати,
Вшиткы мусиме жебрати.

Никда нам чести не дают,
Же хлоп гунцут — повідают.
За горечну нашу працу
Таку маме от них плацу.

Як коммуты робят с нами,
Так осудят, як хцут сами,
А кто панске переробил, —
“Гунцут,—гварят,—шкоду зробил.”

То за пір'я, то за колы,
За коровы и за волы,
За телята и за козы,
Же погрызли панскы лозы.

Штрофуют без милосердя
За доєдну фулку жердя,
За коликы бодай якы, —
Роб штыри, пять и шість знакы.

“Трицу, чи як ци там мено,
Як ши вожил панске шено,
Вул ше зогжил, шкоду зробил
В паду, як це писар побил.

Другий раз, як хмары ишли,
Хлапцы шено грабац пришли,
Воли пашли на прикопе, —
Шест знаки даш за то, хлопе.”

Мислей зачал повідати:
“Як бы то могли жадати,
Бо мы за тых знаки дали,
Котры им сіно грабали.

Я пастуха за то тримал,
Бы волы пас, а не дримал,

Жебы мі статок дозерал,
Але не им сіно сберал.

Я го моресу научу,
Тоты знакы му вытручу,
Най от того плацу просит,
Кому до коп сіно носит.”

— Ах, чловеце, не будь такий,
Не вытруч му тоты знакы,
Буду це огварац людзе,
И сумене грызц це будзе.

“Же я такий, повідате,
Вы милосердя не мате:
“Подаруй” — легко сказати,
Вам не тяжко вымазати.

Як же я не мам жадати,
Кедь вам, пане, мушу дати.
Сумлінью покой не буде,
Але вас посудят люде.”

— Уроб, цо хцеш, я не кажем,
Я ци тен знак не вымажем,
Не мам часу дишкуровац,
Мушим дале компутовац.

Дві осмины дзияк тримат
И костильник три свои мат,
Рыхтарь, мабыти, три мае,
За всі в село знакы дае.

В доновинкы, котры мали,
Другых собі нанимали, —
Выше триста мали знаков
Можнійшы от небораков.

Пан урядник вшиткы такы
Взяли от них тоты знакы:
“Хлопе, не гварь ани слово,
Тристо знаков робь наново!”

Хоц дождь падат, биют громы,
Треба везти ку ним тромы,
Хоц сніг позадуват драгы,
Треба везти на них сягы.

Нашы біднятка нянцове
Платили дежмо и пецове,
Преці про ліс все п'яниці —
Залоги берут лісницы.

Сокиру, ланц пропивают,
Або ягрім выдавають, —
Давай грошы ягринкови,
Плат палінку жидискови.

Кедь собі бідна сирота
Загородит фалат плота,
Ягер приде, та запише, —
И зас лем робь панске выше.

Уж ся люде барз варуют,
С камінья плоты муруют,
До стосов кладут камінья,
Бы не ишло в сад имінья.

До ліса ем ходил дармо,
Ягер мі порубал ярмо,
В поток пометал колеса:
“Гунцут грабил — гибай с леса!”

Не знал ем уж што робити,
Пошол ем до корчмы пити,
Мыслил ем, же спати буду,
А так на вшитко забуду.

Подданым дров не дают,
Жидам лацно продавають,
Жид христиана облупит,
Легко собі сягы купит.

Кедь поїдеме дровно стяти,
За ногы все кажут брати,
А то не лем уж от хлопов,
Але и от наших попов.

Царь далеко, Бог высоко,
Гавран гавранови око
Не выкопат, не выдзобат, —
Робят, што ся им подобат.

Царь во Відню собі сидит,
Он нашу біду не видит...

Кебы му дакто змалювал,
Над нами бы ся змилювал.

Декольвек земли міряют,
От седлаков отбирают,
Всяды будуют маиры,
Нам найпланьшы дают діры.

Де бережки добры, низкы,
Попри селі землі близкы,
Вшиткы правластнуют собі,
А в вертепах — ту машь тобі!

С газдов жидляров зробили,
А тых грозни поклибили,
Страшни крутовати дали,
Же на них скаргу складали.

Тоты панскы бараниска
Всягды губят нам паствиска,
Бо де тоты пасут бродят,
Там уж волы дармо ходят.

Теперь полеготу маме,
Масло, дробиск уж не даме,
Але дежмо в стриблі буде, —
Так нас кламут тоты люде.

Ци машь, ци ніт, дай небоже,
В том ти никто не поможе.
Гайдук вшитко ти забере
И с палицом тя напере.

Палюнчарни всяди творят,
В тых вшиткы лісы погорят,
В тых жидиска лісы нищат,
Нам от зимы кости тріщат.

Мы нажнеме, накосиме,
До сыпанцев наносиме.
Кедь доновинкы приходят,
Дармо к ним просити ходят.

Бо на нашу грозну біду
С бандур наварят нам яду,
Насмудят нам того смроду,
К стыду нашего народу.

Тот яд жидам до рук дают,
Они драго нам продают.
В Карпатах выгинут люде,
Кедь так и надале буде.

Мои братья премилены,
Вы то к тому несилены:
Никто нас не буде бити,
Хоц яд не будеме пити.

Кедь не будут люде пити,
Жиды престанут смудити.
Про них може буде шкода,
Межи нами любовь, згода.

Вкажьме світу, же сме люде,
Же с руснаков дашто буде,
А най увидит будучность,
Як велика есть русска цность.

Бог ся тому возрадуе,
Цілый світ ся зачудуе,
Подвигнесь наше племя,
Славне буде наше имя.

Иткут пришол до Зборовы,
Не мал вола ни коровы,
В жидлярстві в фарбаркі бывал,
Докля от нас не назбывал.

Днесь мат роли, дом стодолы,
Красны, як елени, волы,
В ничом не мат недостатку,
Мат сыпанец, дуже статку.

Же уж тридцет тысяч мае,
Гварит тот, што о них знае:
Сто златых мал на рок плацу,
Откаль набрал таку працу?

То кырвавый пот седлаков,
Котрый выссал от руснаков, —
Красну честь им за то дават,
Все до говед им надават:

“Вы говеда, вы руснаци,
Вы подляци, вы бортаци,
Вшитких бы вас треба набиц,
Бо ше вам нич нехце робиц.

Як столичному панови,
Но славнему землянови
Гунцут шедлак нехай дава,
Доклик му грайцара става.

Бием, тлучем вше Ивана,
Кедь нич нехце несец пре пана.
Мам пенежи годну купу, —
Знак, же не мам главу глупу.

Вайца, курчата не купим,
Бо шедлакох добре лупим,
Лем розказы треба давац,
А обдирац не преставац.

Кедь не даю, приду драги,
Вымерам им длуге шаги,
Дже найскорше робиц будзе,
Най там скапу плани людзе.

Дам ведля справедливосци
Ламац плане русске косци,
Кедь почливости не маю,
Иткутови нич не даю.

Шедлака так треба мучиц,
Так го ку добру учиц,
Бо би гунцут целе не бил,
А пре мне би нич не привил.

Чи то млади, чи то старец,
Руснак нех жре овес, ярец,
Он нех оре, шее, коши,
А мне до сыпанца ноши.

Мам кишени вельо панох
Орсацких и вичишпанох,
Я ше никого не боим,
Бо на добрых ногах стоим.”

ИЗ НАШОЙ ИСТОРИИ

КОРОТКИЙ ОПИС СЕЛА ИЗБ

Написал я малое сказание, или историчный очерк за наше село Избы, бывшего Грибовского повіта, на Лемковщині, и прошу Редакцию "К. Руси" поместить тот материал в Календарі на 1957 год. Може то буде моя послѣдня просьба к вам, ибо моя жизнь клонится к концу. Слабый, перейти не могу. На тоту болѣзнь людє умирают скоро.

Василий Д. Ван.

Село Избы одно из самых старинных русских сел на Лемковщині. По всей віроятности оно существовало ище при русских князях киевского и галицко-волинского периодов. Историчны записки с тых часов не сохранились, но осталась в народі устна традиция о глубокой древности того села.

Из позднѣйших часов сохранился один оригинальный документ — грамота краковского бискупа Яна Малаховского, в котрой упоминается, што в 1622 году о. Даниилу в Избах был подаруваный млин и всьо, што належит до того млина. Старшы выходцы из Изб знают тот млин. В церковном архиві в Избах находилась записка, што о. Даниил дал Ивану Медведєву копу овса и др. за то, што

он позволил пустить через свое поле воду на млин.

В народі хранилось предание, што перва русска церковь в Избах стояла на Черепівці — на половині нижнього села (где господарь назывался Череп). В церкви был звон с датом по-латински написанном: Божого року 1325. Вага того звона была 300 килограммов. Так наши священники опредѣляли час основания первой русской церкви в Избах концом XII столітия.

Мы старшы избыяне памятаме тот старинный звон в нашей церкви. Но в перву світову войну австрийскы власти забрали с нашей церкви тот старинный звон и другы два звоны на каноны.

Другу церковь в Избах построєно за водом, на берегу над лїсками. То выходило так, як бы было уж за селом. Деревя заслонювали вход до церкви. Раз в ночи сельскы вартownicy переходили дорогом по другой стороні церкви и почули удар звона. Варта побіжала через воду к церкви и нашла церковны звоны на землі. То злодіи хотіли украсти наши церковны звоны и уж спустили их на землю, але при том спускї случилось так, што сердце ударило в звон. Злодіи, як почули, што варта біжит к

церкви, сіли на воз и погнали коней в сторону Мохначкы.

Потом была построєна нова церковь в 1755 году. Внѣшня форма была крестообразна. Вверху 5 круглых куполов. По правой стороні находилась икона Покрова Пресвятой Богородицы: возносится Царица Небес в небо, но очы ей сочувственно обернены на тоту нужденну землю, с котрой громадка несчастных людєй (а среди них и тогдашний пресвитер избыянский о. Йоанн Ропский со своей попадью) призывают опікы Матери Божой. На противоположной стіні была изображена гора Лацкова с табором польскых конфедератов, котры так врзались глубоко в историю Изб. На той же самой стіні начертано было лице мужчины с шапком-баторовком, державшого в руцї пальмову голузуку. Под образом было написано: Sw. Kazimierz. То указовало на маршалка конфедерации ломжинской Казимира Пулавского.

За иконостасом містился престол средних віков унии. Сей престол посвятил лично Йоанн Малаховский, униатский владыка Перемышльський, в часі свого скитания по Лемковщині. В ризохранильніцї можна было ище видіти портрет о. Йоанна Щавинского, приходника в Избах. Он был приходником в Избах уж в часах конфедератов, о котрых скажемо больше на иншом місци.

Село Избы расположено в половині среднего Бескида. Границя. Но Польша не мала уж си-

ца Изб сходится с границєю села Питрова, по угорской стороні, и так вспольна их границя тягнєся под саму гору Лацкову. Гору Лацкову окружают границы 4 сел — Избы, Білична, Циголка и Питрова.

Лацкова єсть кругла гора, выскока на 3,438 футов над уровнем моря. Территориально належит до Біличной. Сверху Лацковой горы видно бесконечну цїпь гор, даже Татры. За поточком в западной стороні місце значно подняте над уровнем долины, обведенне заросшым уж ровом. Зараз можете познати, што тот ров то не діло природы, а діло рук чєловіческих. Так и єсть: то бывший табор барскых конфедератов.

Штобы объяснить, чому и як появились конфедераты в Избах, я наведу тут коротко историю тогдашньої Польшы.

В 1763 году, послї смерти польского короля Августа III, утворились в Польской республикї двї сильны партии: одна под начальством Браницкого, гетмана великого коронного, прозванна республиканском, вірна старым традициям и хотіла сохранить всі шляхетскы выгоды и веселе житья — їсти, пити, гуляти и над русскыми сміятися. К той партии присоединились магнаты Радзивилл и Потоцкий.

Друга партия под начальством Чарторыйскых домогалась корєнных реформ в Польшї. С том партиом держали Россия и Прус-

лы, бо не мала порядку, то русскы войска переходили по Польші, куда хотіли. В маю 1764 года был созванный в Варшаві сойм для выбора короля. Туда прибыл и отділ русских войск для поддержки партии Чарторыйских. Были пущены в ход надзвычайны методы, но в конці концов партия Чарторыйских победила и выбрала королем своего кандидата Понятовского.

Но Польша не успокоилась. Розгорілась и религийна борьба. Православны набрали смілости, бо виділи, што русскы войска наводят порядки в Польші, и начали домагатися равных прав с католиками. Россия и Пруссия рішили поддержати тоты требования. Но польска шляхта и духовенство подняли страшный крик, што “иновірцы”, “диссиденты” посягают на святу католицку віру. Русскы войска схватили головных лидеров оппозиции и вывезли их в Россию. В февралі 1768 года был заключенный договор меже Россиом и Польшом, по котрому Россия гарантовала сохранение порядку в Польші.

Вот в том часі начались бунты польской шляхты под кличем: за віру и свободу. То значило — за свою католицку віру и за свою шляхетску свободу, бо они не признавали равных прав и свободы людям иншой религии. А простому народу не признавали никаких прав. Такой польский шляхтич держал селян в панцизнияном ярмі, издівался над ними горше як над худобом, но и так высту-

пал с кличами борьбы за свободу.

В Подолии тоты бунтовщики захватили місто Бар. Там они створили одну конфедерацию. В Галичині была створена друга конфедерация.

Польский король не мог дати собі рады с тыми конфедератами, то звернулся до царицы Екатерины с просьбом, штобы русске войско навело порядки. Русскы войска разбили быстро конфедератов, прогнали их из Подолии и Восточной Галичины и пошли за ними аж до Кракова. Так головны силы польских конфедератов были россіяны на всі стороны. Но теперь недобитки конфедератов собирались в меньшы шайкы и продолжали конфедератску войну против своего правительства. Вот в тых часах одна группа конфедератов засіла табором в Избах — под гором Лацковом.

Тото конфедератске войско было конне: складалось из шляхтичей, котры признавали себе равными як братья, но не слушали один другого, а даже на поединки выходили меже собом. Конфедератске войско числило около 17,000 человек. Одна группа разложилась обозом где-то меже Бічом и Самбором. На чолі той группы был маршалок конфедерации Казимир Пулавский. Другий обоз разложился в Избах. На чолі той группы был маршалок Биржинский. Головну квартиру они мали в Галбутові, по угорской стороні границы.

Был то драпежный, ненасытный народ. За то тяжко потерпели наши села, котры мали стычность с конфедератами. Наибольше потерпіло наше село Избы, бо тут разложилась тота банда своим табором.

Первым ділом конфедератов, як уже разложили свой табор, было поставити шибеницу (висілицу) на верху горы, штобы всі села наоколо виділи ей и так штобы тота шибеница служила пострахом для цілой окрестности.

В осени 1768 года прибыло то-то панство к нашему селу и росположилось над Избами. Лидером того панства был маршалок Биржинский. Он дал приказ, штобы господаи запрягали волы и кони и всі ишли копати траншеи и возити глину и камінья для высыпанья обозу. На вечер пан Биржинский гдекотрых господарей послал с волами до дому, а другим сказал, што их волы останутся на мясо конфедератам. Так с плачем и тилько с одним бичом в руках вернулись тоты господаи додому. Коли не стало волов в Избах, то конфедераты розышлись по других селах и забирали там худобу.

Тота воячка конфедератов начиналась на грабежи селян и на том кончилась. На місце маршалка Биржинского пришол потом Казимир Пулавский, но без мала одинакова была біда. Хотя он заборонял грабити, но подчинены всьо ровно грабили.

Дакому може буде дивно, чому тота банда конфедератов за-

лізла аж до Изб со своим табором и там сиділа. Они хотіли быти в своей державі, но близко границы, а властиво на самой границі, штобы в случаю атаки скрытиса за границу. Австрия в тых часах держала сторону конфедератов, бо боялась, што Россия забере цілу Польшу и стане небезпечном и для Австрийской империи. Польша ище рахувалась независимом державом, так Избы находились в Польші, але Питрова была уж в Австрии. Русскы войска, котры робили порядки в Польші, могли устроити нагонку на конфедератов в Избах, но до Питровой не могли уже перейти, штобы не втягаться в войну с Австриом.

Людей насилу забирали до войска, бо тота шляхта там в обозі хотіла мати слугов. Брали до обслуги не лем поляков и руснаков, но и жидов. Люде втікали, кто лем мог, за границу, штобы спастиса от конфедератов. Конфедератам потребны были и грошы, то насилу забирали, где лем далось найти. Грабили так и жидов, а даже польскы кляшторы (монастыри). Русскы священники мусли давати им по 3 дукаты. На силу брали конфедераты от селян овес для коней, масло, солонину, куры, гуси, грибы, олій, волы, кони и все, што тилько было. Зганяли людей с цілой Лемковщины на работы. Так вся Лемковщина была примушена давати удержание той голоді.

Не одна дівчина-красавица была обесчещена, не одна жена

оторвана от своего мужа и детей и силом уведена конфедератами в обоз для их забавы. А протестовати не можна было. Конфедераты зараз показовали тоту шибеницу на верху просто церкви.

В селі Ждыні забрали жену русскому священнику. Надармо просил священник, чтобы панове не розбивали йому семейну жизнь. Конфедераты сказали йому, што то велика честь для русского попа, же його жена полюбилась польскому офицеру. Несчастлива жена скоро умерла там в обозі от дикого наси́льства.

В селі Солотвинах конфедераты украли молодую красивую дівчину, дочку Ивана Сметаны. Но в Избах нашолся такой молодой герой, што хитростью вырвал дівчину из конфедератских рук и скрывал ей в своей хижі. Отец дівчины знал, што дочку украли конфедераты, но не знал, што она была вырвана из их рук, то на другой день явился в их обозі и просил начальника, чтобы йому отдали дочку. Головным справцом того діла был ротмистр Хижевский. Он россердился на отца дівчины, бо думал, што он знае всьо, лем пришол посміятися над панами. Так за поводом того ротмистра Хижевского выдано приказ повісити Ивана Сметану на той шибениці в Избах.

Коли місцевый священник узнал о том дикунстві конфедератов, то наказал своим прихожанам строгий пост, даже малым дітям заборонил давати грудь. Был праздник, то священники из

других сел были в Избах. И потом по селі рознеслася така пого́лоска, што в часі литургии образ Покрова Пресв. Богородицы прослезился. Віруюшы люде в церкви, як виділи то, так пали лицом на землю.

Я передаю тут лем то, што сохранилось в народных преданиях в нашем селі. Послі богослужения загуділи звонны. Народ выходил из церкви. А польскы конфедераты вели на смерть Ивана Сметану. Меже 4 коньми ступал невинный Иван: руки в ланцу́хах привязаны до двох передных коней, а на ногах тоже тяжкы ланцу́хы, привязаны до другой пары коней. Остановились перед церквом. Конфедераты зроби́ли то нарочно, чтобы ище больше страху нагнати народу.

Дочка Ивана Сметаны жила тайно в домі матери того героя, котрый вырвал ей из рук конфедератов. Но коли узнала, што ей тата ведут на шибеницу, то выбіжала под церковь и кинулась на шею повязанного отца. А отец лем поблагословил свою дочь. Она не хотіла выпустити из объятий своего отца, но ротмистр Хижевский ударил несчастну дівчину так сильно, што она упала на землю. А коли ей подняли, то она была помішана в розумі.

Конфедераты повели свою жертву в сторону шибеничного верха. Там повісили Ивана Сметану. Мисцевый священник в Избах просил выдати тіло повішенного, чтобы його похоронити по христиански. Но ротмистр Хижев-

ский не позволил. Потом священник получил позволение от вышней конфедератской команды и похоронил Сметану.

Но того же года 1770, в августі місяці, пришол конец конфедератам. Русскы войска розбили их над Избами, а недобиткы были окончательно ликвидованы на полях Ганчовы. Пулавский біжал в Венгрию, а так достался в Америку. Хижевского хотіли схватити живого в руки, но в народном предании о нем говорится, што злый дух привел його на місце, где он повісил невинного Ивана Сметану. Там он убил сам себе выстрілом из писто́лета.

Ище в наших часах, перед первом світовом войном, стары люде говорили много о конфедератах. Коли пришол день росплаты, то русскы войска наперли на них от Ганчовы и Высовы. А с другой стороны, от Мохначкы, Тылича, Чирной и Баницы ударили коронны польскы войска. Они начали атаку скорше, то конфедераты побіжали в сторону Ганчовы, там попали под огонь и шабли русских козаков, и были перебиты.

Так погибли польскы конфедераты, котры сиділи обозом над Избами. О два роки и Польска держава розвалилась — в 1772 г. пришол первый розділ Польшы. Начальник конфедератов К. Пулавский погиб в американской революционной войні с Англиом. В Нью Йорку каждого року американскы полякы празднуют торжественно День Пулавского —

“Пуласки Дей”. Його именем были названы в Америкі улицы, міста, дороги, мосты. В американской истории величают його борцом за свободу и героем. Но мало кто из тых людей знае, што тот самый герой Пуласки был комендантом польскых конфедератов в наших Карпатах и в нашем селі Избах, и што там боролся не за свободу, а за стары шляхетскы привилегии, за панщину над народом и за господство католицкой церкви над православными и протестантами.

Десять літ тому назад, в 1947 году, наша Лемковщина находилась в подобном положении, як и при конфедератах. На нашы села звалились не польскы конфедераты, а украинскы фашистскы банды — бандеровцы. Они не мали одного табору, лем сиділи по лісах, а ночном пором ходили по селах и грабили народ. На жаль, не нашлось уж такой военной силы, чтобы их выгнати из тых лісов, лем польскы шовинисты выкорыстали беззакония бандеровцев для примусового выселения нашего народа из його прадідной земли. Так нашы братья лемкы были выгнаны из их родных сел на польскы піскы, а на нашу прадідну землю были привезены мазуры и гуралы.

Мы чули горестный плач и йойк наших братьев и сестер там в родном краю, котрых польска власть выгнала на Запад за гріхы других людей. Но мы все вірили, што правда выйде наверх и побідит неправду. До то-

го теперь приходит. В 1956 г. на съезде в Варшаве наши выселенцы с Лемковщины разом с украинскими выселенцами из Ярославщины, Холмщины и других районов потребовали дозволу вернуться на родны земли. И польскы власти начали признавати, што массове выселение нашо-

го народа с Лемковщины в 1947 году было несправедливе, и што тоту кривду народну треба направи. Так я вірю, што наши лемкы вернутся на свою родну землю. Як не теперь, то в четверг, але то приде, бо наш народ не кривдил никого, лем свое любит и оборонят.

ПОСЛІВОЄННЕ ДЕСЯТИЛІТІЕ В ЛЕМКО-СОЮЗІ

24—26 декабря 1955 р. в Карпаторусском Ам. Центрі в г. Юнкерс, Н. Й., отбылся 18-ый головной съезд нашей народной организации: Лемко-Союза в США и Канаді. На том съезде наша организация закончила перве десятилітє своей дїятельности и своего существования послі 2-ой світової войны, котра была найстрашнійшом, найбільше кровопролитном в истории человечества.

Друга світова война принесла огромны зміны в жизни и ділах всіх народов, а даже и в жизни каждого человека на землі. Ци мы то сознаєме ясно ци нїт, но світ змінився так далеко, же от закончення 2-ой світової войны на землі начинатся направду нова исторична епоха. В той войні человек открыл способы освобождения атомной энергии. А то есть така сила, што она може подняти человечество на небывалу высоту, если буде разумно застосувана для добра людей, но с другой стороны, она може знищити коротко, быстро и окон-

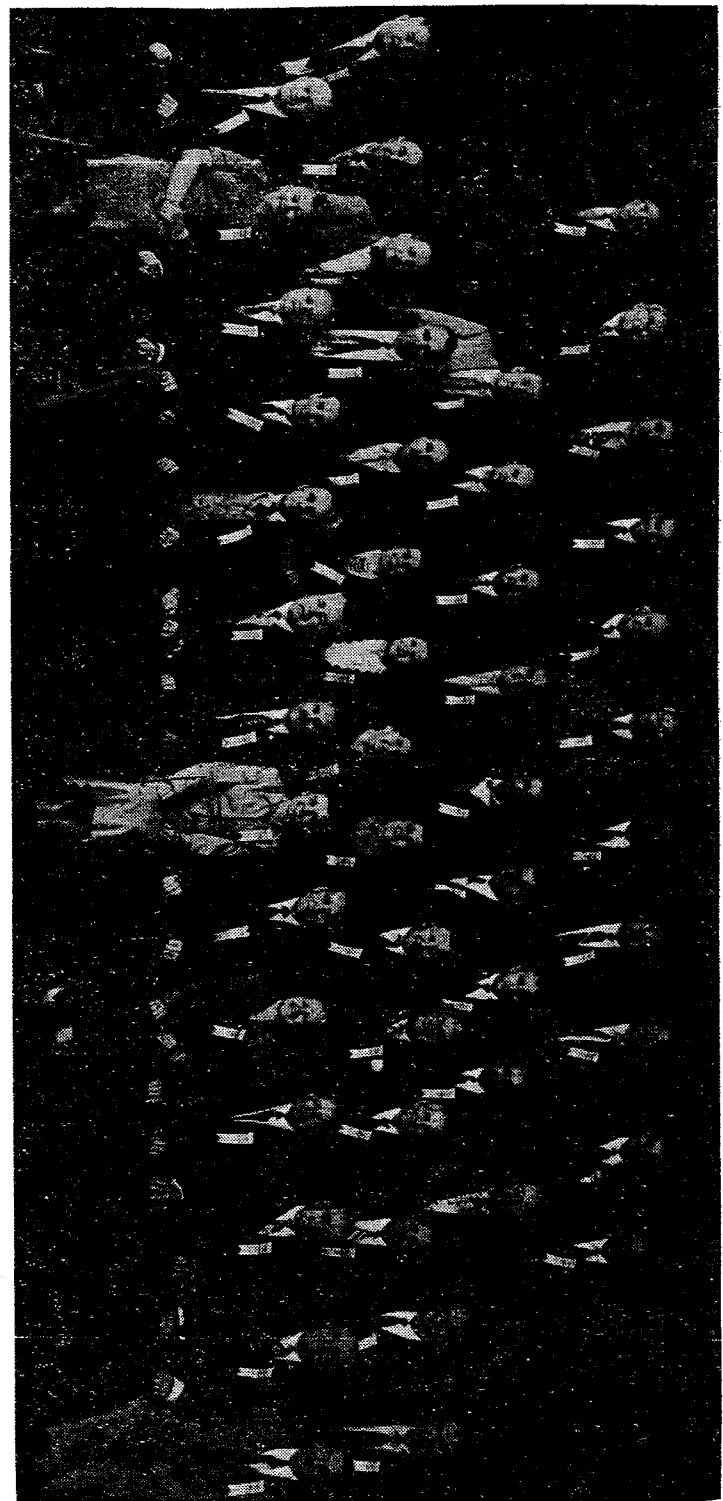
чательно всю жизнь на землі, если попаде в руки нерозумных и легкомыслных людей.

Лемко-Союз существуете як чартерованна организация от 1 августа 1931 року. Так взявши под увагу тоты переломовы зміны, якы принесла в жизни людей 2-а світова война, мы можеме и историю нашей организации розділити на два периоды: предвоенный и повоенный.

До предвоенного периода треба включити и роки войны. Так тот период охватит дїятельность Лемко-Союза от його початков аж до 12-го головного съезда, котрый отбылся 23-24 декабря 1945 року, т. е. зараз послі войны. А 2-ий период начался от 12-го головного съезда и тягнєся до наших дней. В 1957 року мине 26 літ от основания Л. С., из того на предвоенный период приде 14 літ, а на повоенный 12.

В финансовом отношении наша организация за цілый первый период своего существования стояла слабо. Мы мали свою типо-

Дегелаты XVIII Головного Съезда Л. С. 24-26 декабря 1955 р. в городі Юнкерс, Н. Й.

графію, в котрой печатались газета "Лемко", а позже "Карпатска Русь", Календари, брошюры и книжки на своем народном языке, но машины в той типографии были старые, а готовых фондов было мало. Так и издательская работа не была материально обеспечена. В финансовом справоздании менеджера типографии Л. С. на XII Головном Съезде 23-24 декабря 1945 г. были поданы такы цифры фондов:

В кассі:

Оборотный Фонд	2,062.93
Политичный Фонд	90.84
Народный Фонд	543.81
Депозит на Почті	30.00

Всей готовки

На пожичках в К. Р. Ам.

Центрі:

Оборотного Фонда	10,043.20
Народного Фонда	2,000.00
Желізного Фонда	3,560.05

Всего

Так финансово наша организация при конце того первого периода своего существования стояла дуже слабо. На руках готовки не было ани 3 тысяч долларов, а 15 тысяч было завязано на пожичках в Народной Будові Карпатурского Центра. В военном часі доходы Карпатурского Центра были слабы, то он не мог сплатити пожички. Штобы помочи Центру, то Л. С. дал майже всі свои готовы грошы на Народну Будову и так вычерпал всі свои фонды, котры и так не были великы, бо всего разом лем

около 18 тысяч.

В послівоєнном периоді финансовая ситуация як Л. С., так и Карпатурского Центра, поправилась. За перве десятилітє послі войны Карпатурскый Центр выплатил всі пожички на Народной Будові. А фонды Л. С. увеличались больше як в 3 разы. Финансове справоздание менеджера типографии Л. С. на XVIII Головном Съезде Л. С. 23-26 декабря 1955 року показало таку картину:

Оборотный Фонд	46,084.79
Народный Фонд	6,724.19
Школьный Фонд	5,968.96

Всего

Но политичны обставины в том послівоєнном периоді были дуже тяжкы для нашей организации. Не раз выглядало так, што с огляду на неблагоприятну политичну ситуацию тут в нашей краині, в США, и на переворот в старом краю Лемко-Союз не зможе продержатися. Одны говорили, што Лемковщины уж нїт, то и Лемко-Союз стратил подставу своего существования. Другы боялись той дикой нагонки на прогрессивны организации, яка велась тут в Америкі послі 2-ой світовой войны, то лишали нашу организацию, кидали газету и отсувались цілком в сторону от народной работы.

У нас в старом краю зараз по войні было проведено массове переселение лемков на Совітску Украину. То было предпринято во имя укріплення новой совіт-

ско-польской дружбы и вічного, нерушимого союза меже обома державами. Поляков переселяли с тых территорий, котры остались в Совітском Союзі, а русских, белоруссов, украинцев, включаючи и лемков, переселяли со старых русских земель, котры Сталин признал новой народной Польші. В совітских газетах писали, што мудра политика Сталина путем такой выміны населения устранил раз на все польско-руску национальну вражду и приведе к правдивой братской дружбі меже Совітским Союзом и новым Польшом. Но были люде, котры смотріли на то цілком иначе: они предсказували, што переселение больших масс людей по национальному признаку приведе там не к устранению старой национальной вражды, а к заострению ей; и не к укріплению братского сотрудничества меже Совітским Союзом и новым Польшом, а скорее к отчуждению тых краин.

Тіневы стороны той политики начали показуватися зараз, як тилько стали проводить ей в життя. Урядники в комиссиях по переселению дуже скоро и легко переходили от добровольного переселения до примусового выкидыванья селян со старых насидженных земель. А же людей выкидывали по национальному признаку, то вся тотя процедура розъярявала национальну ненависть. Коли люде по селах виділи, што добровольне переселение принимат на практикі характер примусового, то они кинулись са-

Стефан Геренчак — 9-ый Гол. Предсідатель Л. С., избраный на XVIII Головном Съезде 26 декабря 1955 року в г. Юнкерс, Н. Й.

ми помагати тому: так украинцы начали выганяти силом польских жителей из сел на Совітской Украині, а полякы в Польші обернулись с ненавистью ко всім, кто не признавался до польской народности або римо-католицкой віры. Потом дальше началась и різня. У нас на Лемковщині тотя дика политика с насильным переселением подготовила терен для выступления украинских фашистских банд, а, наконец, привела к примусовому выселению остатков наших людей с Лемковщины на западны польскы земли и роспорощенью их по польских селах в ціли полной денационализации.

Мы можемо представити собі, што цілком иначе виглядала бы ситуація там в старом краю, если бы зараз послі освобождения от гитлеровской оккупации там оперли политику меже славянскими народами и державами на принципах славянского братства и солидарности славянских народов. Тогда не потребно бы было забивати собі голову обміном населения, виділением национальных групп, бо выстарчило бы проголосити коротко, што всі славяне суть братья и, як члены славянской родины, мают право жити, где лем хотят, в славянских краинах, приміняючись к обставинам того місця, где кто находится. В первые roky послі войны то было легко провести. Поляки могли остатися в Западной Україні под совітским законом и мати свои польскы школы в каждой місцевости, где бы их нашлось достаточне число. То само русскы, украинцы могли бы остатися под польским законом и мати таку саму свободу и такы самы права. Така политика сближала бы славянскы народы, а не розъединяла их. Несчастье было в том, што в tych часах в Совітском Союзі Сталин рішал самовольно всі діла, даже такы, в котрых совсім слабо розберался.

Тоты послівоенны события в старом краю поставили в надзвычай трудне положение и наш Лемко-Союз в Америкі. Наша организация все голосила идеи славянского братства и учила своих членов относиться с симпатіом

к социалистичной революции в России, а тут славянскы братья и социалисты доконали такого насильства над нашим народом, на яке не отважилась николи перед тим самовольна польска шляхта ани австрийскы цисари. Всі попы и стары патриоты, котры все выступали заіло против Лемко-Союза, теперь подняли бішену агитацию против нас. Были выпущены специальны летучкы с изображением мапы Лемковщины в виді великого кладбища с крестами в tych місцях, где перше на мапі были означены села. В своих газетах попы и стары патриоты робили собі сміхы над лемками, співали “вічну память” Лемковщині, штобы так выкорыстати старокрайову трагедию для подрыва нашой организации в Америкі. Они ходили помеже членов Л. С. и говорили им: “Та нашто вам лемковска организация, коли Лемковщины уж нема?”

Правление Л. С. и редакция нашой газеты “Карпатской Руси” нашлись перед дуже трудном задачом. Коли мы поднимали протесты против насильства над нашим народом в Польші, то гдеякы люде, котры мали себе за дуже прогрессивных, протестовали и ругали нас, што наша газета веде “титовску” политику, выступают против народной власти в Польші и поддерживает реакцию.

Но мы в Лемко-Союзі стояли твердо на позициях борьбы за права своего народа. Мы были певны, што так не може там долго остатися, бо то фальшива по-

литика, котра перше або позже буде раскрыта, и тогда всі признают ей полну несостоятельность. Мы посылали протесты польскому правительству в Варшаві против примусового выселения наших людей из Лемковщины и домагались, штобы всім выселенным было дозволено вернуться, кто лем пожелае того, и штобы держава вынагородила всі шкоды tym людям.

Но проходили roky за rockами, а ниякой зміны там в краю не было замітно. Одно, што нам удалось осягнути, то свободный доступ нашой газеты до Польшы. Члены Л. С. предплачали “Карпатску Русь” своим родственникам и знакомым там на выселении, так все больше экземпляров нашой газеты попадало в руки наших людей в Польші. Они читали газету любовно, но со страхом. Гдекотры писали в редакцию, што дуже любят “Карпатску Русь”, но боятся получить ей, штобы не мати неприятности со стороны сусідов-поляков. Из того можна было видіти, што в душі велике большинство польского народа остаеся при своих старых традициях и вірі.

Доки жил Сталин, то ниякы помылки там не признавались. Хоц было и зле, то и так треба было кричати, што оно добре. Но послі смерти Сталина пришли скоро зміны. Найперше в Совітском Союзі начали пересмотр його политики, а так и во всіх краинах народной демократии обернулись против него. Так по раз первый

и там в социалистичных краинах наши люде могли заявити отверто, даже перед польскими властями, што примусове переселение нашего народа из Лемковщины в западны воеводства Польшы было несправедливе, означало национальное насильство, котре треба направити.

При концу 1955 року наша газета была допущена свободно и в Совітский Союз. И знова члены Л. С. и читатели газеты начали предплачать “К. Русь” родным и знакомым в Совітском Союзі. Так мы установили связь со всіми нашими людьми, котрых минуша война розогнала из родных отцовских гнізд. Теперь наша газета иде свободно в Польшу, Чехословакию и Совітский Союз. Редакция получает ежедневно письма от читателей из tych краин. Всі пишут, што дуже любят “Карпатску Русь”. А любят ей не лем за то, же она издаеся на своем народном языке, но головно за то, же она пише наибольше о своем народі, о своих людях и подае такы новости, якых великы газеты не поміщают, а именно родинны новости. Недавно один читатель “К. Руси”, родом от Перемышля, предплатил нашу газету своему родственнику в Совітском Союзі. Он сам не лемко, но як получил первые два номера “К. Руси”, то отписал своему родственнику в Америкі так: “Ага, я еще забув вам сказати, що я одержав газеты дві “Карпатска Русь”. Дуже цікаві. В нас в такім характері

газет нема, щоб поміщували ріжні родинні оголошення, переписували листи, дрібні оголошення."

Но именно тым наша газета, як орган Лемко-Союза, зыскала собі таку популярность и любовь своего народа не только в Америкі, но и в старом краю. Каждый народ має свое народне житъя. Тоты народы, котры мают свои национальны державы або великы империи, мают инше народне житъя, як малы национальны группы. Так и газеты у них иншого характера. У кого есть своя держава, мусит писати много о державных ділах. А мы лемкы не маме своей лемковской державы, ани не стремимся ей будувати, но свое народне житъя мы маме. Отже наша народна газета должна заниматься тым народным житьем. "Карпатска Русь" выполнит тоту задачу. И за то наши люде любят ей и держат ей всяди за свою народну газету.

Вот за то Лемко-Союз и його газета мают теперь таку широку поддержку своего народа, а и много симпатии у других людей. Если Лемко-Союз в том повоенном периоді мог увеличити так свои фонды и стати материально обеспеченном организациом, то он завдячуе такий успіх як своей прямолинейной, ясной и справедливой политикі в обороні прав нашего народа, так популярности своей газеты. В найтруднейших часах, коли други тратили надію, наша газета и правление Лемко-Союза стояли твердо при своих народных правах и

традициях. Мы николи не ставили крест на своем народі, як то робили наши попы и стары патриоты, а с ними и гдекотры крайне, котры называли себе даже прогрессивными.

Мы желали бы и нашим братьям в Польші, чтобы они створили у себе таку свою народну организацию, як наш Лемко-Союз в Америкі, и газету в таком характері, як "Карпатска Русь". Ци они вернутся ище сего року на свою родну землю, ци останутся ище даякий час на Западі, но своя власна народна организация и своя народна и родинна газета им буде потребна. Недавно один из лидеров Украинского товариства в Варшаві писал нашим людям в Америку, што лемкам в Польші не можна творити своей отдельной лемковской организации, бо лемков в Польші осталось мало: лемков есть лем 60,000 человек, а всіх украинцев разом с лемками — 250,000. Значит, треба триматися разом в одной организации, то буде больша сила.

Но в Польші нашим людям не повинно расходиться о "силу" в том значении, як тото слово употребляется в упомянутом письмі, бо ни лемкы отдельно, ни всі польскы украинцы разом с лемками не будут стремиться к будові даякой своей державы. Там каждая округа може мати свою организацию для ведения культурной работы и сохранения своих народных традиций. А лемкам то уж непременно потрібна своя власна лемковска организация, осо-

бенно если они вернутся на Лемковщину. Така организация им потребна, чтобы оторватися ясно от политичного авантюризма украинских самостійников. Мы знаеме, што они уж показали на Лемковщині и показывают теперь всяди в заграничных краях, где лемки находятся. Так чтобы не отвѣчати за их авантюричну политику, ани не быти нияк связанными с том политиком, нашим лемкам треба отгородитися. Украинскы самостійники показали себе в минувшині политично незрілыми людьми, их интеллигенция выгледат, як бы была вітром подшита — она дуже падка на политичны авантуры. И звычайно за тоты авантуры расплачаты тот, кто с ними связуеся, бо самостійнички лидеры повтічут за границу, а простых людей и рядове товариство лишат на произвол судьбы.

В Советском Союзе есть инша справа. Там есть одна политика. Но за границом всяди в наших организациях могут быти всякы политичны маневры. За то и в Польші нашим лемкам наилучше буде мати свою власну лемковску организацию, независиму от политики заграничных украинских самостійников.

Мы мусиме пристосувати и свою народну организационну роботу к обставинам новой эпохи, в яку мы всі вступили послі войны. Нам смішно, коли политичны біженцы и самостійны скитальцы хотят импонувати "силом". Нынѣ

и наибольшы державы начинают числитися с тым фактом, што даже над их силу може найтисся больша сила.

Тут мы хочеме высказати признательность всім тым урядникам головного правления Л. С., отдельным урядникам и всім членам, котры в найтруднейших часах того минувшого повоенного десятилетия нашего организационного житъя не стратили духа и віры в свою народну правду. Нам всім приятно, што теперь работа нашей организации и нашей газеты находит высоку оцінку и похвалу также у наших лемков в Польші, Чехословакии и Советском Союзе.

А наибольше приятно нам то, што работа нашей организации Лемко-Союза и газета Карпатска Русь признаются и цінятся также меже нашим лемковском молодежом там в старом краю. Тоты молоды лемкы выросли там уж при новых социалистичных порядках, они покончили средни и высшы школы, но видно, што там чым выше образование у человека, тым больше он любит свой народ.

Мы будем старатися всіми силами кріпити и надальше культурну связь с нашими братьями в старом краю. Надіемяся, што и сей Календарь попаде в руки многим нашим молодым и старшим лемкам за морем. Так Редакция шле им всім сердечный привѣт — в Советском Союзе, Польші и Чехословакии.

Найстаршы лемковскы емигранты в США — Павел Костич и його жена Мария (Кравец) Костич.

Павел Костич, літ 97, родился в селі Посада Яслиска, повіт Санок. Жена, Мария Кравец-Костич, літ 89, родилася в селі Загутинь, повіт Санок.

Павел Костич приїхал в Америку в 1889 — до Елизабет, Н. Дж., прожил там 1 год и переїхал на фарму коло Порт Джервис. На той фармі жие по нынїшний день.

У Павла и Марии Костич было 13 дітей, из котрых 6 померло, а 7 жие. Суть внуки и правнуки: 13 внуков и 11 правнуков.

У Павла есть ище одна сестра, котра жие в Ембридж, Па., по имени Мария Костич-Бобер. Она молодша от брата, но и ей минуло уж 90 літ.

Стефан Геренчак.

ЗОЛОТЫ ВЕСІЛЯ В 1956 ГОДУ

1. ТОМКО И ЕВФРОСИНА ЮЩАК

Т. Ющак родился в октябрі місяці 1879 року в Мацині Великой, Горлицкого повіта, на Лемковщині. Родиче його были: Иван Ющак и Мария из Ковальских.

В 1900 был ассентерованный до войска и выслужил три роки при 20-ом полку піхоты в Кракові. Школу мал лем зимову сельску, где дяк зимовом пором учил дітей читати и писати, но и так при австрийском войску был поднят до рангы “цугсфирера” (сержанта). Отбывши войскову службу, он вернулся до родного села и зараз подал о пашпорт на выїзд в Америку.

О своем житїю в Америкі он росповідат так:

“Я приїхал до Филедальфии 18 января 1904 року — до Михаила и Юлии Заяц. Крайне взяли мене до гарбарни на роботу. Работа была легка, но платня была низка: \$5.00 на тыждень.

Я не был задоволенный таком платньом, то глядал лучшей работы и поїхал до Питтсбурга. Но там работы было мало: за 3 тыждни я робил 3 дни. Коло церкви я встрітился с крайнами, котры робили в майнах, так они взяли мене зо собом, бо там в их місцевости одна майна открывала роботу. Я пішол с крайнами до офису и достал роботу в майні. Там

Томко и Евфросина Ющак.

поробил 4 місяци. Можна было добри заробити. Потом работа ишла слабо, робили лем по два дни на тыждень, то люде ся поросходили по других майнах, бо каждый хотіл більше заробити.

Я переїхал до Филедальфии. 27 октября 1906 оженился с крайном Евфросиниом Смакола, дочком Феодора и Юлии Смакула из Мацины Великой. Роботу я достал на заводи Болдвина. Робил 7 місяци на ночну шихту. Потом роботі пришол конец, бо та часть завода была переведена до Честер. В Филедальфии было трудно достати роботу, то я поїхал до Олифанту и достал там роботу за помочника майнера, як называли, за “лебра”. Робил через зиму, а на весну поїхал по жену в Филедальфии и вернулся назад до работы. Получил майнерский папір и робил за майнера. Так остался на той роботі аж до ноября 1919 року.

В Олифанті я занимался организованием майнерской юнии и

Группа членов драмкружка при отділах Л. С. в Юнкерс, Н. И., котры выступали в представлении “Женаты женятся” 4-го ноября 1956 р. в Карпаторусском Ам. Центрі.

працювал также в наших организациях.

В 1919 переїхал до Вудбайн, Н. Дж. Там купил дом и фарму и поселился там. В Вудбайн жиєме до тепер — уж 36 літ.

На Олифанті померло нам трое дітей — 2 хлопці и одна дівчина. До Вудбайн мы привезли четверо малых дітей, бо найстаршой дівчині Александрі было лем 12 літ. В Вудбайн мы мали ище двох сынов — Василя и Йосифа. На фармі они выросли. В минувшой войні 5 наших сынов служило в американской армии."

Таку коротку историю свого життя подал сам Т. Ющак. Он споминат, што 5 його сынов было на военной службі, а то суть: Иван, Павел, Филипп, Василий и Йосиф. Штыри вернулись счастливо с войны, но один сын, Павел, отдал свою жизнь за Америку: он был убитый на фронті в 1944 року. Дочка Александра, найстарша в фамелии, по мужу Ярош, жиє со своим мужем такой там в Вудбайн, в близком сусідстві с родичами. Они маюť свою велику курину фарму: держат около 3,000 кур. Два сынове, Иван и Филипп, живут также в Вудбайн и маюť свои занятия. Сын Василий окончил университетскы студии, получил научну степень доктора и працює тепер по своей специальности при Делаверском университеті в Вильмингтон, Дел. Наймолодший сын, Йосиф, окончил Рутгерский университет в Нью Бронсвик, Н. Дж., и працює тепер в головном офісі Гренд

Юниса компании.

Всі діти Ющаків говорят своим материнским языком. Найстарша из них, дочка Александра, говорит так свободно и выразно, як бы вчера приїхала из Мацины Великой.

Наймолодший сын Йосиф оженился в февралі минувшого року. Богате весіля отбылося в Карпаторусском Ам. Центрі в Юнкерс, бо за жену он выбрал собі секретарку Центра и Л. С. — Анну Чачо. Он сам говорит, што може николи не встрітил бы свою жену, если бы не знал языка своих родителей и не послушал, што они йому говорили. Коли он был посланный от своей компании на работу окружного менеджера в Вестчестер каунти, Ньюйоркского штату, то отец сказал йому: "Джов, можешь зайти до Центра, бо там есть наш краян д-р С. Пыж". И дал йому адрес. Так сын зашел раз, встрітил краяна, встрітил и секретарку и начал уж частійше заходити не тилько, штобы видіти краяна своих родителей, но ище больше, штобы видіти Анну. Минуло потом рок и пол, и уж в Центрі было весіля.

У Ющаків велика родина, як по стороні отца, так и по стороні матери. Два браты Т. Ющак живут в Америкі: Юлиан Ющак в Ленсдейл, Па., и Теодор Ющак в Полсборо, Н. Дж.

По стороні матери в родині было 9 дітей, в том Евфросиния найстарша: она родилась в 1883 року. Отец Теодор Смакула был вйтом в Мацині Великой от 1897

до 1901 року. Один из братов Евфросинии, Михаил Смакула, жиє в США — в Перкаси, Па., а три браты: Василь, Никифор и Йосиф Смакула, и 2 сестры: Варвара Загурска и София Колодйчик — живут в Бориславі, Дрогобычской области, на Советской Україні.

Евфросиния Смакула-Ющак приїхала в Америку в 1903 року к своему стрыку Василю Смакула в Филадельфии и працювала в паперовні, поки не вышла замуж. Потом с мужем переїхала в Олифант, Па.

В Вудбайн, Н. Дж., у Ющаків есть своя фарма. На початках они занимались молочным господарством. Коли сынове дороста-

ли, то помагали на фармі — розвозили молоко місцевым кустмерам. Так получали добрый доход, што сынове могли и покончити школы, якы кто хотіл.

Том господарком занимались Ющакы до 1950 року. А потом занехали, бо сынове выросли и пошли на свои работы, то старым родичам не было уж охоты ани сил заниматься тым ділом.

В субботу 27 октября 1956 минуло точно 50 літ их супружеского життя. И в тот день всі діти сынове, дочка, зять и невісты устроили родичам велике золоте весіля. Весільна забава отбылася в ветеранской галі "Америкен Лиджион" в Вудбайн, Н. Дж.

НИКОЛАЙ И АННА ЦИМБАЛА

Николай Цимбала родился 8 ноября 1881 року в Устью Русском, пов. Горлицы, на Лемковщині.

До Америки, в город Брадок, Па., приїхал в 1900 року и пробыл там 3 roky. Другым місцем його пребывания была Донора, где он прожил 6 літ. Там он и оженился в 1906 року на Анні из Павлишаков, рожденной в Америкі в 1889 року от родичов, походящих из села Ріпки, пов. Горлицы.

Дальше Николай переїхал в Еллвуд Сити, Па. Там он справил собі и фамелийный дом. Коли работа на заводі закончилась в 1926 року, Николай поїхал до Кливланду глядати работы. И нашол

Николай и Анна Цимбала в день 50-літня их супружества.

там работу. Так цілых 20 літ он працювал в Кливланді, и лем неділями мог звиджати свой дом и

свою родину в Еллууд Сити.

Николай и Анна Цимбала выхováли здорову и численну фамелию — 11 дітей. По порядку рождения они идут так: Григорий, Мария, Таця, Параска, София, Йосиф, Даниил, Михаил, Мелания, Павлина и Флорианна. Всі дівчата оданы и сынове, за вынятком Григория и Даниила — женаты. В часі послідньої войны против фашистской оси штыри сынове и дочка Мелания служили в американской армии на всіх фронтах, на островах, в Азии, в Европі и Африкі, и всі здоровы и счастливы вернулись домой.

Сам Николай в часі войны працювал без утраты одного дня в военной индустрии — в компании “Американ Стил енд Ваер” и был поставлений в примір другим рабочым. В бюллетені той компании была помещена и фотография Николая Цимбалы при роботі, а также слова, яки сказал в бесіди с репортерами: “Чым больше выдате роботы, тым скорше прикончиме Ось”.

Николай Цимбала есть вірным

членом Лемко-Союза и читателем газеты “К. Русь”. Где треба дати жертву на Пресс-Фонд або яку иншу народну ціль, то он все в первых рядах.

29 июня 1956 р. сынове с невістами и дочкы с зятьями и внуками устроили 50-рочный юбилей родичам по случаю 50 літия их супружества. Юбилейна забава отбылась в готелю Кесылтон, в місточку Нью Кессыл, Па. То была лем семейна забава. Самой родины было 29 членов. Крім них были ище присутны всі три сестры Анны — всі три вдовы из Питтсбурга: Павлина, Нина и Стефания.

Радость была у юбилянтов и у дітей, бо таких торжеств не есть много. Жизнь рабочего в Америкі не легка, то мало встрічаються такы родины, в котрых родиче можут праздновати золотый юбилей свого супружества и мати коло себе таку велику фамелию, яка была у Николая и Анны Цимбала на их торжестві 29 июня 1956 року.

Н. Ц.

Горлицкий Бурсак

ЧАСТЬ VI.

В НОВОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

В Прагу я приіхал як раз в день первой рочницы основания Чехословацкой республики. Місто было прикрашено флагами, а його жители — полны национальной гордости и ликующего веселия. Всяди видно было порядок, всьо было на своем місци. За один рок державной независимости чехы устроились так солидно в своей новой республикі, як бы в ней и с ней прожили столітия. Будучи в Римі, я чул насмішки над галицкыми адвокатами и полами, котры майже в том самом часі начали в Станиславові свою самостійну державу — західно-украинску республику: говорили о них, што маот свой украинский державный флаг, но ничего больше. Чехы мали не лем державный флаг, но и державу.

Розглянувшись трохи по Прагі, я зашел до российской военной миссии с рекомендационным письмом от князя Волконского из Риму. Начальник миссии принял мене дуже любезно, просил респівісти за мое життя в Римі, за знакомство с кн. Волконским, а так спросил, яки у мене планы:

ци намірям остатися в Прагі, и ци суть у мене средства до життя? Я объяснил, што остануся в Прагі и буду старатися найти даяке занятие, бо средств до життя есть трохи, но не много. У мене в плані было поступити в университет, но того я не хотіл зараз виявляти. Начальник миссии говорит, што если хочу, то можу остатися при них. Они мают специальный войсковый лагерь, где собирают добровольцев для генерала Врангеля и отправляют их в Крым, но я не мушу идти до того лягру, лем буду призначеный на роботу с приличным жалованием в редакции русской газеты, яку военна миссия издае в Прагі, бо он має информации, што и в Италии я писал в газеты.

Я принял с великом охотом, бо то давало мні возможность остатися в Прагі. На слідующий день я был уж в редакции той білогвардейской газеты. Там было пару цивильных сотрудников, такых дочасных журналистов, но далеко больше было царских офицеров в военной формі. Выглядало, што они тулились там

коло газеты, чтобы не идти до лягру “добровольцев” и на фронт. Отвѣчительным редактором был капитан из русских немцев, бо фамилийне прозвище його было чисто немецке. Он предложил мнѣ выбѣрати из чешских и немецких газет звычайны новости дня и переписувати их по-русски. Для той самой работы при новостях было назначено ище двоих офицеров. Газетка была маленького формата и тилько на штыри страницы, то и тых новостей не помѣщала много. Политичны статьи писали други офицеры и цивильны сотрудники.

Жалование было в самом ділі приличне, а работа свободна в том смыслі, што не потребно было сидѣти постоянно означенны години при столику, лем приготовить свою часть работы и вый-ти, коли кто хотѣл. В иных часах и при иных обставинах человек задавал бы собі вопрос, от-куда така газета получае фонды, бо ясно было, сама она не опла-чаться. Предплатников не было, платных объявлений майже ни-кто не давал, а выглядало, што и читателей не было. Но то были часы, што и така газета могла процвитати. Грошы на “добро-вольцев” в таборі, на газету в Прагѣ и на други ціли того рода давало правительство молодой Чехословацкой республики. Пра-га тримала единый антибольше-вицкий фронт с западными демо-кратиями, то старалась робити то само, што робили Франция, Англия и други союзники. А

окрем того, Чехословакия мала ище якыси тайны русскы фон-ды. От офицеров там в редакции я зараз в первый день почул, што чехословацкы легионеры загра-били в Сибири и вывезли гро-мадну массу русского золота, на котром потом в Прагѣ створили свой легионерский банк.

— Это наши кровные русские деньги, — говорили офицеры о грошах, якы приходили от чехов на издание той газеты и на дру-гы русскы ціли. А таких “русских цілей” было в Чехословакии больше. Коло русской военной миссии групповались монархис-ты, а русскы “демократы”, “либе-ралы” и “социалисты” мали в Прагѣ свои организации, котры так само получали от чехов ре-гулярно субсидии. Всі они брали тоты грошы смѣло и с достоин-ством, як свои “русские деньги”.

Прага в ту пору становилась столицом славянского студенче-ства. В высшы учебны заведения Прагы приѣзжали студенты из Югославии, Болгарии, а также много украинцев и белоруссов из Польши. Приходило все больше словаков и наших карпаторус-сов из Пряшевщины и Подкар-патской Руси, но тоты считались теперь в Прагѣ “своими”. К мо-менту мого приѣзда наибольше было в Прагѣ югославов, но уж через год, а то послѣ изгнания армии Врангеля с Крыма, Прага наполнилась русскими студента-ми. Бывшы офицеры білых ар-мий ставали студентами, они якось роздобывали матуричны

свідѣцтва о закончении гимназии або других средних школ, и че-хы принимали их в университет, техничны и торговы высшы шко-лы. При концу школьного року 1920-21 в Прагѣ училось поверх 2,000 русских студентов. То са-мо было с галицкыми украинца-ми. Войсковы части західно-ук-раинской “народной” республики под натиском польских войск отступили из Восточной Галичи-ны через Карпаты на территорию Чехословацкой республики. Мно-го бывших офицеров и солдат той західно-украинской армии кидало оружие и так само по-единчо або меньшими группами, як цивильны біженцы, переходили в Чехословакию. Чехословац-ке правительство не лем откры-ло им доступ в свои высшы учеб-ны заведения, но и открыло для них отдѣлну украинску высшу школу, земледѣльску академию, куда принимали всѣх, кто знал читати и писати. А для тых, што были уж совсім малограмотны, то была открыта украинска гимна-зия, где на скору руку подготов-ляли тых украинских біженцев из Восточной Галичины для по-ступления в высшы учебны заве-дения.

А чехословацке правительство утримувало то всьо на свои сред-ства. Стипендии получали як рус-скы студенты из бывшой Рос-сии, так и украинцы из Восточ-ной Галичины. И знова бесѣда была, што така щедрость чехов объясняется русским “золотом”, яке легионеры вывезли из Сиби-

ри. В Прагѣ я застал и группу на-ших студентов из галицкой час-ти Лемковщины, меже ними несколько и бывших горлиц-ких бурсаков, а дальше приѣзжа-ло их все больше. Они так само старались достати помощь от че-хословацкого правительства на том самом основании, на яком получали русскы и украинскы студенты. Но нашим лемкам не было так легко достатися к тому “русскому золоту”. На початках чехы посылали их к дипломатич-ной миссии західно-украинской республики, яка урядувала в Пра-гѣ ище долго послѣ того, як Польша захватила всю Восточну Га-личину и ликвидовала саму тоту республику. Треба было достати посвідку от той миссии, што вы належите до их державы. Но по-том был основанный в Прагѣ Со-юз Русского Студенчества в Че-хословацкой Республикѣ, то на-шы студенты-лемки записались в члены того союза и уж через не-го могли получить гдѣяку запо-могу от чехословацкого прави-тельства.

Русскы офицеры в военной мис-сии и в редакции нашей газеты, а потом и гдѣякы члены Союза Русского Студенчества гнівались на то, што чехы роздают “русске золото” и на украинскы ціли. Говорили меже собом, што укра-инцы из старой России мают право получати стипендии, бо они бывшы российскы подданны, то державне золото России на-лежитися и им. Но яким правом своятся до того золота австрий-

скы галицияне? Студенты из российской Украины стояли майже поголовно в Союзе Русского Студенчества, в действительности они составляли большинство членов организации, и они протестовали наиболее против роздачи русского золота “чужеземцам”. В Праге находились и гдеякы политичны діятели из Российской Украины, котры проводили самостійну украинску политику, но тым никто не закидувал, што они не мають права до “русского золота”.

Так были разны причины, што в Праге на тот час собралось так много славянских студентов. Чехы гордились тым. В газетах часто писалось, што Чехословакия веде перед в славянстві, и Прага переминаясь в столицу всіх славян, бо уж являея головным центром славянского студенчества. И треба признати, што население Праги розділяло тоту гордость и относилось дуже прихильно к славянским студентам из-за границы. Но што до того славянства в тогданьшій Праге, то идеологично оно было Масариковым славянством, финансованным золотом старой России.

В Праге я прочитал дві большы политично-философичны книги Масарика — старшу о России и нову о послівоенной Европі, но он показался мні страшно неоригинальным и нудным философом, а в политикі бідненьким славянином. Славянство не тішило го, а больше огорчало по причині

своей генеральной отсталости во всіх областях духовного и материального житья. Он будто бы и любил славянство, но як “реалист” в политикі (а реалистом он себе все величал и гордился тым), Масарик не виділ ни в минувшій истории славянских народов ни в теперішньом их развитии ничего замечательного — ничего такого, што можна бы поставить рядом с чудесными осягненнями западной цивилизации. И русских он будто бы любил, но плакал с жалю над ними, што якось такы неотесаны выросли, и не мають порядку ни в своей философии ни в политикі. Писал так, што оно было бы желательным для всего славянства, если бы у русского народа пришол порядок и прогресс, бо русских людей есть много, то могли бы поставить сильный фронт против германизма. Но великой надії на такой поворот діл в России он не мал, бо думал, што знае добре старе и нове “Руско”.

Зато осягнення западной цивилизации тішили го безмірно. На Западі он виділ світ и надію всего человечества. Так у Масарика была своя мірка, с яком он подходил к каждому народу: чым больше тот або другой народ приблизился у себе дома к западным институтам и порядкам, тым он стоял выше. Масарик подробно розберал и вызначал границу западной цивилизации в Европі. Германию ище включил в тоту цивилизацию и, розуміея, чешскы земли, но словаков уж

выключил и большу часть Польши.

В том “реализмі” Масарика воспитувалась молодежь Чехословацкой республики. Меже чешскими студентами брали все больше верх “реалисты” Масариковой школы, котры преклонялись сліпо перед Западном Европом и гордились тым, потішаючи себе, што и они належат до высшего круга избранных народов западной цивилизации. То переходило в своего рода мессианизм, бо “реалисты” из школы Масарика усматривали в новой чехословацкой демократии примір для всей Восточной Европы. От молодых чешских студентов в Праге можна было почути все частійше такы думкы:

— Мы, чехы, понесеме в Россию правдиву цивилизацию и даме русскому народу высшу культуру, а то буде нова, правдива славянска политика.

Но была в Праге в тых часах и иншого сорта славянска политика, котру представлял старый славянофил Крамарж. Он уже ушол из правительства, но и так продолжал грати видну роль в чехословацкой политикі. Крамарж очолювал оппозицию против философии и политичной ориентации Масарика и Бенеша. В Праге всі говорили, што меже Масариком и Крамаржом иде тиха, но запекла борьба за передову роль в державі и народі. Оба тоты соперники мали попередно далеко ширше поле діяльности, бо выступали на великодержавной по-

литичной арені Австро-Венгерской империи, то теперь им было тісно на своей домашній сцені в маленькой Чехословакии. Но и в той борьбі Масарик с Бенешом брали верх. Молоде покоління чехословацкой интеллигенции все больше склонялось к мнінію, што то загранична акция и мудра дипломатия Масарика и Бенеша привели к створению независимой Чехословацкой республики, а не Крамаржова политика дома с його ориентациом на славянство. Крамарж глядал поддержки среди тых масс славянских студентов, якы находились в Праге. Он устроювал вечеринкы для всіх славянских студентов, а также и отдільны вечеринкы для русских студентов и выступал там с патриотичными докладами о славянстві.

Крамаржа тішило таке славянство, яке было. В одном из своих докладов на вечеринкі для русских студентов он выводил, што индустриализация с модерными фабриками и заводами, с их дымом и саджом испортит красиву русску природу и опоганит чисту душу русского народа. Молоды чехы называли Крамаржа “консерватором” и отжившим свой вік “идеалистом”. Но в действительности оба тоты лидеры молодой Чехословакии, Масарик и Крамарж, были идеалистами, оторванными от реальной ситуации в світі. Масарик идеализовал западну демократию може ище больше, як Крамарж славянство. Он закрывал очы на тот факт,

што западны демократии суть оперты на приватном капитализмі, а при капитализмі тот грае большу роль, у кого больше капитала. Мала країна в той системі подобна до бизнесмена с маленьким капиталом, котрого все можут задусити великы монополистичны компании с громадным капиталом.

По пару тыжднях я написал своим родным в Польщі, штобы мі прислали магуричне свідоцтво из гимназии и метрику, и записался в университет — на правничий факультет чешского Карлового университета. По правді, я не мал николи особливого потягу до правничых наук. В гимназии я все думал специализоватися по математикі и физикі, бо то суть точны науки, в котрых человек знае, где стоит, и результаты своей работы може провирити на практикѣ. По математикі, физикі, химии и другим природо-знавчим предметам я мал цілый час в гимназии найлучшы отмітки, то и учителя радили мі все брати дальше тоты предметы. Но обставины сложились так, што записатися на такий курс не было можности. По причині войны я уже и так страшил 5 літ, то треба было думати, штобы чым скорше закончити даякий курс в университеті и найти собі постійне занятие. Як бывший чехословацкий легионер, я мог легко достатися на державну службу в Чехословацкой республикѣ, а для такой службы найлучше подходил диплом о закончении правни-

чого факультета.

Друге было то, што с науком на правничом факультеті можна было погодити и совмістити и мою роботу в редакции русской газеты, бо не мушено было посіщати регулярно лекции в университеті. Право можна было студювати и дома. Так робило и перед войном много наших юристов в Галичині. Записался на университет во Львові або Кракові, но сиділ дома на селі и учился сам, а потом лем іздиш сдавати т. зв. “державны экзамены”. Я не знал, як долго продержится тота білогвардейска газета, або як долго будут держати мене там на роботі и платити жалование, но доки то продолжалось, то было выгодно брати жалование, бо оно было значно выше от студенческих стипендий. При мойой роботі в редакции я мал достаточно часу не лем учитися, но и посіщати дост часто лекции в университеті.

Так я стал студентом правничого факультета Карлового университета ище в зимовом семестрі 1919/20 и 8 июля 1920 року сдал уж первый штатный экзамен с результатом “добрым”.

Но ище перед тым я остался без работы и регулярного жалования. Русска военна миссия в Прагі послала в Крым свои последние транспорты “добровольцев” и на весну 1920 року закрыла газету. Всім офицерам и сотрудикам было предложено іхати в “дійствующу армию”, т. е. к генералу Врангелю. Як раз в том

часі Пилсудский с польскими паннами и петлюровцами ударили на Совітску Россию, то и русскы білогвардейцы собирали всі свои силы для новой офензивы. Я отговорился от выїзда и с последним транспортом: як студент, я готовлюся к экзамену, то мушу остатися в Прагі.

И в самой Чехословакии поднималась горячка. Пожар пролетарской революции перекинулся неожиданно к ей границам, и лидеры хваленой чехословацкой демократии нашлись в надзвычай хлопотливом положении. Польскы войска Пилсудского творили “чудеса” в войні с большевиками. Они блискавичным походом дошли до Дніпра и захватили Киев. В очах западного світа нова Польша выросла в велику державу, котра може взяти на себе оборону европейской цивилизации перед большевизмом и “азиатским варварством”. На короткий час выглядало даже так, што панска Польша сама одна поборе русску революцию и довершит того, чего не могли довершити всі западны союзники накупу. Масарик и Бенеш были приганыблены и занепокоены тым, што Польша выбивается так высоко и начинат грати головну роль в Средной и Восточной Европі, бо то означало, што молода чехословацка демократия стратит престиж и значение в очах Запада. А до того ище Чехословакия мала неполагодженны серьезные территориальны споры с Польшом, рішение котрых зависіло в вели-

кой мірі от благоволения западных союзников. В Варшаві польске панство пересіло на высокого коня, то с чехами ани не хотіло говорити як равный с равным, лем грозило силом. Польскы газеты писали гордо, што нова Польша, як велике “моцарство”, свідоме своей силы и историчной миссии, вызначит мечом границы не тилько на востоці, но также на югі и западі. В Прагі розуміли, што то значит, и ждали бури.

Буря пришла, але с иншой стороны. Войска Пилсудского были розгромлены и с великим поспіхом втікали обратно от Киева аж до Варшавы. Красна Армия, преслідуячи деморализованны польскы войска, подошла к Варшаві. В Галичині конница Буденного находилась коло Львова и передовыми загонами подходила к Карпатам, близко гарниц Подкарпатской Руси и Словакии. В Прагі мы ждали, што в каждую минуту красноармейцы можут перейти Карпаты. А што тогды?

В Чехословакии рабочы выходили на демонстрации, котры с каждым днем принимали все больше революционный характер. На желізных дорогах рабочы не пропускали в Польшу транспорты с военными припасами. Всяди кипіло. Майже всі чехы были рады тому, што большевики дали добру научку польским панам. Если бы в том часі Красна Армия вступила на чехословацку территорию, то напевно не встрітила бы нигде серьезной оппозиции,

бо молоде чехословацке войско отказалось бы стріляти в “русских братьев”. Но в головном штабі Красной Армии выбрали инший план. Вмісто пустити Буденного через Карпаты на Венгрию, Чехословакию, Югославию и Италию, они обернули головны силы против Варшавы, где горіла стара польска вражда к “москалям”. Там польским и французским генералам удалось подтянуть на скору руку свіжы резервы и погнати обратно части Красной Армии, котры и так были сильно вычерпаны долгими маршами и неустанными боями.

Правду говорили в Прагі, што пару неділей того літа 1920 року судьба Европы “висіла на волоску”. Если бы в том часі головный натиск большевиков был накеруванный на кипівшу революциом Венгрию и Чехословакию и дальше на Балканы и Италию, то послі-Версальска Европа може бы и была похоронена зараз тогды, и пожар пролетарской революции перескочил бы легко на Германию и Западну Европу. Но вышло так, што под Варшавом то было притлумлено, и польским панам осталось “чудо” и слава, што они спасли Европу от большевизма.

Вакации того літа и потом слідующего літа я провел на Пряшевщині. В самом Пряшеві я останавливался по пару дней, а так выїзжал на села коло польской границы, где можна было все встрітити наших людей с польской стороны, котры переходили тайно границу. То были або мо-

лоды лемкы, котры втікали перед службом в польском войску, або люде, котры занимались контрабандном торговльом. Таком торговльом занимались и жены, даже молоды дівчата, по обох сторонах новой польско-чехословацкой границы. Контрабандисты переносили из Польшы в Чехословакию такы товары, якы в Польші были дешевы, а за границом цїнились значно выше, потом купували што по чехословацкой стороні было дешевле и переносили на польску сторону. Они уж мали в пограничных селах свои “базы” — знакомых людей, котрым могли продати один товар и достати у них инший. Кому счастья служило, то мог дойти легко до грошей, што и в Америку не потребно было іхати.

Переход через границу был связанный с гдеяким риском, бо по обох сторонах находилась погранична финансова сторожа. Кто попался им в руки, то не лем тратил свой товар, но и ишол под арест, если не мог откупиться зараз там на місци, где был схваченый. Помагало то, што во многих місцях гранична линия проходила густыми лісами або горными пасвисками, где літом по обох сторонах были пастухы с худобом. Пастухы не любили чужых финансовых стражников, котры в наших горах навелили свои порядки и тримали границу, якої давнійше не было, то охотно помагали каждому, кто нарушал тоту границу. Они вам сказали, коли тыми місцями пе-

реходят стражники, а если стражники засіли дагде в кряках и вычекували, то пастухы и то выслідили и вас остерегли. А лісами можна было свободно переходити, бо ни польскы ни чехословацкы пограничники звычайно не ходили по лісах, лем вартували на окраинах, где начиналось поле. За то при выході из ліса треба было найбільше уважати. Но вы могли там скрытиса меже кряками и пороззератиса, ци нїт небеспеки.

Я сам на тых вакациях переходил три разы тайно в Польшу, два разы одиночком, а один раз в группі с другими, но николи не мал ниякой неприятности. Я не переносил торгову контрабанду, а тилько хотіл зайти до своего села и навістити маму, сестры и другу близку родину и знакомых. Раз мы переходили границу из Варадкы на Радоцину. В нашей группі была и молода дівчина, дочка священника Юрчакевича из Чорного, котра приїхала из Ужгорода на вакации к родичам. Из Варадкы мы ишли просто в гору и досталися до ліса. С нами был один крайн из Радоцины, котрый знал добре дорогу, бо много раз переходил тым лісом. Интересно, што выше села в кряках мы встрітили двоих чешских финансов, котры задержали нас и выпытовалися, кто мы за одны. Мы объяснили и показали легитимации. Один из стражников был из Прагы, то аж воскликнул от удивления и радости, коли узнал, што я студент пражского университе-

та. Они ище дорадили нам, як стеречиса, коли будеме выходить из ліса на Радоцинскы поля, и потом при переході через село. Мы перешли счастливо, а за лісом встрітили пастухов, котры охотно рассказали, где находятся польскы “финансы”.

В тот первый переход, в августі 1920 року, я не мог оставатиса долго в родном селі, бо по наших селах на Лемковщині польскы жандармы ходили як волкы и ловили молодых хлопцев до польского войска. Я пришол в ночи додому, а над раном, коли я ище спал, до хаты пришли два жандармы и стали выпытоватиса мамы и сестры за сусідовым сыном, котрого отдавна глядали, бо втюк из польской армии. Я спал в задьой издебкі, а жандармы вели бесіду в передньой хижі. Мама перестрашилась, што жандармы уж по мене пришли. Но скоро выяснилось, што они за мене ничего не знали, лем глядали сусідового сына-дезертира. Пытались мамы, ци они не знают, где он ночеует, бо хату його стерегли уж долго, но нияк не могли його там застати. Мама объяснили, што не лем не знают, где ночеует, но уж давно нияк не виділи його, хоц и по сусідству живут. Так жандармы ушли. Я цілый день не выходил из хаты, бо жандармы крутились не лем помеже хижы, но и на поля выходили, ци не схватят дакотрого из войсковых хлопцев за роботом при жнивах. Одного нашли коло потока и пустилися за ним, кричали

“Стуй”, але хлопец бухнул до потока, перелетіл помеж хижы и выскочил на другу сторону села меже меджы и крякы. Жандармы стріляли за ним, але он уж был далеко на горбу и махал им насмішливо руком. Их было лем двох, то не могли ничего зробити. Ани не пробовали доганяти го, лем заклиали и пошли в иншу сторону.

Я дочекал вечера и пустился обратно горами через Бортне к чехословацкой граници. Я старался як найменше переходити коло хат, штобы не будити собак и не наробити галасу. Но в Липні я зашел до Ивана Пелеша, с котрым был добре знакомый с предвоенных часов и Талергофа и знал його хату. Иван Пелеш встрітил мене дуже гостеприимно, лем чудувався, откаль я так несподіванно нашолся в их селі. Он предложил мні отпочати у него в хаті пару годин, а так на свитанью он сам проведе мене за границу, бо о таком часі найлегче переходити. Тогды звичайно пограничники спят. И так мы зробили. Ище солнце не всходило, як мы оба на верху меже Липном и Ондавком обнялись на прощание и розышлись. Он вернулся в Липну, а я пустился до Бехерова, где того літа пару неділь я жил на квартирі у старой учителькы Катреничкы.

Вакации подходили к концу, то треба было вертатися в Прагу. В Пряшеві я зашел к знакомым лемкам и росповіл им, што дієся теперь по наших селах на Лемков-

щині. В самом Пряшеві жили на тот час два видны представители старшого покоління нашой лемковской интеллигенции — доктор прав Дмитрий Собин из Бортного и доктор медицины Циханский из Криницы, оба стары знакомы по Талергофу. Д-р Собин занимал дост важный на тоты часы пост в державной администрации — был референтом в жупанаті и заступником жупана. Он получил тоту позицию, бо мал гдеякы политичны заслугы перед чехословацкым правительством. Зараз по войні он выступил с требованием, штобы галицку Лемковщину не оставлять при Польші, лем присоединити к Пряшевщині и так к Чехословакии. Чехы взяли його в составі своей делегации на мирну конференцию в Парижі, где он подавал запискы от имени населения Лемковщины за присоединение лемковских сел по галицкой стороні к Чехословацкой республикі. Чешскы дипломаты знали, што такой проект не буде одобреный головными лидерами великих союзных держав, но для чехов и так было выгодно, штобы в отвіт на чрезмірны польскы претензии до Тешина, Оравы, Спиша дакто выступил с подобными требованиями против Польшы. Из той работы, розумієся, ничего не вышло, но сам д-р Собин получил потом державну службу на Пряшевщині, где много помог нашим молодым лемкам, котры мусіли втікати из Польшы на чехословацку сторону. За його поводом дост много

наших людей получили чехословацкы паспорта и выіхали в Америку. Такого біженца он приписувал до даякого села в Шаришской столиці, где мал знакомых рыхтаров и нотаров, и на основі тых документов выдавал заграничны паспорта. А так само он старался дати охорону тым нашим біженцам, котры не мали средств на выізд в Америку, но хотіли остатися даякий час на Пряшевщині. Д-р Собин робил всьо можливе, штобы чехословацка державна полиция не отставляла тых людей обратно к граници и не выдавала польскым жандармам.

Д-р Циханский не мал ниякого занятия в Пряшеві, бо он приіхал лем на тымчасово. Он был добрым специалистом на очны болізни и мал свою виллу в Криниці, а политиком дуже мало интересовался. Но може и за то послі всіх тых политичных переворотов и беспорядков, якы пережил, стал дуже полохливым. В Криниці кто-то сказал йому так под секретом, што полякы “думают” арестовати його, так он тайно ночью годином перешол в Чехословакию, штобы спасти себе от тюрьмы. Потом жена написала йому, што на ділі не было ниякой причины для него втікати за границу, бо то было сказано лем на жарт, што полякы “думают” його арестовати. Так д-р Циханский по 6 місяцах вернулся в Криницу и жил там совсім спокойно аж до розвала Польшы.

Д-р Собин был дуже добрый человек и добрый лемко. Он не был ище женатый, то жил самотным кавалером и любил, штобы к нему зайти. В який час дня я бы ни приіхал до Пряшева, я знал, где його глядати. Дньом я заходил прямо до його канцелярии в жупанском уряді, вечером до каварни, а поздно вечером на квартиру.

Слідующего року, приіхавши на вакации, я просиділ пару дней в Пряшеві, а так рішил перейтися до Межилаборца посітити учителя Вацлавского. Посмотріл на мапу, и собрала охота ийти пішком прямо через горы и лісы. На мапі вызерало не зле: выйду собі дньом, штобы под вечер быти в Гиралтовцах, там переночую, а потом на другой день доберуся до Межилаборца. Но вышло иначе. До Гиралтовец я дошел, як уж змеркалось, перешол мостом через Топлю и иду дорогом вліво. Люде позерают на мене якось непривітливо, а тут уж темніє. Заходжу до корчмы, выпил пива и прошуся, ци можут мя переночувати, або ци есть близко готель. Крутит головою, же ніт місця. Но говорит дальше и выпытуєся, кто я такой, откуда и што мене привело до Гиралтовец. Потом я узнал, што он так нарочно задерживал мене на бесіді, бо уж послал по жандармов. Пришли два жандармы, но с ними не было трудности. По правді, я сам аж втішился, што виджу жандармов. Посмотріли на мою студенческую легитимацию, на котрой

была и фотография, и зараз перешли с бесідом на “пане”. Сказали, што не радят мі ийти пішком дальше в прямой линии до Межилаборца, бо попаду на великы горы и лісы, то и неприятности можу мати от місцевых людей. Лучше переспати, а на другой день вернутися до Пряшева. Корчмар заганьбился и уж был готовый найти спанье для мене, но я подякувал и вышел. Думаю собі, што через горы и лісы не можна пускаться в ночи, но до Вранова веде цисарска дорога, то можна ийти, а там желізна дорога.

Так я не глядал ночлега, лем пустился пішком по головной дороге до Вранова, куда пришол гдесь над раном. Там взял поїзд и с трудом добрался до Вацлавского. У него пробыл пару дней. За него ище в Прагі я чул, што он один из лучших народных учителей Пряшевщины. И там на місци я виділ, што он має велике уважение в народі. Он был лем добрым учителем для дітей в школі, но и культурным работником и общественным лидером народа того місточка. Он основал торговый кооператив, подготавливал молодых хлопцев для поступления на всякы державны работы и упорно ширил просвіту в народі. За тых пару дней я сам виділ, што у него не было свободной години. Все дакто к нему приходил, и все был занятый, хоч школа была розпущена на вакации.

Я встрічал попередно много

сельских учителей на Пряшевщині, яки остались в спадку по мадьярах. Такой учитель из мадьярской школы учил, но с великим гонором и повагом, бо на селі держал себе за пана меже простакими. Селяне говорили, што мают в школі **пана** учителя, и натиск клали на слово “пана”. И так было. Он держал себе паном, якбы лем за то платили йому жалование, а учитель был из него никудышний. Но Вацлавский был наш лемко от Сянока, он перешол иншу школу, выдержал Талергоф и повоевну біду, то занебал панство и стал народным учителем.

Из Межилаборца я не вертался желізном дорогом, лем пустился пішком через верхы просто до Свидника. Погода тримала добра, то приемно было ийти. Через Рокитовцы, Гавай, Виславу и Ладомирову я добрался до Свидника и просто до сенатора Лажа. Мы были добре знакомы из Праги, бо он все, коли приїхал на засідания Сената, дружил со студентами. Кликал нас до ресторана, до каварни “у Гуса”, до своіго готелю и бесідовал. Оповідал за свои сенаторскы и другы пригоды, а и радился, як в той або другой справі поступити.

То был характерный и дуже интересный человек. Школы великой не мал, лем тоту, што окончил на селі, но был надзвычай интеллигентным и в житевых ділах практичным, што мог быстро найтися в каждой ситуации. Чешскы лидеры выуживали для сво-

йой колониальной политики в Подкарпатской Руси языковы споры меже сторонниками русско-го. русинского и украинского языков, то раз Бенеш хотіл собі так слегка пожартувати и над сенатором Лажо. Стал до бесіды с ним и говорит:

— Сенатор Лажо, а який вы: великорусс ци малорусс?

Лажо зараз порозуміл, што пан министр дразнит його и хоче поміятися над русином, то отвітил йому:

— О пане министр, то так есть: коли я был маленький, то я был малый русс, а теперь уж ем вырос, то я великий русс.

И вышло, што не Бенеш посміялся над сенатором Лажо, лем сенатор Лажо над министром Бенешом.

Я провел пару дней в Свиднику у сенатора Лажа, а так пустился пішком до Варадкы и знова тайно через границу до родного села.

В Польші за тот один рок настали огромны перемены. Теперь не треба было крытися перед польскими жандармами або перед шпионами и доносчиками, бо тота панска Польша, котра лем рок тому назад спасала европейску цивилизацию от большевизма, зышла цілком на дзяда. Польска валюта стратила всяку вартость. Селяне рахували грошы на миллионы. Выпровадил хлоп телятко до Горлиц, и уж вертался домой миллионером. Но звычайно никто не вертался с тыми паперовыми миллионками домой,

лем зараз купувал дашто, бо як бы потримал грошы лем один тыждень дома, то тратил половину вартости и больше. По селах люде ище тримались, бо мали продукт. А кто был задолженный, то одним куrom або и одним яйцом очистил грунт от долгу. Но по містах люде йойчали и проклинали свою Польшу. Так никто дуже не дбал за “неподлежность”. Выглядало, што нигде нит одного польского патриота.

Я сам перешол нелегально границу, то мене могли всяди арестовати. Но никто о том не думал. Я іздил и до Горлиц, заходил по урядах, встрічался там со своими бывшими польскими товаришами по гимназии и другими знакомыми, но никто не спросил, яким правом я там хожу. Перед войном я мал в Лемковской Кассі в Горлицах около 1,000 австрийских корон, котры откладал собі на университетскы студии, то раз взял ем вкладничу книжку и зашол к адвокату Шибицькому. Он был администратором и ликвидатором той кассы. Звідуясь, ци можна достати предвоенны вклады из Лемковской Кассы. Говорит, што зараз выплатит, лем треба принести вкладничу книжку, або присягнути, што книжка пропала по причині войны. Я мал с собом книжку, то зараз выплатил и с процентами за всі roky. Получилось того близко 1,500 марок. Но што с тых грошей? Перед войном я мог бы прожити на них триштыри roky во Львові або Кра-

кові и докончити университет, а тепер я зашол до ресторану и заплатил всі тоты ошадности и с процентами за один обід.

Я пробыл дома близко два місяцы, бо и грошей уж не было, то треба было роздумувати, як тут достатися обратно в Прагу. Но вернулся из Америки недавно один из моих ровесников, с котрым давно-давно я и на поле ходил. Раз в бесіді говорит мі, што не бойтся польской біды, бо свои грошы из Америки вывюз в долларах.

— Та може пожичишь с двадцетку, бо мі треба вертатися до Прагы?

— Та чом бы ніт? — пожичу и больше, — говорит он.

Зашли мы до його хаты, он отомкнул американский куфер, а там на верху в маленькой шуфлядкі лежат красно поскладанны американскы банкноты по 20, 50 и 100 долларов. Взял одну пятьдесятку и дал мі так без ничего.

Теперь я сміло пустился за границу. Но зараз в Пряшеві треба было міняти в банку тоту пятьдесятку, бо на билет до Прагы не было уж грошей, хоц университетскы студенты їздили за половину ціны. Часы были такы, што за 50 долларов можна было прожити в Прагі несколько місяцев.

Для бывших солдат, котры по причині военной службы не могли продолжати университетскы студий, были установлены ище в старой Австрии, а так и в Чехословакии гдеякы полегчения.

На юридичном факультеті зачисляли им до первой половины студий два военны семестры, а потом в другой половині так само два. То значит, што бывшим солдатам можна было скорше писатися до экзаменов, но экзамены были однаковы для всіх. Я подал просьбу, штобы мі признали тоты полегчения, бо по причині военной службы я стратил штыри roky университетскы студий. Так уж в маю 1921 року, ище перед выїздом на вакации, я получил тымчасовый “абсолюториум” и мог в июні місяці стати до “юдициального” державного экзамену, котрый я сдал, подобно як и первый, с результатом “добрым”. О пару неділь я сдал и повторительный, росширенный экзамен по тым самым предметам, т. зв. “ригорозум”. Вернувшись с вакаций, я получил окончательне свідоцтво о прослушании лекций по всім предписанным предметам правничого факультета. Так мі непотребно было записуватися дальше на лекции, лем сдать ище третий и послідний экзамен, послі чого я мог бы глядати работы в суді або даяком иншом державном уряді, як дипломованный правник.

В Прагі собиралось все больше студентов. Крым был очищенный от білогвардейцев ище минувшой зимы, то в Прагу горнулись массом русскы студенты. С ними пришло дост много и наших галичан, даже и несколько лемков, котры служили в білых армиях. Из Польшы пришло больше нашої

Группа студентов-лемков в Прагі в 1922 году: (Сидят, сліва направо): А. Телех (Лосье), И. Пушкаръ (Тылява), Кулявчик, В. Колдра (Святкова), С. Пыж (Вапенне). (Стоят, сліва направо): Фекула (сын гр. кат. священника из Фраквилл, Па.), Пришаш (Ясельский повіт), Уский (Ждыня), Н. Собин (Бортне), Урбан (Ждыня), Теодосий Ядловский (Смерековец), Мих. Федорко (Гладышов).

интеллигенции. Одны из них получали назначения на державну службу в Подкарпатской Руси, но други оставались в Прагі. Молодшы из них записувались в университет докончувати свои студий, якы прервали по причині войны.

Так Прага ставала и нашим лемковским центром, бо в ней собралось наибольше лемковской интеллигенции. До того, в Прагу приїзжали часто на короткий визит и тоты, што были на работах в Подкарпатской Руси або на Пряшевщині. Ище в 1920 року нашы лемкы совмістно со студентами из Подкарпатской Руси

и Пряшевщины основали свою студенческую организацию: Карпаторусский студенческий кружок “Возрождение” в Прагі. В первом року в правлении кружка было больше наших лемковскы студентов, но уж в слідующом року с огляду на чешску политику мы условились, што репрезентативны уряды в кружку должны занимати чехословацкы граждане, котры мали бы полне право идти к чехословацкым властям в обороні интересов наших студентов, а также в народных справах. Так в школьном року 1920/21 председателем кружка “Возрождение” был студент медицины С. Рокицкий, а секретарем студент прав Г.

Г. Перевузник — оба из Подкарпатской Руси.

Нашы лемки в Прагі основали и свою лемковску организацию, но не студенческую, а загальнонародну, политичну для обороны прав Лемковщины — Лемковский Комитет. До участия в той организации мы притягли всіх выходцев из Лемковщины не только в Прагі, но и по всей Чехословакии. Коли в Прагу прибыла торговая миссия из Советской России, мы передали ей меморандум в справі Лемковщины. Ниякого практического значения то не могло мати в тогдашних условиях, и мы сами розуміли то дуже добре, но всетаки хотіли сме заявити протест против насиельства над нашим народом, котрого судьбу рішали на мирной конференции в Парижі без його відома и участия. От имени той лемковской организации в Прагі мы пробовали навязати переписку с нашим лемковском емиграциом в Америкі, но там не было на тот час ниякой организованной лемковской группы, котра интересовалась бы справами Лемковщины. Як и попередно за всі роки нашей эмиграции в Америкі, так и в том часі наши лемки там интересовались майже исключительно божыми и посмертными справами, сперечались на полах и епископах, на их бородах и церковных отправах, то своему родному краю не помогали и не могли помочи. В Нью Йорку дышал ище Союз освобождения Прикарпатской Руси, но там руководили стары

львовскы діятели, котры приехали в Америку не для народной работы, а для коллекты. В письмах наши студенты критиковали их остро, што не помогают ничего старому краю, то они нашли пару клубов и братств, котры обязались “адоптувати” поединчных студентов в Прагі и посылати им прямо от себе по 15-20 долларов місячно на докончение образования. Но и той “адоптации” было лем на пару місяцев. Прислали таку поддержку один місяц и другий, получили подяку от студента, а потом им то надоіло, то махнули руком на всьо и прервали всяку переписку с адоптованным студентом.

И в самой Чехословакии отношение к славянским студентам и к славянству быстро мінялось в горшу сторону. Чешскы власти и чешскы люде начинали тяготитися тыми массами славянских студентов, яких стягли до Праги. Выглядало так, што многы из тех заграничных студентов, особенно русскы и украинскы, не будут мати великой охоты вертатися домой и послі закончения университетских студий, лем захотят глядати работы в Чехословакии. А тут уже по пару роках показувалось, што Чехословакия має своей интеллигенции за много, и не може найти занятие для всіх. Так правительство укорочало запомогы студентам, а от тех, котры кончали высшы школы, приказало брати обязательства, што не будут глядати занятия в Чехословакии, лем выйдут

с чехословацкими дипломами за границу. И на дипломах докторам медицины, инженерам, правникам и другим писали примічание, што они не можут оставатися на практику в Чехословацкой республикѣ.

С другой стороны, от наших лемковских интеллигентов, котры были приняты попередно на державну службу в Подкарпатской Руси, на Пряшевщині або и в самой Прагі, мы узнавали, што служба их меже чешскими урядниками есть тяжка, бо начальство относится к ним недоброжелательно, як к чужым людем. Такий человек набыл чехословацке гражданство, но меже другими служащими он оставался все чужинцем. Демократия демократическим, а житье має свои порядки. В старом римском праві сложилась поговорка: “Наибольша справедливость по закону може обернутися в наибольшу кривду”. Так и в демократии: на словах може быти свобода, а на ділі рабство. Наши интеллигенты на державных службах в Чехословакии говорили нам, што на державной службі в демократичной республикѣ далеко горше, як было в царской Австрии. Говорили, што боятся высказати свободно свои мысли, бо проженут со службы, або переведут на горшу работу.

Третий державный экзамен я сдал 12 ноября 1921 року. С тым я мог уж идти на державну службу в Чехословакии. В судах старой Австрии и новой Чехослова-

кии даже найвысшы судьи были переважно лем с тыми трьома державными экзаменами, бо то лем адвокату потребно было мати дополнительные экзамены на доктора прав. Но штобы получить службу в чехословацком суді, треба было мати чехословацке гражданство. А для набытья гражданства треба было достати в даяком селі або місті “домовске право”: даяка громада в Чехословакии должна была принять вас за своего обывателя. Я был певный, што чехословацке гражданство достану без всяких трудностей, бо у мене были документы службы в чехословацкой армии в Италии. Но с “домовским правом” было труднйше, бо там в громаді мусіли голосовати, ци вас приймут за обывателя. Иншы наши люде получали домовске право в даяком селі на Пряшевщині, где мали знакомого урядника. Я написал также одному знакомому человеку на Пряшевщині, го отвѣта не было долгий час, то я подумал собі: чого просити “домовске право” там на селі, коли я можу стати обывателем тут в столичном місті, в Прагі? Я подал просьбу до містечкой Рады с посвідченьом военной службы в чехословацкой армии и за два тыждни получил уж красиву грамоту, што Рада главного міста Праги на своем засідании 19 ноября 1921 року признала мі “домовске право” в ціли получения чехословацкого гражданства.

При таком домовском праві

получение гражданства не представляло уж никаких затруднений. Но я не подавал зараз о гражданство, бо все больше тратил охоту оставатися в Чехословакии, а выхати за границу было легче чужинцу, чым новому чехословацкому гражданину. Но доки не было иншого выхода, то я рішил оставатися в Прагі и подготовитися ище к “ригоровум” на третий и первый державны экзамены. Тоты экзамены я сдал успішно и 26 марта 1922 року получил диплом доктора прав.

Так тепер уж не можна было откладати дальше, лем треба было рішати зараз, што робити: ци подаватися на службу в Чехословакии, ци выїзжати за границу?

Службу можна было легко достати ци в суді, ци в финансовой дирекции, ци в политической администрации, бо як нияк я был чехословацкий военный ветеран. Знакомы звали мене и до Пряшева и до Ужгорода. Писали, што можна добре “устроитися”, а до того и добре оженитися, бо у наших священников на Пряшевщині и Подкарпатской Руси dorosлых дівчат много, меже ними и такы с богатым вином. На Подкарпатской Руси можна легко купити свой дом, виноградник зараз коло міста и зажити мирно, зажиточно, по пански.

Но послі Талергофа, военных переживаий на фронтах и в таборах для военнопленных я змінил сильно и свой взгляд на “мирне житье”. Слово “устроитися” стра-

тило для мене свое прежне значиние. А до того и саме житье в той новой послівоенной Европі представлялось мні цілком непевным. Чым больше я розглядался и по той самой Чехословакии, тым сильнійше начинал отчувати, што нахожусь в яком-то дурацком раю. Бенеш говорил поважно и грал роль великого, мудрого дипломата, а в сусідной Польші маршал Пилсудский морщил сурово брови и напускал на себе мину великого войовника. Но при реальном подходе к положению, они оба выглядали комично. Дві великы державы, Россия и Германия, найбільшы в Европі, были повалены на землю, то маленькы, но зарозумілы акторы могли выдрапатися на сцену и показувати свои штуки. Но то было дочасне и несерьезне. В тех часах трудно было предсказати, котра из тех двох поваленных держав встане скорше знова на ноги, но было ясно, што они встанут, а тогды вся та Версальска Европа розвалитися в порох.

От державной службы отстрашала мене и скандальна политика чехословацкого правительства с карпаторуссами. По мирному договору и по своей власной конституции чехы прирекли торжественно признати Подкарпатской Руси найширшу автономию, но чехословацкы демократы пустились грати там свою “реальну” политику. Автономию не проводили в житье, лем насылали туда все больше чешских урядни-

ков и колонистов. А для отвлечения людской увагы от автономии они розвивали в Подкарпатской Руси “языковый вопрос”. Даже чешску Академию Наук затягли до спора о том: який народ там жие — ци русский, ци украинский, ци самобытны русины? А другой спор был о том, який язык завести в школах Подкарпатя. Всі тоты “вопросы” на ділі не належали цілком до Прагы ани до чешской Академии Наук, бо и в конституции Чехословацкой республики говорилось ясно, што рішение школьных діл належит до автономного сейма Подкарпатской Руси. Так потребно было лем провести автономию и оставити тоты sprawy на рішение місцевого сейма и губернатора.

Позже один из найблизших дорадников президента Масарика, инженер Яромир Нечас, котрый забрал найчастійше слово в языковом спорі Подкарпатской Руси и оборонял украинску ориентацию, виявил откровенно, о што властиво росходилоь чешским “реалистам”. Он заявил: “Подкарпатскы русины, то невыявившася ище до сего часу етнична масса, из котрой можут быти чехы, словакы, украинцы або дашто инше”. Из того видно, як далеко скакали тоты люде и як нереально смотріли на світ чешскы “реалисты” из школы Масарика. Они уж тогды копали могилу для своей республики, но представляли собі, што занимаються “штатотворном” роботом.

Коли человек думал о том, то

отходила вся охота не лем поступати на державну службу, но и “устроюватися” даяким иншим способом в Чехословакии. Мні выглядало, што ніт смысла роскладатися больше солидно до житья в той державі, котра може не продержится и пару літ, лем треба уходити чым дальше до світа. В том часі гдеякы украинцы начали выїзжати из Прагы на Совітску Украину. Там совітска власть переводила в ударном порядкі “украинизацию”, то выїзжали и галицкы самостійники помагати в такой роботі. Так и у мене возникла идея о выїзді в Совітску Россию, но не на Украину, а дагде аж в глубоку Сибирь, штобы там глядати роботы.

Совітска Россия была уже освобождена от заграничных интервентов и білых армий, бо лем на Далеком Востоді — во Владивостоки держались ище японскы оккупанты. Но краина была страшно опустошена и голодна. Треба было будувати всьо наново. Мы о том знали, бо в Прагі можна было достати и совітскы газеты. Ленин признавал то открыто в своих докладах. Но у мене была тверда віра, што они там поборют и тоты трудности. Если они потрафили выйти побідоносно из гражданской войны и розбити заграничну интервенцию цілого капиталистичного світа, то там мусят быти добры организаторы и лидеры. Створити миллионовы армии из деморализованных солдатских масс царской России и повести их от побіды к

побіди на всіх фронтах — то було чудо. Так они покажут друге чудо в отбудові країни. Іще о старой России говорили, што там один добрый урожай може закрити всі помылкы нездалых правителей. А таким енергичным людям, яки тепер там у власти, один-два добры урожая дадут не лем достаточно хліба для домашньої потреби, но и надвышку для экспорта, за котру достанут потребны машины и фабричны продукты.

Позже выяснилось, што с земледііем большевицкы лидеры ниякых чудес не показали, и то осталось у них слабым місцем на цілі десятиліття. Таки лидеры, як Ленин, Сталин, Троцкий, Зиновьев и други, котры в тых часах мали там головне слово, провели свою жизнь по великих містах, то о сельском господарстві мали слабе и смутне представление. То можна было замітити из каждой их бесіды о сельском господарстві. Они думали, што для фабричной продукции потребны суть досвідченны робочы и инженеры, но на селі ніт, бо на землі каждый може газдувати — картошка або пшеница каждому вырастне, корова каждому даст молоко. Партия повела кампанию против кулаков, а дальше и против середняков, то-есть всіх лем трохи больше заможных селян, и оперлась на бідняках. Если бы тогдашны лидеры Совітской России были лучше ознакомлены с селом, то они напевно повели бы иншу политику с земледііем, бо

розуміли бы, што и в сельском господарстві потребны суть профессионалы и эксперты. Тоты кулаки и середнякы, котрых партия преслідовала и проганяла с земли, были переважно найлучшы профессиональны земледііцы на селі. А меже бідняками было больше таких, што не дбал нич, не знал нич, то и не мал нич. Особенно в России, где были свободны богаты земли в Сибири, куда каждый больше енергичный мужик мог переселитися и стати добрым господарем, бідняками на селі оставались тоты найслабшы и наименьше трудолюбивы элементы. Так сельске господарство в Совітской России было подрізано на долги роки, коли партия в своей политикі на селі опералась головно на бідняков. Тота Россия, котра мала найбільше урожайной земли и котра своим хлібом могла бы легко прокормити всю Европу, терпіла недостатки як раз в земледіільских продуктах.

Но в том часі, на весну 1922 року, загальна картина не была ище ясна. Я вірил, што большевикам буде легче подняти земледііе на правильну дорогу, як индустрию. И охота переселитися в Россию была велика у мене. Но показалось, што единичным порядком было трудно достати позволение переіхати легально туда. Правда, можна было пробовати переіхати нелегально — просто достатися через Галичину к границі и там перейти так, як мы переходили польско-чехословац-

ку границу. Но на такую авантуру у мене уж не было отвагы. Без легальных документов в революционной России можна было легко попасть под серьезные подозріние, ище человеку с университетским образованием из-за границы. Человека могли принять за даякого чужеземного агента, а с такими в тых часах была коротка росправа.

У нас на собраниях Лемковско-го Комитета в Прагі поднимали пару раз бесіду о том, што было бы добре послати нашего делегата в Америку и наладити даяку помощь от нашей эмиграции в США для Лемковщины, а и освободити наших людей от пустой политики львовских діятелей, яки все ище занимались там “освождением” Прикарпатской Руси. Но трудно было найти подходящего человека для той миссии. Старшы наши интеллигенты, котры были уж на державной службі в Чехословакии, не хотіли ани чути о том, бо державну службу не можна кинуть сегодня, а потом вернуться на то же самое місце, коли человек захочет. Д-р Дмитрий Собин отказался, бо он недавно переіхал из Пряшева на Подкарпатску Русь и открыл там нотарску канцелярию, то не мог отлучитися. Василий Колдра из Святковы, котрый в том часі приіхал из Польщы в Прагу, отвітил:

— Я не хочу быти попом, то чего туда поіду?

Он уіхал на Подкарпатску Русь глядати там занятия. У наших интеллигентов было такое мніе,

што в Америкі иншого занятия не можут найти, лем поповске, бо несколько наших бурсаков, котры попередно эмигрировали в Америку, майже всі понадівали поповскы рясы.

Тут я стал все серьезнійше становлятися над тым, ци мі самому не поіхати в Америку. С одной стороны, было неприятно кидати планы на выгудну державну посаду, яку я тепер мог легко получить в Чехословакии, но, с другой стороны, якесь чутье говорило, што лучше махнуть руком на всю и уходити чым дальше в світ, бо той службы буде лем так долго, як долго продержится и сама Чехословакия.

Я не говорил ище никому из членов нашей лемковской колонии в Прагі о тых моих думках, но зашел к американскому консулу перевідатися, ци можна достати американску визу. Консул объяснил, што бизнесмен, котрый іде як представитель даякой чехословацкой фирмы в бизнесовых ділах, може получить визу дуже легко. И студенческу визу можна достати, если получу посвідку от даякого американского университета, што іду в США для дополнения своего образования. Але иммиграційну визу на постоянное житье в Америкі то уж труднійше достати, бо суть квоты и потребны аффидевиты, то часами треба чекати дуже долго. Я сказал, што хочу іхати як студент, но я не записался ище на ниякий университет в Америкі, бо властиво я уже окончил уни-

верситетські студії в Чехословаччині, то там не наміряюся залишатися при одному деякому університеті, лем перейти пару їх і ознакомитися з постановкою юридичного навчання в Америці.

Консул починав крутити головою, і я сам чувствовав, що можу заплутатися цілком, як на перехрестному допиті в суді, але раз він почав, то думаю, що треба йти далі. Говорю, пояснюю, що я думаю відкрити адвокатську канцелярію тут в Чехословаччині і мати багато адвокатських справ від наших іммігрантів в США, то мені потрібно ознакомитися і з процедурою в американських судах, а також з американськими легальними документами, з американськими законами про контракти і т. д. Консул слухав, а нарешті говорить:

— Добре, я дам вам студентську візу, але пойдете на свій ризик, бо як не отримаєте наперед посвідки від деякого американського університету, то наші імміграційні влади можуть вас повернути з Нью Йорка.

Я пристаю взяти на себе такий ризик. Якось все удавалося попередньо, то думаю, що і тут вдасться. Консул казав принести паспорт, то прийняв студентську візу.

Я не подав ще о чехословацьке громадянство, то закордонний паспорт так на швидку руку можна було отримати лем польський. Беру метрику і йду в польське консульство. Там говорять, що дадуть мені паспорт, але лем до

Польщі, бо вони не мають права видавати в Празі польські паспорти в інші країни:

— Пан поїде додому і там в Польщі пан отримає легко паспорт на виїзд до Америки, бо такий порядок у нас.

Але я почав викладати, що мені ніяк не підходить, бо мені треба бути чим скорше в Америці, а тут в Празі я знайомий з американським консулом, котрий приїждив мені дати візу без довгих церемоній. Консул розговорився, спробував, де я ходив до гімназії, і потім зник. Сказав, що він сам галицький з Кракова і рад би мені допомогти, але може втратить службу через мене. Тоді він ще молодий чоловік і добрий натурою. В тих часах нові польські урядовці не були ще суворими формалістами, лем як хотіли, то могли показати, що можуть зробити і по своєму особистому висновку. Казав принести фотографії, то видасть мені паспорт, але виключно лем на виїзд до США.

Так ввечері того дня на зборі нашого Лемківського Комітету я говорю, що коли ніхто не хоче їхати в Америку, то я поїду. З початку всі прийняли це за жарт. А я говорю далі, що у мене майже все готово до виїзду, лем грошей ніт на дорогу. Ми посиділи довго і говорили. Було між нами один студент, котрий недавно отримав від батьків в Америці тисячу доларів на свою науку. Він сказав, що позичить мені на слово 300 доларів, бо до-

віряють, що йому поверну, якщо достанеться щасливо до Америки, але хотів би мати деяке забезпечення на випадок катастрофи со мною в дорозі — пароплав може розбитися і потонути, або дасть інші нещастя. Говорять йому жартом, що ще ані один лемко не втопився по дорозі в Америку, то ніт страху. Але нещастя випадки бувають, то і ми рішили, що напишемо нашим членам, котрі вже є на роботі, щоб вони підписали таку гарантію. За короткий час прийшли підписи, а я почав готуватися до виїзду.

Ми в Празі мали нагоду зустріти наших людей, котрі приїжджали з Америки, але з бесіди з ними неможливо було виробити собі ясного уявлення про те, як виглядає американське життя, бо кожен з них малював іншу картину.

В Празі ще зараз на початку я зустрів нашого американського делегата з Паризької мирної конференції і старого знайомого з Рима Петра Гаталіака. Він заходив часто до мене на квартиру. Він жив поважно і ходив часто “на аудієнції” в чехословацьке міністерство. Видно, старався торгувати для себе або для держави посаду або приватне підприємство. По парі місяців він поїхав до Ужгорода і там відкрив маленький банк. Петро Гаталіак любив говорити за Америку, але все кривився на американські порядки. Говорив, що там повсюди бандитство і бандитство — всюди

спекулянти, блекмейлери, шахраї, криминали, то чесному чоловіку важко утриматися.

В Празі зупинився на парі днів і наш лемківський православний священник Йоганн Кушварі з Юнкерс, Н. Й. Він приїхав з женою на короткий візит до старого краю. В бесіді з нами він говорив, що в Америці інтелігентні люди не мають такої поваги і значення, як в старому краю. В Америці і простий неучений хлопець хоче приказувати священнику. В подібному дусі говорив і професор Вергун, один з головних діячів Союзу визволення Прикарпатської Русі в Нью Йорку, котрий кинув Америку і приїхав до Праги дивитися деякого заняття в Чехословаччині. Він говорив, що в Америці ніт ніякого культурного життя. З Америки повернувся і прашевський делегат д-р Бескид, але він говорив більше особисто про самого себе, як про Америку. Оповідав, що Америка дуже красива і багата, бо його всюди красно приймали наші люди і угощали. Він повернувся назад, бо думав, що чехи призначать його губернатором автономної Підкарпатської Русі.

В Празі зупинився на короткий час і другий американський делегат з Паризької мирної конференції Віктор Петрович Гладик. Він хвалив Америку і кликав всіх наших студентів до Праги виїжджати туди, де там знайдеться робота для всіх. Але що до народної культурно-просвітительної роботи, то таку в Америці

можно начинати лем от церкви, бо нашы люде всі при церквах. За то нам треба мати в Америці больше своих православных священников.

При концу мая 1922 року я мал

уж в руках польский паспорт, американску визу и 300 долларов. Так попрощался с товарищами, взял поїзд на Германию и пустился в далеку дорогу до Нового Світа.

Нашы выселенцы на Д. Шлезку

Аматоры лемковского драматичного кружка в селі Бучиньки, Вроцлавского воеводства, котры стограла представление "Карпатскы партизаны". Сидят (сліва направо): Циркот Антонина, Юрків Йосиф, Хомкович Иван, Дутканич Иван, Підбережняк Антония. Стоят (сліва направо): Хомкович Михаил, Докля Анна, Горбаль Дмитро, Докля Мария, Капинос Бронислав, Феленчак Теодор, Хомкович Стефания, Горбаль Иван, Підбережняк Иван.

В 1957 року исполнится 10 літ от того смутного дня, коли нашы люде на Лемковщині были выселены примусово из родных сел в западны районы Польши — на т. зв. "отзысканы" от німцев земли. Так я тут хочу подати коротку историю одной невеличкой группы выселенцев из села Бортного, Горлицкого повіта.

9-го июня 1947 року нас довели до станции Расувка и там нас распреділяли по селах: одних послали в ту, а других в иншу сторону. Нашым людам то дуже дивно выглядало, бо іхати охотно то есть штоси инше, а примусове выселенье то не так вызерат.

Коли мы іхали от станции до того села, в котром тепер жие-

ме, то нам показали лем дорогу и казали іхати самим без проводника. Іхало нас 7 родин — іхали сме возами. Поскладали на возы дрібнійше гратья и перины, а худобу, уш, козы гнали сме за возами. Бабы сой поплакували и так помалу ишли.

В дорогі напал на нас великий дождь, што сме чисто перемокли. И вшиткы перины, якы сме везли на возах, перемокли, то бабам ся ище ліпше плакало.

Тото село, што мы до него іхали, лежит в лісі, то мы не могли до него трафити, лем проіхали дальше. Мы минули в лісі тот пугтик, котрым треба было скрутити до того села, и пустилися дальше дорогом. Так мы заіхали на друге село. Заходит мой тато до первого дому, бо мы іхали напереді, за хвилю виходит и повідат, што то инше село. Так уж не было иншой рады, лем там дагде ночувати, бо была ночь темна, и льяло так, што мы не могли пускатися дальше и глядати нашого села.

Мы розышлися по домах в том селі: мы до первого, а другы за порядком до других домов, якы там были, и так переспали мокры и под мокрыма лахами. Но але далося вытримати, бо то было в літі.

На другой день рано мой тато и с другим газдом пошли глядати того села нового и дому. Коли они нашли и вернулися, то сме всьо поскладали на возы и поіхали дальше.

Приіхали сме на другой день

деси коло еденастой години до того нашого села и поросходилися по пустых хижих. Тоты дома, в котрых жили німцы, были уж заняты поляками, што пришли давнійше. Коли німцев выганяли, то в домах осталося новым газдам вшитко по німцах. А для нас лишилися тоты дома, котры были пусты от войны.

Мы пришли до такого своего дому. Окон не было, пеца тыж не было, то за два тыждни мы на дворі істи варили, як партизаны в войну в Карпатах, и чекали сме, коли нас назад додому отошлют. Всі так говорили, же нас обратно додому будут отсылати. Но але потом сме виділи, што додому нас не отсылают, так сме зачали окна вставляти и пецы мурувати. Не сіяли сме нич, бо было уж поздно, лем бандур кус посадили, но маленькы ся вродили.

Тот рік нам давали приодівы, муку, цукер, кашу на каждую особу, сколько в котрой родині было. Но сколько выходило на одну особу, того уж не памятам.

А на другой рік зачали сме орати и сіяти, кто што міг. Але о своих рідных сторонах не переставали сме думати и радити. И докаль жити будеме, то не забудеме.

И так дальше минали дни, місяцы и roky. Потом за який час пришел наш священник из нашего села Бортного и открыл православну церковь, то люде могли хоц почути отправки на своем родном языке. Но суть и такы

темны люде, котры повідають, што для греко-католика то великий гріх идти до православної церкви. И не ходят, лем до римско-католицкого костела. А тото свідчит лем о их темноті, бо як бы были лем кус свідомы, то они бы знали, што віра греко-католицка есть тото само, што и православна, и из ней была створена.

Я сам тыж греко-католик. О tych вірах я бы мал дуже писання, но але не хочу так долго розводитися.

Наразі, як сме приїхали до нашого села, то місцевым людям дост ся не любило, што мы якоси инакше радиме и якись иншы свята святиме. Видно было, што якбы так мали кус права, то бы нам заборонили, бо им ище не вышуміла из головы “санация”. Но але мы не были такы дуже темны, штобы сме не знали Конституцию нашей Державы Людовой, в котрой каждый обыватель мае запевнену свободу своей бесіды и віроисповідання. Так и нашы противники успокоилися по-

В 1849 року на съїзді австрийских католицких епископов в Відню, где гр. кат. церковь в Галичині представляли Левицкий и Яхимович, осуждено на подставі Св. Писания национальне пробуждение народов Австрийской империи, развитие национальных языков, национальных культур и саму национальность: “национальность есть остаток язычества, так як разноязычие есть последствие гріха”.

ЗАБЕРАЮТ ДІТЕЙ РОДИЧАМ

В неділю в церкви поп гово-

малу и так привыкли, што ани бы наразі никто от них того не сподівался. А их молодежь так понаучувалася нашой бесіды, што трудно познати, же то не лемко.

В 1956 року, як мы грали представление “Карпатскы партизаны”, из Карпатурского Календаря Л. С. на 1951 р., написане П. Соколом, то оно дуже полюбилися не тилько нашим людям, но и полякам. Наш драматичный кружок выступил первый раз с тым представлением в нашем селі Бучинка, а другой раз в селі Милорадзице, повіт Любин, воеводство Вроцлавске.

В том представлении отограли дві роли полякы из нашего села тут, где теперь жиєме. Один хлопец грал ролю Ивана-сусіда, а другой старший газда грал ролю січовика Онуфрия.

Тут вам посыламе фотоснимку из нашего представления, котру просиме помістити в Календарі Л. С. на 1957 год разом с короткым очерком из життя нашой группы лемковских выселенцев на Д. Шлезку.

И. О.

рил на проповіді, што в России большевики заберают родичам дітей. По службі одна жена вертатся додому и встрічат куму.

— Ой кумичко, пропали нашы люде, што их забрали до России. Отец духовный говорил днесь в церкви, же там большевики заберают дітей родичам.

Друга кума повідат:

— Я не знам, ци в России заберают, но в Америкі то напавду заберают, бо знам по собі. Я мала шестеро, ховала-м, а як выросли, то всі мя лишили.

Вспомин лемковского партизана

Родна моя Лемковщино,
Яка ты прекрасна
И любима ты нам лемкам,
Як и мати власна.

Бурю страшну пережили
Родны твои діти,
Много горя перенесли, —
Тяжко то забыти.

Были войны в твоих горах
И долины смерти, —
Бо хотіли тя фашисты
С лица земли стерти.

Мы там были, мы виділи,
Што робили каты,
Як стріляли наших людей,
Як палили хаты.

А наиболее потерпіли
Лемкы из Мысцовы,
Бо фашисту попа мали,
Служил он врагови.

Раз начали из Мысцовы
Всіх в неволю брати,
То мусіли Мысцовяне
В лісах ся ховати.

И начали партизанку,
Борьбу за свободу,
Так перешли мирны лемкы
На совітску моду.

Вспомну село Перегримку
И Цеклинску Волю,
Бо ділили они с нами
Партизанску долю.

И як Довбуш в Чорной Горі
Панов знал палити,
Так лемковскы партизаны
Стали німцов бити.

С долгой спячки збудилися
Велькы лісы, горы,
Смерть фашистам голосили
Нашы гущы, боры.

И не один німец лежит
В Камени, Точколі,
На Магурі тыж не мало
В потоці на долі.

И нацисты-українці
Очы вытріщили:
Был агентом для Гестапо, —
Дораз го забили.

Не раз пришлось за три roky
Спати на холоді,
Без поживы мы сиділи,
Но при доброй воді.

Русскы пленны до нас пришли,
Тыж нам помагали,
Добры были товаришы, —
Разом мы страдали.

В неустанной борьбі с врагом
Росли нашы ряды,
Потоптали нашы ноги
Лемковщину всяди.

На Словаках мы тыж были,
Маковицу знали,
И Милоса Кечковяна
Часто навіщали.

Коли Гитлер стратил вшитку
До словаков віру,
То розогнал он их войско
Всяди по Подгірью.

Так ся вшиткы потратили
В лісах Пряшевщины,
Але пришли им на помощь
Братья с Лемковщины.

В них не было той практики,
Як так можна быти,
В лісах Карпат под ялицов
Дни и ночи жити.

Вшитки разом огни клали,
Одежу сушили,
Карабины от болота
Оливом чистили.

На засады тыж ходили
Німцов постріляти,
То на восток меньше піде
Русских стримувати.

Так минали дни за днями
Горя и недоли,
Але чути близко гуку
Наступавшой воли.

Уж чуеме о наступі
Советских гвардистов,
Самолеты со звіздами
Громят, бьют фашистов.

И так первый раз зустрічають
Лемкы партизаны
Генерала Баранова
И с його бойцями.

“Здравствуйте!” — всі закри-
чали.

“Друзья партизаны,
Помагайте немцов бити,
Разом, друзья, с нами!”

Наполнились велькы горы
Гуком от снарядов.
Зарычали смертны “Тигры”
В полях под Змиградом.

Бой начался, страшно было
Нам то переживати,
Як гвардистов, тых геройов,
Стали окружати.

И там на Кичері горі,
В лісі Качальнику
Остались тилько ямы,
С дерев ани ліку.

И раз по раз наступали
На ту страшну гору,
Не хотіли уж отдати
Мысцову в неволю

За гористу нашу землю,
Прекрасну природу
Жертвовали русскы мамы
Дітей своего роду.

Хоч одного мати сына
При старости мала,
То и того наймильшого
На войну отдала.

И всі они воювали
За права и волю,
За славянску и лемковску
Нашу вспольну долю.

Вічна слава павшым в битві
Советским гвардистам,
Бо за кривду отплатили
Зрадникам нацистам.

Пригорнула их там к собі
Карпатска земляца
И геройсков славов вкрыла
Молоденькы лица.

Нашы лемкы тыж там лежат,
Най им буде слава,
Уж на их могилах росне
Зеленька трава.

А где-ж твой сын-единачок,
Вдово Пелягийо,
Або где твой Василь, Тереск,
И твой Гриц, Марийо?

Та и твой Николай, Насто,
И твой Юрко, Марто?
Один погиб на Мураві,
Другий аж за Вартов.

Вшиткы они спочивают,
Где смерть их застала,
Уж и на них давно росне
Зеленька трава.

Долг священный выполнили
Вашы любы сыны,
Як герои партизаны,
Славной Лемковщины!

Командир партизанского
отряда имени Чапаева,
Большой Д. Ф.

ПРИШЛА ВЕСНА

Зима ся скончила,
Весна в житъя
наступає,
Вся природа оживає,
Што замерло, —
воскресає.

Всі рослины оживають,
Такий приказ они мають,
Деревина ся розвиват
И пташина собі співат.

А там на новом
трактору
Иде фермер сам
под гору
Роботу начинати
Свое поле орати.
Мати в хаті ся порає,
От слез очы обтирає:
Єдинака сына мали,
То на войну го забрали.
Плаче бідна мати, —

сумує,
Но сын уж убитый,
Маминого плачу —
не чує.

Отец оре и думает,
И на хату споглядає:
Може то лем очы
потемніли,

А може напавду
Перед хатом сына
увиділи?

Там в повітря понад трактор
Пташина гуляє
И тішится, выпускую,
Же весна настає.
А дітвора ся радує

Весном коло школы,
Гулят собі, подскакує,
Або грає в “боллы”.

Вітер подул деревином,
Листочками рушат, —
Оре отец поле свое,
А жаль го не лишат.
Плаче отец, плаче мати,
Тугу вітер несе, —
Весна красна, всьо оживат,
Но сын не воскресє.

По фабриках трубы гудят,
Полудне ма быти,
Остановил отец трактор,
Бо час отпочити.
Иде отец на полудне,
Помалы ступає,
За сыночком там в чужині
Тяжкы думы має.
Коли пришол на подвірья
Коло своей хаты,
То сусіда там чекала
Новину сказати.
Плаче бідная сусіда,
Зо жалю присіла
И говорит, же и она
Сына утратила.
Через окно мати видит,
Же плаче сусіда,
И выходит на подвірья:
Яка нова біда?
А сусіда с жалю, плачом
Злую судьбу свою

проклинає.
“Ой пропали наши діти!”
Кричит, нарікає.
Обі мамы теперь плачут,
Зо жалю аж мліют,
Не устают, лем ругают
Военну затию.

Отец просит:
“Уж не плачьте,
Хочу вам сказати,
В нашем краю таких мамох
Великы тысячы.
И тот плач не поможе,
Треба вам то знати,
Лем Конгрессу, Президенту

Треба просьбы слати:
Най закончат тоту войну,
Што нам прирікали,
Бо мы на них голос дали,
Як выборы мали."

— о —
И так отец успокоил
Маму и сусіду,
Пошли в хату, посадили
К столу до обіду,
Но найперше помолились
За пропавшы діти,
З'їли обід, як слідує,
И пошли робити.
Отец пошол зас на поле,
Бо треба орати,
Мамы в хаті ся остави
Просьбу укладати.
И сусіда дуже красну
Просьбу писала,
Но не могла докончити,
Бо дуже плакала.
И забрала в свою хату
Лист недоконченый,
А листонош приніос вістку:
Другий сын раненый.
Тут сусіда с жалю мліла,

"Серб, болгарин, боснийский райа, славянский крестьянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с говорящими на том же языке римско-католическими юго-славянами" (Маркс и Энгельс, цит. в "Истории СССР", том II под редакцией проф. М. В. Нечкиной, стр. 235).

МАЛЕНЬКИЙ ШКОЛЯР

Маленькому хлопчику сказала мама, што піде до школы на другой день. Хлопчик встал рано, позберался скоро и весело и был готовый ище перед назначенном годином.

Но на слідующий день по школі он спит рано, хоц час збератися. Мама будит його:

Дівка водом ей чутила.
И коли ся очутила,
Таки слова говорила:
"Боже, Боже, што ся діе
На том білом світі,
За што гинут там в чужині
Нашы родны діти?"
Дівка маму умолчала,
Штобы больше не плакала.
Каже дівка: "Не плачь, мамусь,
Бо весна настала!"
Мама каже: "Правда, дівусь,
Што весна настала, —
Про нас весна то не радость,
Бо сердце не скала."

— о —
Близко хаты річка плыне,
Вода в ней шепоче,
Пастух пісню затігає,
Народ мира хоче.
А солнечко світит, гріє
Своими лучами,
И природа, як в золоті,
Покрита цвітами.

Йосиф Ст. Фрицкий,
Ровей, Н. Дж.

— Васю, вставай, бо час идти до школы.

Васьо протер очы и говорит мамі:

— Знов до школы? Та я уж был вчера.

ЧАРОВНЫ СЛОВА

Нашы люде видят штоси надзвычайне в назвах и словах, и часто заводят великы суперечкы на том, як тото або друге слово выречи ци написати. Напримір: Лемковщина ци Лемковина? Або: руский, русский, русский?

То осталось ище с тых часов, коли люде вірили в закляття и чаровну силу слов. В байках говорилось, што треба было знати и точно повторити тото або ише слово, то або скала отворилась, або можна было человека переимити в волка. А як не вырьюк точно потребны слова, то чары не діяствовали.

И я будувал Америку

(ИЗ ОПОВІДАНИЯ СТАРОГО ЕМИГРАНТА)

Я приїхал в Америку — в Соединенны Штаты по самой той причині, што и другы нашы люде. Мы приїхали за куском хліба, котрого браковало каждому из нас в старом краю. Населения там приростало, а земля оставалась тота сама, и система житья тота сама, то не было способу до житья.

Я того куса хліба шукал в краю на заробку. Но заробити на житья в старом краю было трудно, бо заробку не было, фабрики не было. Попод наше село Андреивку проходила желізна дорога из Нового Санча до Орлова, то подакотры люде робили на той дорогі. Под селом Миликом было много такого дробного камінья, што ріка Попрад нагорула, то люде просівали його через желізны сита, бо было дуже піску в ньом, и тачками возили на купу коло той колеи. Так и я достал там роботу.

Робота была дуже тяжка, то я привязал мотуз до ручкох тачкы и давал через плечы — и так пхал тачку, наладованну камінном, на тоту купу. А моя тютчана сестра сіяла тото камінья. Мы робили дов'єдна и заробком ділились по ровной части, то мы за-

робили от двох до трьох шусток денно. Платили от тачкы, але як тачка не была полна, то мушено было брати назад, бо не принимали. Там стояли якысь контракторы, жиды из Мушины, што того дозерали. Видно, они мали контракт с желізном дорогом на доставку того камінья, а мы для них робили. За каждым тачком давали нам маленький кусок синього папера и ведля тых папериков выплачали в субботу.

Народа там робило много, то работы той долго не старчило. Як навозили гору камінья, то роботі приходил конец.

Камінья на колеи ладовали иншы роботники и брали до Орлова.

На другой рок я достал роботу при укріпленнях, котры будовали понад туннель, где колеи ишла попод гору. Я зберал камінья по лісу и товк на дробно. Тото камінья давали до цементу и льяли до мура, котрый был грубий на один метер.

Потом на слідующий рок я достал роботу через літо на желізной дорогі. Инженер, што мал надзор над роботом, виділ, же я ище дуже молодой и слабый до хлопской работы, то мене отря-

дил робити с дівками, котры по-
ложили траву и чистили попод мо-
сты, где было намулено камінья
и глины.

В зимі той работы не было, то
я молотил зерно ціпами дома, а
часом трафілося молотити таким
женам, што их мужове были в
Америці. Платили дві шусткы и
істи.

Одного разу говорю отцу: “Ня-
ню, дайте мі грошы на дорогу,
то поїду до Америки”. Отец и
мати ани слухати о том не хоті-
ли. Но я настоювал и говорил:

— Коли я тут можу робити, то
и в Америці потрафлю. Сестра из
Америки посылат вам грошы, то
и я буду посылати.

— Тобі ани паспорт не дадут,
— говорит отец, — бо ты ище
за молодой.

— Но вїт даст служебну кни-
жку, — говорю я. — Теодор Го-
ловач и Стефан Мурин идут на
другий тыждень так само на слу-
жебны книжки, то я можу идти с
ними.

Отец говорит, што они старшы
от мене, то втічут перед войском,
а мні лем 15 літ, то не мушу вті-
кати. Но наконец и отец згодил-
ся, то я достал служебну книжку.

Так мы поїхали разом. Отец
дал мі 18 ринских на дорогу до
моря, а больше пошле, як доста-
не телеграмму от мене.

— А як тебе навернут, то до-
дому не прихोдь, — сказал мі
остро отец.

Нам удалось перейти счастливо
німецку границу, и приїхали сме
до Бремен. А о тыждень мы уж

сїдали на пароход “Барбаросса”.
То была стара шифа, но ище
плавала. Я такой в первый день
захворіт на пароході, и три дни
не мог ничего істи. Оба мои то-
варишы сміялися с мене, бо им
ничого не шкодило.

Но чым дальше мы ишли по
воді, тым барже колысало паро-
ходом. А мы были в самом пе-
редньом концу парохода, то ско-
ро и бляшаны шалкы начали ле-
тїти со столов на подлогу. На
шестой день матросы донесли
каждому пассажиру мотуз, што-
бы сме привязувалися до лужок,
бо приходила страшна буря. Па-
роходом так метало на всі сто-
роны, неначе с одной великой го-
ры на другу. Матросы так літали
як сумасшедшы. Двери на палубу
были позамыканы. Приказ был,
штобы никто не поважился с лу-
жка сходити. Матросы, што при-
выкли к морским бурям, не мог-
ли утриматися на ногах. Кухня
была закрыта, істи не варили, мы
жили тилько сухарями. Люде,
што перед тым співали, грали на
гармониях и гуляли по палубі,
теперь плакали и молилися.

Никто не думал больше увидіти
суху землю. Пароход девять раз
трубіл жалостно за одну годину.
А по споді того парохода такой
трескот был, як бы до него кто
канонами стрілял. Из пассажиров
никто не знал, што ся робит. Каж-
дый думал, што приходит нам ко-
нец.

На девятый день буря устала.
А 13-го дня мы прибыли до Нью
Йорку. Ночь мы переспали на

пароході, а рано перевезли нас
на “остров плачу” — в Касигар-
ду. Там я был отлученый от сво-
их товаришох: их пустили, а ме-
не обернули долов сходами и
заперли в желізну клітку, якбы
даякого звіря. До той самой кліт-
кы заперли одного поляка от
Кракова. Нас тримали в той кліт-
кы якы три години. Поляк гово-
рит, што нас будут вертати назад
до краю. Он дуже боялся того:
повідал, што втюк с краю перед
криминалом, то скочит с паро-
хода в воду, если його завернут.

Но мене забрали из той клітки,
а поляка оставили. Припроводи-
ли мене перед оkenко офису и
довідуются одно и друге. Я от-
повідам по правді, о што ся про-
сили. Кажут мені заплатити за
телеграмму, котру хотіли высла-
ти до мойой сестры, што жила в
Клифтоні, коло Пассейку. А так
мене взяли до великой комнаты,
где было дуже народа. О два дни
знова кличут мене перед того са-
ме оkenко и говорят, што теле-
грамма не нашла сестру, то ся
вернула. Говорят, што або сестры
не мам, або адрес не правильный.
Я кажу, што всі письма мы по-
сылали по тому адресу, то сестра
их получала. Повідают, што по-
пробуют выслати ище одну те-
леграмму. Але я не ждал на дру-
гу, а зараз написал письмо. Се-
стра письмо получила и пришла
по мене, але случилось так, што
она мое письмо забыла дома, то
ей ани не пустили мене видіти.

Мене знова покличали перед
комиссию. Тоты панове, што там

сиділи, говорили так серьезно и
напоминали, штобы я поправді
отвїчал на вопросы, якы будут
мені давати, бо як нїт, то они
и так довідуются, а я за неправ-
ду достану битку полицейском
палком. И показали мі тоту по-
лицейску палку на правду.

Но седьмого дня пришла по-
мене сестра другой раз и прине-
сла мое письмо, так ей пустили.
Вперед, чым мы могли привита-
тися, она мушена была присяга-
ти, што я есть ей власный брат.
Так мене выпустили.

Коли мы приїхали до Клифто-
ну, то я все того шматя взял
долой, и мы його спалили, бо
страшно было заушивлене. Тота
иммиграция станция на Еллис
Айленд, або як ей называли Ка-
сигарда, была брудна и заушив-
лена. Потом в перву світову вой-
ну я читал о концентрационных
таборах в Австрии, як там люде
били ушы, то мі зараз пришла
на мысль картина из Касигарды.
Мы спали там на голых “шприн-
гах”, як в тюрмі. Правда, были
“бланкеты” на купі, но никто их
не брал, бо то было вошаче гніз-
до. Ночном пором тота гідь пе-
реходила и по голых шпрингах
на человека и жерла тіло.

Скоро я достал перву работу в
Америці. Один поляк мал малень-
ку фабрику в Гарфильд, Н. Дж.,
где вырабляли докторскы инстру-
менты, то краян постарался мі
там о роботу. Выробил я 8 дней
и получил перву “пейду” в Аме-
риці — \$2.00, што выходило по
два центы с половином на годи-

ну, або 25 центов на 10 годин. При таком заробку было тяжко выжити, хоц все было дуже дешево, то написал я до уйка в Шамокин, Па. Уйко написал, што могу приихати к нему, бо работа есть.

В Шамокин я достал роботу коло майны — платня была \$3.35 на тыждень.

Поробил я там 6 місяцев и прошу подвышку, што не могу на житья заробити, бо с того треба было не тилько їсти, но и убранья купити. Жил я переважно хлібом — купил “джели” и тым мастил хліб до работы, бо то было найтуньше. Кавалок мяса то тилько раз на тыждень я собі позволил. В подвышкі мі отказали, то я оставил Шамокин и переїхал до Мариан Гайтс, где был на “бурді” у Василя Олесневича. Роботу я достал, то платили \$4.90 на тыждень. На той роботі я може остался бы дольший час, но случилось, што на наш Великдень в понеділок газда сказал мі: “Не мусишь иди до работы, лем пойдеме до церкви в Маунт Кармел.” Я послушал, а коли во вторник я пришол до работы, то босс просится:

— А ты чого не робил вчера?

— Я мал свято, то был ем в церкви.

— То иди и днесь святкувати, а больше до работы не приходи.

Так я остался без работы. Но газда забрал мене туда, где он робил, такой на другой день, и я роботу достал. Мы мусили вставати о год. 5 рано, бо до работы

было дуже далеко, а транспортации ниякой не было. Треба было идити пішком по такой старой и уж оставленной коляі. Місцями коляй завалилась до старых, выробленных майнох. Нас ходило штырьох до той работы, и мы все ходили разом, бо одному было дуже опасно ходити по той коляі. Там было множество ядовитых гадов, котры выходили на швали и грїлися до солнца. Каждый из нас носил зо собом здорову палку.

Я получил там \$5.50 на тыждень. Але тут пише отец с краю: “Сыну, што с тобой? Полтора року ты в Америкі, а цента ты ище не прислал нам. Ты знаешь, што нам треба. Не марнуй на дармо грошы, а присылай додому. Всі, што поїхали в Америку в тот час, як и ты, то уж повертали за дорогу, а ты ничего не присылашь.”

Я написал отцу правду за свое житья, но он не хотіл повірити, што в богатой Америкі я так бідно живу.

Близко того плейзу, где я жил, была отворена нова майна и бреха, то мы всі штыри получили там работу. А было нам близко ходити, то могли сме цілу годину дольше спати. На такой брехі робило и до 150 хлопцев в віку от 13 до 17 літ. Майнеры организовались до юнии, но митингы собирали тайно по пивницах. И я вступил в тоту майнерску юнию. Майнеры платили до юнии по 50 центов на місяц, а мы по 35ц.

Мы робили тыждень, а не мог-

ли довідатися, сколько нам будут платити за тоту работу. Но поголоска была, што будут платити меньше, як по других брехах. Майнеры дали нам раду выбрати из-помеж себе комитет и послати до компании. Мы так зробили, но и так не могли довідатися.

Одного дня, коли мы ишли до работы, там у входа стоял наш комитет и говорит нам, што не пойдеме до работы, поки нам не скажут нашу платню, бо мы не знаме, за што мы робиме. Бреха затрубіла — час на работу, а мы до работы не идеме. Почали угля домпувати до “крошеров”, угля расходится по “шутах”, а мы стоиме собі на дворі. Так мусили бреху застановити, бо не было кому камінья выбирать.

Приходит босс и просится нас:

— Што вы не чули, же бреха трубіла на 7-у годину?

— Так мы чули, — каже наш комитет, — но мы не чули, яку платню будеме доставати.

Босс не сподівался того. Мы смотриме, а он поблїдніл на лицу, а за хвилю каже, што платня залежит от того, кто в яком углю робит, бо был векший и меньший и ділился на много частей. Наш комитет мал наперед приготовленну таблицу, сколько в яком углю мы хочеме мати заплачено. Мы говориме, што не идеме до работы, если нам не дадут таку платню. Босс страшно россердился на то, лишил нас и пошол до офису. По неяком часі вернулсЯ и сказал нам, штобы

мы верталися на работу, але аж на другой день, бо он думат, што компания прийме нашу таблицу.

На другой день при вході до брехы был “нотис” с повідомлением, што компания приняла нашу таблицу. Так мы вернулись до работы. В том углю, где я робил, платили \$1.10 на день, бо то был найгрубший уголь. А где меньший уголь, то платили меньше.

Из той пейды я уж мог пару центов отложить и выслати отцу первую рату на сплату долгу за мою подорож.

Я робил при твердом углю полны два roky. Коли мі минуло 17 літ, то я переїхал до мягкого угля, недалеко коло Джиннетт — называли тот пляц Манор, и получил работу до майны. Заробок не был великий: от 15 до 20 долларов на два тыждни. Гдекотры майнеры зарабатывали и больше, залежно от того, яке місце кто достал в майні. Платили золотом, в монетах по 5, 10 и 20 долларов, а дробны грошы серебром. Но коли настал президент Тафт, то платили нам т. зв. “сквибс”. Коли мы купували дашто в склепі, або міняли “сквибсы” в банку, то стїгали 10%.

Русских церквей не было близко. Одна была в Лайтробі, а друга в Брадокс. То были греко-католиčky (униатскы) церкви. До той в Брадокс належало перешло 600 фамелий, а сколько самотных, то ани никто не знал. Фамелии держали в тых часах много “бурдеров”. Здаеся, што та-

кой фамелии не было, котра не мала бы от 5 до 10 бурдеров, бо народа приходило дуже с краю, и каждый такий новый эмигрант старался найти місце у свого краяна. Тоты новы эмигранты были майже всі самотны, то хотіли бывати у фамелийных краянов, где жена могла пригото-вити їсти, выпрати лахы и білизну.

Раз выбралося нас трьох до той церкви в Брадокс на велико-дну сповідь. Приїхали мы дуже рано, бо каждый трен не ставал на таком маленьком плейзі. За билет по желізной дорогі плати-лося 56 центов в одну сторону. Мы пришли к церкви, а церковь была ище замкнена, так мы че-кали и пошли первыми до спові-ди, як тилько двери отворили. А потом треба было знова чекати, поки служба начнеся, бо до спо-віди ище было дуже много на-рода. То было в будный день, так мы вышли из церкви похо-дити по місті. Мы ходили без слова, неначе бы нам бесіду ото-брало. Але за хвилию обзыватся мой братняк и говорит:

— Як ся вам тота сповідь лю-бит?

Я отповідам, же сповідь як сповідь, лем тота покута, яку мі священник надал, цілком мі ся не любит.

— Та чому? — просится брат-няк.

— Тому, — кажу я, — што за два roky я не был в сповіди, а тот священник за покуту назна-чил мі дати на 4 службы.

— Ей то ище нич 4, — гово-

рит братняк, — бо мі казал дати на 8.

А наш газда, што был с нами, говорит:

— Я вас обох перевершил, бо мі казал дати на 14 служб, то я не знам, за што тот поп хоче ме-не держати. Ци он думат собі, же я простой дурак? Таж мені треба на то робити в майні пе-решло два тыждни, а он хоче лем от нас забрати — перешло 40 долларов. А вы виділи, сколько там народа было в сповіди? В року лем 365 дней, и тилько од-ну службу може служити денно, то коли он их отправит, если вшиткым даст таку покуту, як и нам?

На том наша покута кончилась такой там на улиці, бо мы не хо-тіли робити с того пана преве-лебного миллионера.

День 15 марта 1908 года я ни-коли не забуду. В той майні, где я робил, была эксплозия газу, и лем чудом можна назвати то, што мы там всі не погинули. Правда, эксплозия случилася тилько в одной части той майны и там кончилась, но то могло росстягнутися и на другы части. На наше счастье там близко бы-ла велика “фена”, котра давала сильный вітер, и то нас спасло от погибели. Но и так попало много двоих майнеров.

Я мал противопогазову лампу, при котрой я робил, но я стоял при вході в мое отділение, бо там в ночи завалилось, то “файер”-босс и майн-босс приїхали туда разом со мною. Они вышли на то-

то обломиско шукати за газом и переходили што раз дальше. На-раз наперед мене стался страш-ный огонь такой силы, што ме-тало в том огню угльом величи-ны конской головы, и земля ко-лысалася. Я скоро скочил назад и кричу: “Экспложин!” Боссове поскакали долов, полігали на землю и головы поприкрывали своими ковтами, штобы их не по-пало, а за ними уганял тот стра-шный огонь газу. Но сильный ві-тер от фены наворачнул тот огонь назад до того завалениска. Боссы скоро повставали и так втікали, што сил им старчило, ближе к той фені.

Я мал товариша по роботі по-ляка, а он был дуже лінивый че-ловік, до работы приходил не-скоро. Як увиділ тот огонь, то так ся настрашил, што стоял, як-бы вкопанный до земли. Я ним потряс и кричу: “Втікай за бос-сами!” Он пришел до себе и як пустился, то перебіг и боссов, хоц то не было далеко.

Коли мы прибігли близко той фаны, то майн-босс говорит до файер-босса, што там осталось около 18 майнеров, и каже йому идти по тых людей. Но файер-босс говорит, што то не його повинность, бо то належит до майн-босса. Наконец оба боссове говорят мені, штобы я поїхал. Я поїхал и всіх выдостал. Но то не было легко с ними поради-ти. Гдєкотры мали отворене світло. Я им казал гасити, а котры не хотіли, то я сам зрывал им с го-ловы, гасил и метал в сторону. В

другом місци я нашол майнеров, што повтікали за двери и так со-бі сиділи разом, бо не знали, што робити. То были всі американцы, не крайовы люде. Два из них ма-ли волосы и тварь цілком опале-ны. А світла ниякого не мали ко-ло себе, бо свои “сейфти” лампы охабили там, где кто робил. От того огня могли видіти двери, а як заперли двери, то остались в полной темноті, и дальше идти не могли. Я им казал, штобы один тримался другого зозаду, бо тилько я один мал маленьке сві-телко — противопогазову лампоч-ку. Так я их провадил, и мы вы-шли из майны, як дикы гуси, один за другим.

Майну заперли, не робили мі-сяц. А потом мы верталися до ро-боты — каждый на свое місце. По мойом тілі неначе мурянки ходили каждый раз, коли я послі того wypadку спускался под зем-лю.

Коли я скончил тот столб угля, то дали мені друге місце до ро-боты. Там было по пояс воды. Я не надіялся, же тоты боссове, котрым я життя захранил, так со-мнов поступят, и не мог того по-розуміти. Аж о кілька літ, коли я робил в юнийских майнах, мой сусід дал учить свого сына за стейтового инспектора на майны, и тот инспектор (Михаил Гарнек, наш руснак, но американский уро-женец), коли почул мою историю, сказал, што тоты боссове могли достатися в тюрьму, бо то их по-винность была тых майнеров до-стати.

— А ты повинен ес был получить нагороду за геройский поступок, — сказал тот инспектор. — Но то уж поздно теперь о том говорить.

Так я порозуміл, што в житью за твое добро часто платят тобі злом. И то есть чиста правда, бо так платила русскому народу и небожка Австрия Франц-Йосифа.

В той майні юнии не было. Як забило майнера, або покалічило, то вытягли його на поверхность земли, и родина або краине мушены были таким майнером заопікуватися, а убитого похоронити. Компания говорила, што она не отвічат за то. Вина была того убитого або покаліченого, же не знал хоронити себе, и ниякого отшкодования в тых часах не было.

В 1910 року я оженился в Пассейку с дівчином Мариом Ладна, из села Щавник, повіт Новый Санч. Роботы в Пассейку ишли слабо, тысячы народа стояло коло фабрик за роботом, то я вернулся в Пеннсилванію, місточно Донора, там достал роботу при желізі и робил яких два roky. Но робили 11 годин на день, а 13 годин на ночь. Тоты долги години страшно уприкрились мені, то я шмарил фабричну роботу, и пошол в юнийскы майны. Там робили уж лем по 8 годин денно. Я достал роботу в Калифорния, Па., и проробил там от 1912 года до 1927.

В 1927 году был великий страйк. Но юния прогнала, бо компания набрала скебов из раз-

ных стейтов и велику силу полиции на охорону страйколомов. А до того ище шерифы и стейтова полиция давали охорону страйколомам. Против такой силы майнерам было трудно устояти на страйку. А тут ище больша часть майнеров мешкала в компанийских домах, то компания выкидывала на улицу фамелии тых майнеров, котры были на страйку, а на их місце вселяла страйколомов. Юния ставила баракы, и много людей жило по тых бараках. Но біда была зас тот, што земля переважно вся на широку околицу належала до компании, то и тых баракон не было дуже где ставити.

Я в тоту літо поіхал отвідити своего уйка при твердом углю, и достал там роботу до майны за помощника при майнері, або як то называли, за “лейбра”, бо там майнер мусіл мати майнерский папер, иначе майнеровати на свою руку йому не дали. Так было давно. Но можна было идти до работы за помощника с таким майнером, котрый мае майнерский папер.

Долго я там не робил, бо жена писала, же компания прислала уж два письма, абы выходить из дому, бо як ніт, то выкинут на улицу. Мы мешкали в компанийском домі, то не было иного выхода, лем глядати нового помешканья.

Коли я вернулся от твердого угля, то уж больше половины майнеров вернулись до работы. Вижу, што ніт чого больше оста-

ваться в Калифорнии, то іду до Воррен, Огайо, бо я там уж давнійше купил кавалок поля и згодил контрактора ставити дом. Я думал, што поки дадут мені третий “нотис” о выселении из компанийского дома в Калифорнии, у мене буде готовый дом в Воррен, Огайо. Но не вышло так.

Одного вечера, як я уж вернулся из Воррен, кто-то запугал на двери. Иду отворити. Там стояли компанийский полицман и босс той майны, где я робил перед страйком. Босс говорит:

— Я вижу, што тобі чудно, же я ту. Но ты видишь сам, што майна робит полным силом. Мы больше до работы не береме никого, бо нам непотребно, но так як ты был добрый работник, то я для тебе роботу маю. (Я робил в той майні “треклеером”, што прокладал дорогу).

Гварю тому боссови: “Ты для мене работы не маешь... Вы маеете работу для страйкбрекеров, а я таким не был и николи не буду.”

— Ты знаешь, — говорит он гнівно, — што юнии больше не буде в той околиці, а може и в цілом стейті Пеннсилваніи?

Я му отвітил, што окрем Пеннсилваніи есть ище 47 стейтов, то може найду честнійшу роботу от страйкбрекерской.

Так они оставили мене, бо порозуміли мои слова. Но и я порозуміл, што в том их домі я не остануся долго.

И в самом ділі 8 января 1928 года я получил третий “нотис”

от компании, штобы до 3 дней оставить дом, бо в противном случае выкинут мене на улицу. Я нанял трока и двоих хлопков, штобы выносили гратья и складам на трока. А тут приходят три компанийскы полицманы мене выкидывать на улицу. Видят, што я уж сам выбирамся, то один звідуеся:

— О ты выходишь сам?

— Йес, — говорю. — Я вас выпередил.

— А куда ты ідешь?

— То не твой бизнес, куда я іду, — отповідам йому. — Я могу “муфуватися” куда хочу, бо я свободный американский ситизен.

На тоты мои слова компанийский слуга скочил злый, вымахуе палком и говорит, што то полиция хоче знати, куда я іду, бо то есть их “бизнес”. Я говорю йому спокойно, што я николи ниякого преступления не пополнил, то полиция за мнов не слідит, бо не мае причины, а вы, джентельмены, не нияка полиция, лем приватны слугы компании и охоронцы страйкбрекеров. Як хочете знати, куда я “муфуюся”, то можете собі іхати за тым троком.

Но я не виділ их за троком. Мы с женом и маленьким 3-рочным сынком іхали за троком. С нами случился в дорогі несподіванный несчастный випадок. В одном місци, коли я скрутил наремно мой модель III Форда, то вышел на берег и перевернулся с машином на бок. Жена и хлопец дуже перестрашились и плакали, но никто из нас не был по-

калічений.

По правді, я не знаю, що було причиною того випадку, чи так вночі дакто нарочно не вибрав шрубку і не розпустив рулеве колесо, або чи сама не вилетіла, але дост того, що спростити колесо назад на дорогу не далось. Ми дали поправити в гаражу, що треба було, і доїхали до Воррен, Огайо.

Наш дом не був ще готовий, то сусід дав нам пивницю, де ми спакували граття, і жили до часу, поки наш дом не був готовий. Роботу я отримав в залізничній фабриці "Тромбл Стил", а потім то перебрала "Ріпоблік Стил" компанія.

Але наш хлопець з того страху отримав недобру хвороту. На таку хвороту ліку до того часу ніт. Ми ходили по докторам довгі роки, але то ніч не помагало. А хворота приймає все острійший характер. Три дні кожного тижня набивало ним.

Одного разу ми натрапили на доброго чоловіка, що приклав погары на жолудок і хырбет, так розганяв кров, і хлопця попустила та хворота настільки, що приходила на нього не три дні на тиждень, а три дні на місяць. Ходили ми до того чоловіка довго, але більше не мог помочі. А то було 140 миль в одну сторону далеко, і ми перестали їздити.

Люде нам раїли розмаїты методы і лікарства: одні — доктори, другі — ріжних знахарей,

а і в забобоны. Я тому дуже не вірив. Але я вірив, що коли є така хворота, то і лік даде, але де той лік і який, то світ ще не нашол до сего часу.

Хворому на таку хвороту буде найліпшим ліком, коли перестанете цілком говорити йому о тій хвороті. І треба давати йому яке-такое заняття, що хворий має до нього охоту, аби он о том не думав, а тільки думав о дачом іншом.

Я оту раду даю из власного переконанья. Наш сын вырастат из того и теперь мало коли хворіє на то. Теперь, коли пишу, то перешло уж три місяцы он хворый не был. Он занимается малярством. Теперь йому уж 32 роки. Значит, есть прогресс.

Нам люде наши говорили одного разу, коли хлопец мал 10 літ, в 1934 году, что в Питтсбургу есть така церковь, а в той церкви суть люде убраны як апостолы, и тоты апостолы лічат тоту хвороту. Наши люде заклиналися, что то правда. Думал я, что не може то быти, жебы Христос пришел с апостолами другий раз на землю, бо только он один лічил тоту хвороту, коли был на землі, а и так його за правду роспяли. А што бы днес фальшивом пропагандом опутанный народ с ним зробил? Напewно не дали бы му на землі прожити 33 місяцы, а не то 33 роки.

Но и так я был дуже цікавий узнать, кто то суть тоты люде, што так ся высоко носят и такую власть и силу имеют, то прошу

тех крайнов, абы ми дали адрес, же даколи поїдеме. Говорят, што адресу не мають, але один из них має в Питтсбургу кума, котрый знає, где тота церковь с апостолами.

Так выбралися мы с женом и сыном до Питтсбурга и нашли того кума. Просимся, чи знают они за тоту церковь. Кажут, што знают, што то недалеко, на горі. И они послали с нами свою дівчину, котрой было около 20 літ.

Приходиме на місце. Смотрю — дом великий из цеглы, довкола обгороджений залізным плотом. Заклопал я на двери, и выходит монах-іезуит и просит нас до середины. Просится нас, што нам треба. Я росповідам, што мы приїхали из Огайо, бо люде нам говорили, што "вы лічите таку хвороту". И назвал ем тоту хвороту по-английски, як докторы называют. А он просится мене:

— What you want me to do? (Што хочете, жебы я робил?).

— Я не знаю, — повідам, — но як вы лічили других, то так лічьте и моего сына.

Но такой думам собі, што он не зна нич за лік, коли просится мене, як лічити.

Он провадит нас в другой конец того будинку. Я ишол остатний за ним. До одной комнаты двери были троха отворены, и выходил оттуда голос. Слухам — говорят чудным языком, як бы латинским. Поглянул я в комнату и увидил там трьох іезуитов, што сидели в темном, неосвещенном

покою. Тот, што нас провадил, скрутил направо до комнаты. Коли мы были в середині, то он говорит хлопцу:

— Клякни и помолся.

Хлопец по-английски молится не знал, то оглянулся на мене. Так я говорю за хлопця, што он може молиться на материнском языке, но по-английски не умеє, и то не есть його вина, бо учителька, котра приходит до дому учить його одну годину в день, не учит английской молитвы.

— А он в католицку школу не ходит? — допытуется іезуит.

— Ніт, — кажу.

— А какой вы народности?

— Мы карпаторусские люде.

Монах скочил назад, як бы го ядовита змія укусила, и повторил пару раз:

— Рошен, Рошен...

— Карпато-Рошен, — поправил я.

Іезуит говорит ми, чи я знаю, што русские не вірят в Бога. Я хотіл дашто сказати, но он прервал и допытуется:

— А какой ты віры?

— Я православный.

И снова іезуит скочил назад и говорит:

— Зле, зло... Як бы ты был хотяи греко-католиком, униатом, то уж бы не было так зло.

И трясется, гнівается, што мене аж напало. Я виділ, што он нам не може помочі, бо он крайний религиозный фанатик, а ученые и мудры люде николи на та-

ке не пускаются. Говорю йому:

— Може и вы достали тоту хвороту?

Но он ани не слухат, лем заламуете руки и повтарят: “Ортодокс, Рошен, Рошен”. А я перерываю його ляменты и говорю:

— Я Рошен и вірую в Бога, бо я його вижу.

Иезуит тупнул ногом и каже:

— То неправда, ты Бога не видишь, бо он невидимый. Як ты можешь його видіти?

А я спокойно говорю свое: “Бог мені дал очы, то я вижу — землю, воду, солнце, звiзды... Воздух не вижу, але я маю ушы, то чую. А розум, штобы розуміти. Так я розумію, што тота природа то есть Бог, бо то не было сділано нияким фабрикантом, як автомобиль або што друге.”

Иезуит зараз смяк и говорит, што он не хоче мати со мною “аргумент”, но обертат в иншу сторону:

— То правда, што ты сказал, але знаешь, што Бог есть на небі, а на землі його заступником есть папа римский, то было бы лучше на світі, коли бы “Рошенс” признали римского папу.

Я отвiчаю, што мы признаеме, же он есть голова римо-католической церкви, но николи не можеме признати, што он бог або божий намістник, бо папа умерат, як и каждый другой человек. Поп хотіл продолжати дискуссию, но нам треба было вертатися додому, то прошуся, сколько я йому должен за визит. Говорит, што

ничого. Я кажу, што за нич ничего не купит в Америкі, а жити треба каждому и за все треба платити, то я хочу заплатити за визит. Коли он ничего не сказал, то я вынял \$2.00 и даю. Он взял один доллар, а другой вертат назад. Тут я йому говорю:

— Коли бы ты сказал мені такую ціну, што я бы тобі не в силі был заплатити, то ты мал бы гріх, но коли я тобі даю, што могу, то гріха за то нiт.

Так взял и тот другой доллар и проситя мене, яки школы я маю, ци ходил я до “калледжу”, або и выше.

— Ходил, — говорю.

— А где? Ту ци в краю?

— В старом краю.

Он повірил, хоц я нигде до калледжу не ходил. И просил мене, коли другой раз буду в Питтсбургу, штобы вступити до их монастыря.

Правду мал русский царь Иван Грозный, коли прогнал от себе римских послов, котры намавляли його принять тоту фальшиву віру римского мертвого бога.

Все тое, што я тут пишу, кромі тых школ, есть правда. В старом краю я перешол только шесту классу сельской школы, но и то забыл, коли приіхал в Америку. Моя высша школа, то есть мое житья. Калледж мені дала газета “Лемко”, а теперь “Карпатска Русь”.

С великим трудом пережил я тоту страшну Гуверову депрессию. Дуже тяжко было пережи-

вати тоты часы. Найстарший сын по вині школьных властей при футбoлі побил ногу и достал рака, был в госпиталю близко одного рока, наконец отняли докторы ногу, но и то не помогло — умер на 21-ом году жизни.

Потом пришел великий страйк в “Рипоблик Стил” в 1937 году. 18 місяцев с половином я был на страйку. Завдяки Президенту Рузвельту компания была мушена нас обратно принять на работу. Мы выиграли страйк, и компания мусіла признати робочу юнию. По неяком часі всі тоты работники, котры мали лужка в фабрикі в час страйку, вступили в юнию и помалы забрали локальный уряд в юнии. Начался “спид-ап”, робити треба было цілом силom. Вызерало так, што боссов компании не потребно больше тримати, бо тоты бывшы “скебы”, а теперь юнийны лидеры, барже гнали с роботом, як сами боссове. А коли не было работы, то тоты юнийны скебы приходили до фабрики и брали других работников працу. Говорили, што они мают старшинство (“сеньорити”) на роботі.

Я знаю такой случай: один румун працювал на фoрнесах, называемых “нормалайзер”, то не мали ордеру, и робили только один день в місяц, так юнийный стюард отобрал тот день работы от румуна, бо каже: “Я старший работник, як он”.

Инший случай был в том отділении, где я робил. Мы робили

на три шихты, то мы робили по 3 и 4 дни на тыждень, а юнийны урядники ходили по офисах, штобы компания забрала с той работы одну шихту, же мы выдаме тоту саму роботу и на дві шихты. Компания на том не тратила ничего, но работники страшили роботу. За час мы выдавали тоту 24-годинову роботу за 16 годин при високом “спид-ап”, но потом не могли, бо при великих скоростях и машины начали ся часто ламати. Компания хотіла назад положить третью шихту (сміну), но тоты скебы сказали компании, што будут робити на дві шихты 24 години, то есть по 12 годин денно. И так робили мы по 12 годин денно довший час.

Я протестовал против того 12-годинного порядку, то сказали, што я не маю права протестовати, бо справа была рішена большинством голосов в юнии. Ище грозили мі: “Ты счастливый, што жиєшь в Америкі, а не в России”. Я говорю им, што я родился не в России, а в Австрии, и я николи не был в России.

— Але ты сам говорил, што ты есть “Рошен”, — сказал мі один из тых юнийных скебов.

Я отвiтил, што быти русским ище не означат преступство закона.

Хотіли конечно достати от мене даяке противне слово для сенатора Маккарти. Я знал по их бесіді, што так, то одного разу говорю, же коли бы я мал такую силу, то я бы всіх тых политике-

ров послал на один невеликий остров и дал им поживы лем на три місяцы життя, то они мусіли бы ся погодити без войны. А як ніт, то най погибают там, и тота незгода в світі с ними, то певно, што больше сварки бы не было, и народ роботный жил бы в згоді по цілому світу.

Они не знали, против кого я то говорю, но перестали мене напастувати. Але “спид-ап” остался надальше. Я достал ревматизм, бо ціле літо електричними фенами охолождали роботников на роботі, штобы удержати “спид-ап”.

Компания заробила миллионы, а робочы тратили и тратят свое здоровье. Но тоты юнийны скебы надальше держат высокий “спид-ап” и побивают рекорд продукции, а с тым и рекорд высоких профитов компании. Я не мог того дальше выдержати, то по 66-ом году жизни и 52 годах работы я подался на пенсию. В остатний день мойой работы в той фабрикі пришол ко мні головный босс и говорит, же он “супрайзд” (зачудуваний), што я иду на пенсию. Говорит:

— Ты ище добрый хлоп.

А я говорю йому, што за то оставил ем роботу, же ище ем добрый хлоп, бо коли останусь недобрым, то и пенсия в тот час

не поможе мні, ани не буде потрібна.

Таки часы настали в той свободной колись краині, што приходится тяжко жити и боротися за тото життя и за правду. Штобы знати боротися за життя и правду, то нам треба читати свою газету “Карпатску Русь”, котра нас учит того. В ниякой другой газеті меже нашим народом той науки вы не найдете для себе. А тота наука есть найтуныша на грошы, бо только \$3.00 на год платиме. Мы можеме быти горды, што мы маме таких редакторов, бо коли мы боремеся за свое тилько життя, то они проводят ту борьбу за всіх нас.

Я от щирого сердца желаю нашим редакторам прожити в добром здоровью десятки и десятки літ и трудитися так дальше для добра своего народа.

Давнійше я часом писал в нашу газету, но теперь на стары літа мои руки не хотят повинуватися мені, трясутся и устают. Но днесь есть уже много дописователей як мужчин, так и женщин, што розумны и красны пишут статьи. А мое тото життя, тут написано, може буде остатне, то я бы хотіл дати знати о собі, што я ище в живых.

Василь Магера.

Были часы добры, але не про каждого

(ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ЕМИГРАНТА ИЗ ПРЯШЕВЩИНЫ)

Коли читаю газету “Карпатску Русь” и Календарь Лемко-Союза, то нахожду много красных дописов от наших лемкох из Чехословакии и Польши. Дописуют, як они там живут днесь. А найбільше пишут, же мают школу, науку, прогресс.

Так часы ся змінили, бо давно люде найбільше ся хвалили с церквами, же яки котры найкрасшы церкви мают, найліпшого попа, найкрасшу фару. Як то люде мали, то уж было вшитко на порядку. Но днесь люде думают инакше. Днесь люде так думают, же не можна все жити при старой системі, при старых порядках, бо світ иде допреду, а не дозаду. Старе, як отжие свой вік, то пропадат, а настават нове. Так и люде должны идти по новому, а не оставатися при старом, што уж умерло.

Давно китайцы были славным народом, мали високу культуру и передову цивилизацию. Европейскы народы приходили до них и переберали много из их культуры. Но европейскы народы все ишли допреду с науком и прогрессом, а китайцы оставалися при старом, трималися старого, и так дошло, што на остатку мало не пропали зо вшитким, бо евро-

пейскы народы запановали над ними.

Так само давно в России при царях трималися старой системы, хоц тота система отжила свой вік. Российскы цари так думали, же тота стара культура их спасе. Но они ся мылили на том, бо другы народы за тот час ишли допреду. Напримір, такы німцы звернули увагу на военну индустрию, наробили каноних, аммуниции, аеропланов, а в России за тот час будовали величезны храмы, монастыри и народ гнали силом до того — молитися. Я то сам виділ, коли я там был в перву світову войну в пліну. А коли русскы войска перестали воювати с німцами в 1917 року, то солдаты приходили домой зо вшитком збройом так, як были на фронті, и нам плінным казали: “Мы больше с германцами не будем воевать, а будем воевать с нашей буржуазией и помещиками”. И говорили так, што коли ишли на войну, то им батюшкы напхали по карманах молитвенны книжки, навішали на груди кресты, а германцы мали добре оружие, то русскы солдаты не могли ничего сділати со своими крестами.

— А вы ребята идите домой на

родину, — говорили тоты солдаты нашим плінним, — а мы помалу освободим и вас.

И так ся стало.

Коли я был в России в пліну, то я виділ, што там люде так само бідно жили в темкоті, як и у нас по одной и другой стороні Карпат. Я перешол там богато міст и сел, но в селі я не виділ майже нигде нияку школу, але церковь и фару про батюшку я виділ всяди, хоц яке мале село было. Народ бідовал там, як и на Лемковині и всяди в Карпатах.

Я николи не забуду, як наши лемки по угорской стороні жили бідно за небожкы старой Австро-Венгрии. С одной стороны угнетали народ державны мадярскы урядники, а с другой стороны духовенство. Я памятам, як пришли шандаре до нашего села и не нашли варту в ночи, не чули трубы, то пописали, кто был на варті, и треба было заплатити 5 корун штрафу. А тота варта цале нич не вартала, бо коли трубил на нижньом концу села, то злодіе крали сміло на вышньом концу. Але мусіли люде слухати. А от огня то была охрана така: треба было наполнити бочку с водом коло хижы и приготовить соломяне помело и клубак желізну. Тота машинерия мала охраняти село от пожара. Як хижа горіла, то мали люде тым гасити. Шандаре ходили и як не нашли коло хижы тоту машинерию, то пописали — и 5 корун штраф. А кто не мог заплатити, то 5 дней аре-

шту.

В нашем селі то не было комина в жадной хижі до верха, только один был на фарі, то про тот один комин ходил коминяр каждому вымітати цівку-кобылку, а про тоту цівку не потребно было коминяра, бо жены сой сами вымітали. Але што коминяр пришол, то треба было заплатити 6 грайцари, а кобылку-цівку только порыл нароком, жебы жены мали што мастити. Жены не мали где конопли або лен сушити, то сушили на пецу, а як нашол коминяр, то порозмітувал посеред хижы, записал — и 5 корун штраф.

Таку школу давали людям мадярскы панове и урядники, и с другой стороны духовники, як их называли. Люде духовнику задармо вшитко робили: зерно дали, посіяли, скосили, привезли, вымолотили, позносили до сыпанца, а он собі так продавал и грошы складал.

Я, коли был малый, то пас поповы статкы. Мы были худобны, так не раз ани не два разы вышло, што мама мі не мали нич дати до танистры, то мі повідали: "Лем иди, сыну, бо ти не мам што дати, може паня тобі дашто дадут". Я пошол, худобу ем поспущал, жену со двора и озерамся, ци паня дашто не несе. Але паня позерала на облак, но не несла ничего. Так я худобу завертал о голоді, а коли я пригнал до двора, то виділ, як гускы, куркы, качкы розвлікали хліб по

дворі. От того я не раз плакал, так мі жаль было. Духовник не то, же мі не дал фалаток хліба, але як вышел на поле, як часом нашол худобину на луці, то бил. Один раз нашол мого быка на свойом болгаю, то он быка не зогнал, але пришол и мене напрал поза уха, а потом мі повіл:

— Иди там собі по быка, фра-сино една!

Я пошол плачучи, быка зогнал, охабил худобу там, а сам плачучи полетіл додому. Приходжу там, повідам мамі о том и грішу попа за то, же мя бил. А моя мама не жебы мене пожаліла, але ище мі доложила веце:

— Та не будешь тихо! Та-ж то духовник! Маш гріх за то... теперь, як підешь на сповідь к ньому?

Таку науку нам давали наши родиче: таку саму, як и они сами мали. Попы страшили вшелякыми страхами, пеклом, чортами, посмертными духами, але сами ся не бояли тых страхов ани жадного гріху, ани тому не вірили.

Коли я был ище малым хлопцом, то я не раз чул, як отец бесідовал, же ничего ся так не боит, як пекла. Но жебы я мал тогды такий розум, як теперь, то бы им повіл:

— Вы, няню, уж давно в том пеклі, а сами того не знате.

Отец повідал мі и за таку приходу, што они поіхали раз с попом до ліса по сягове дерево. Они были худобны, то мусіли vysлуговатися панови. Наклали

сяговину на воз обыдва с попом. Отец виділ, же то уж дост, то повідат:

— Пане, то буде дост.

Але пан не слухал, лем повідат:

— Вы лем кладьте, волю моцны, то потягнут.

— Волю може потягнут, — каже отец, — але воз ся може зламати.

Но пан не слухал, лем клал веце. И што ся стало? Отыхали с том фуром фалаток дороги, там ся воз поламал, а поп каже:

— Та ту тя Бог скарал!

А мому отцови аж волосы на голові стали. Поп ся забрал додому. Мой отец говорил, же им не от того волосы на голові стали, же воз ся поламал, але от того, же то священник, духовна особа, а он Богом грішит. В церкви людям наказуе, же то великий гріх, як кто Богом грішит, а сам то робит.

Тот был попом самотным, бо жена му померла. Он тримал кухаркы и раз с одной зробил сміха, то ей прогнал с фары. Но она пришла плачучи на фару, бо не мала где подітисся, а он до ней так копнул, што породила неживе.

Так каждый може собі представить, якого духа тота духовна особа мала. Не хочеса вірити, же он мал Божого духа. То такы люде повывдумовали вшелякы чуда, страхи, и с такими страхами народ дурили и оглупляли. А тых страхов николи не было, нее и

не може бути, бо страхы суть живы — тоты самы, што с тым або иншым нас страшат. Люде не могут порозуміти, же коли их страшат, то они коло того страха стоят и його слухают. Человіку треба взяти добру газету, добру поучну книжку и читати, то дораз тоты страхы пропадут от нас, бо тилько просвіта, наука може страхы одгнати, а инше нич.

То же дивно, же давнійше люде так жили, бо они не мали жадной школы, жадной науки, а человек без науки то так, як ліхтарня, лампаш без світла. Люде вірили вшитко, што им мудрійший повіл, а мудрійший все глупшого одурит, окламе, бо он ся не боит ани гріху, ани пекла, ани чорта, ани Бога. Он вірит лем в то, што наука найде и докаже.

Памятам так само, як в краю по селах ходил бача-ворожила, бо часом на худобу зашла даяка хворота — так само, як и на людей, то люде кликали бачу, жебы “отробил”. Бача не был глупый. Он пришол скоро з рана до тых людей, што го покликвали. Як пришол, то му зробили добру гостину, донесли литру палюнкы. Бача сой попиват, закусуе, але отрабляти ся не поберат. Тоты люде му кажут, же коли возмеса до работы. Он повідат: “Я в день, коли ся видно, не можу нич робити, аж як ся затьмит. Але я вам повім, яка есть причина тому, што ваша худоба гине. Там под вашим стайняным порогом

есть закопана костка с мертвого человека. То ктоси зробил вам, што ся на вас гніват. Як ся затьмит добри, я піду и тоту костку выберу, бо я знам, где она есть.”

Бача плете, а тоты люде слухают и плачут от страху, притом понукуют, жебы сой вещь выпил. Але як уж ся добри затьмило, то бача повідат:

— Теперь я уж могу идти до работы... Але жебы ся никто из вас не поважил идти за мною, бо бы ся вам могло дашто стати. Я тилько сам мам там быти.

Бача пошол, постоял навонка, а за хвилю приходит назад до хижы, выберат из череса тоту костку и показуе тым людям, же уж достал, и вещь худоба уж не буде гинути. А тот бача нич не робил, ани ничего не нашол, бо он мал при собі вшитко, што людям показовал, и с тым людей дурил. Тот бача мал коло себе опоясанный широкий ремень, т. зв. черес, и в том чересі носил вшиток свой “тульц”.

Тото вшитко перешло из стародавних часов, коли люде не мали ище жадной цивилизации и культуры, то вірили во вшелякы страхы, ворожки, забобоны, чары. В Библии написано много за Мойсея, якы чуда он творил в Египті, але як вышли из Египта, то уж не мог их творити. Коли он с еврейским народом пришол на пустыню, то не было што істи, пити, и народ кричал, грішил Мойсея:

— Нам в Египті было не так

планно, там сме мали што істи и пити, а ты нас выдурил стамади, завюл в пустыни и тут нас хочешь голодом выморити. Давай істи, бо як ніт, то мы тя тут забьем, а и твого брата Арона.

Мойсей виділ, же не жарты, то повідат:

— Лем ся успокойте, я пойду там на тоту гору и буду с Богом бесідовати, то Бог мі повіст, што мам с вами робити.

Дальше люде и тому не хотіли вірити, бо Мойсей собі ходил, кади хотіл, а коли ся вернул, то людей дурил, же с Богом говорил, и Бог му повідал, штобы люде не грішили, то достанут вшитко. Но люде не достали ничего, то вещь Мойсею не вірили. Он пошол на гору скажитися Богу, а люде за тот час зробили собі идола. Мойсей, як ся вернул с горы, то так ся нагнівал, што потрепал таблицы, якы достал от Бога.

Мойсей был мудрец так само, як и тот бача, котрый у нас там в Карпатах дурил людей.

Люде найвеще о таком все звывкли росповідати и писати, што их найбарже мучило. И я так само не забыл и николи не забуду, як мі допекло, коли я в старом краю служил за три роки на фарі у пана превелебного. Його мено было Кошч Антал. Он мене много научил, дал мі добру школу, не тилько сельску и обчанску, але и высшу семинарию я перешол у него.

Зараз первого року, як я начал

у него служити, коли пришло Різдво, або праздник Рождества Христова, то я так робил, як и другы люде: накормил худобу, а гной позгартал по конец худобы на бортницу, як у нас называли. Но прибигне мой пан тай на мене:

— Михал, та чом гной не мечешь зо стайни?

Я повідам, же гнеска велике свято, то люде не мечут гной. А пан ся погнівал на то, тай хопил вилы до рук и мі каже брати так само. То сме носили тот гной. Але он лем да-с два разы вынюс, тай шмарил вилы, и каже до мене:

— Михал, ты не підешь до церкви, покаль тот гной не вымечешь вшиток. Можешь метати, бо то гріху нема жадного гной метати.

Так с ним шмарило до церкви службы отпраляти, а я носил тот гной на Рождество през службу.

То была перва моя школа у того священника.

Дальше, на другой рок мойой службы у него, поп купил два добры кони. Тоты кони не были тилько до коча (брички), але мы с ними робили вшитку газдовску роботу. Он не мусіл со своими коньми робити, бо люде поробили му вшитко от мала до велика, але што он был лакомый на грошы, то плугы продавал, а зо своими коньми робил. И со мною вшитко робил: где я, то и он. Але біда была завсе с тым, же он ся не розуміл нич до такой

роботи, а як я повід, же не так, то он ся барз гнівали и повідал:

— Ей там, што ты знашь, Михал? Озда ты мудрійший, як я?

Но я мусіл слухати, ци то было добри, ци ніт. Як сме вышли орати, то он мі не дал плуг тримати, але сам брал плуг, а я поганял кони. Я кони гнал помалы, а он на мене кричит, же треба “фришнійше”, то я нароком коньми шарпнул, а с паном плуг намігуе — раз до загона, другий раз от загона, тай пописко впал с плугом. Кричит на мене, же то я недбри кони тримам, а я повідам, жебы он пошол кони тримати, а я возму плуг. Он повідат:

Михал, ты завше гундруешь, озда ты знашь ліпше плуг тримати, як я.

А як сме пошли боронити, то пан повідат:

— Михал, знашь што, мы роспряжеме кони, то будеме боронити поединчо — ты с едным, а я с другим, то веце поборониме.

И так сме зробили. Пан дал мі старого коня, а он забрал молодого, котрый был дуже вересильный и пологливый. Так борониме: пан наперед, а я за ним. Але пан свого коня шарпнул, конь скочил и як не зачне втікати с боронами долов верхом, тай по па за собом влече. Пописко впал, розбил нос, забабрал, заглинился, а коня не мог стримати. Конь потрепал бороны и ноги и прибиг аж до дому. Поп ся посберал, встал заліплений от глины и повідат:

— А сорканош, а фрасина едина, а здышка, а тя научу, як лем приду додому!

Але от того часу веце сме не боронили поединчу, лем разом обидвома конями: я поганял кони, а пан завікал бороны. На того коня пришла шалка часом, але на попа ище векша, бо он до вшиткого ся брал, а таку роботу не розуміл. Он розуміл евангелию читати, а не таку роботу.

И гной сме обидвома намітовали, возили. Як сме наметали, то я кони поганял, а поп скопувал на купкы.

Одного разу сме поіхали по сяговину до ліса. Як сме клали, то я повідам, же то буде дост, бо кони не потягнут. А он повідат: “Ей, што ты знашь”. Клал тай клал. Наклали сме велику фуру тай ідеме. Як сме пришли до берега, то кони стали и не підут. Я кони поганял, а поп воз тримал, бо то было на убочи. Тоты кони як стали в берегу, то шкода было их бити, гнівати, бо были бы вшитко поламали. Я повідам панови, же мусиме кус зметати, то кони вытягнут. Але поп на мене зачал кричати, же я ся на них не потримал добри, то за то стали. И повідат:

— Подь ту воз тримати, а я возму кони... Будешь видіти, ци не потягнут!

И так зробил. Схватил, потырмосил с ними и нагнівал их. Кони лем ся поозерали на него и зачали воз цофати дозаду. Поп як виділ, же не порадит уж нич,

то зачал грішити на кони: “А сорканош, фрасина, здышка едина!” И со мною ся вадит, же то про мене вшитко. Я повідам, же то не про мене, бо я наперед панови казал, што не треба стилько класти. А он ище горше до мене скаче. Але я ся го уж не боял, же буде мя бити, бо я уж был ліпший хлоп, як он, я уж мал 19 рокы в тот час, а он был такий, як какроч, но ціла сатана. Нажер он ся мене — так мі не раз допюк, што ем собі думал, же як го схвачу до своих рук, то го поламлю. Але ем ся якоси стримал.

Раз поіхали сме по сіно, а приходил наремный дойдж. Наклали сме до половины воза, а тут як раз загирміло и уж почало кропити. Я кажу, што треба втікати гет, бо нам замокне и тото на возі и тото на луці. Але поп не слухат. Зачал кричати на мене:

— Лем давай скоро, Михал, озда складеме!

И як мі так повід, то я зачал трепати до воза, нароком пописка притрепал, бо не старчил розправляти на возі. Я с сіном бухну до него, а он впаде, але не гварит нич, бо казал фришно давати, то я давал. Лем раз загирміло над нами, и дойдж зачал ся ляти. Поп попозерал до горы по хмарох и зачал грішити: “А сорканош, а фрасина едина, то уж не могло вытримати, покля бы сме забрали сухе сіно!”

А я собі подумал, же в церкви кричит, што то Бог зо вшиткым завідуе и управляет, а ту грішит,

же Бог дойджику дал. То я знал, як он в Бога вірил.

То был мой третий рок службы, але я уж ани не дослужил у него, бо от того часу я уж мунич не вірил, ани-м не хотіл го слухати, ани-м ся го не боял.

Раз уж в осени я пошол со своими камаратами на оріхы, а як сме ишли додому, то сме зашли до корчмы. Там сме ся забавили так, што я запозднил додому придти. Як ем приходил до фары, то поп уж на мене чекал. Я вступил до двора, а он приходит до мене и зачинат дрыляти, же чом я не пришол на час. И поймав мене за груди и дрылят, же он мене не хоче веце. Я повідам: “Дай мі што мі прислухат, то я иду”. Але он не слухат, лем мене пхат. Як я виділ, же то уж не жарты, то я схватил пописку до рук, тай пхам горі цілым двором аж ку стайні. Подер я на нем цілый герок, кошелю, аж так мене пустил и повідат:

— А сорканош, та ты, фрасино, моднійший, як я, то ты у мене веце не будешь служити.

Так я не дослужил свой час. На другой день мене мой пан виплатил, а мой брат молодший за мене дослужил. Я побыл за час дома, а так выіхал до Америки.

Таку нам науку и свободу давно давали панове. То было перед первом світсовем войном по угорской стороні — на Маковиці, в селі Нижня Писана.

Георгий М. Мосиленко,
Гарфильд, Н. Дж.

МАЙНЕРСКА ПІСНЯ

Серед Америки, серед Америки,
Ей шахта выкопана, —
Працюють в ней хлопці, працюють в ней хлопці
С вечера до рана.

Як прийдуть до дому, як прийдуть до дому,
Ей так сой пригваряють —
Ой пойдме мы хлопці, ой пойдме мы хлопці
До старого краю.

Бо у старом краю, бо у старом краю,
Ей так люде думают,
Же у Америці, же у Америці
Дармо грошы дають.

А у Америці, а у Америці
Ей мус тяжко робити,
Понад сімсот сягів, понад сімсот сягів
Ей під земльов ходити.

Під земльов ходити, під земльов ходити,
Ей попід чорны скалы,
Лізти на колінах, лізти на колінах,
Ей як хробачок малый.

Тільки мі милый Бог, тільки мі милый Бог
Ей тільки мі позволит,
Же мі на главичкі, же мі на главичкі
Ей мало світло горит.

А бас при мні стоить, а бас при мні стоить,
Ей так злобно говорит:
“Ладує, унгар, кары, ладує, унгар, кары,
Бо тя нич не болит.”

Не болят мя ручки, не болят мя ручки,
Ей ани ножкы мои,
Лем мя тото болит, лем мя тото болит,
Ей же ты при мні стоишь.

Бо я сын газдівский, бо я сын газдівский
Ей с великого краю,
Я привык робити, я привык робити
Ей без тебе, шовгаю.

На весілю подслухав
Белоглав (Шелтон, Конн.)

ЙОСИФ СТ. ФРИЦКИЙ.

Заручины

КОМЕДИЯ В 2-Х АКТАХ ИЗ СЕЛЬСКОГО ЖИТЬЯ В СТАРОМ КРАЮ,
НА ЛЕМКОВЩИНІ, ПЕРЕД 2-ОМ СВІТОВОМ ВОЙНОМ.

ОСОБЫ:

1. АНДРЕЙ СОБАКЕВИЧ, гмінный шовтис, тлустый, усатый .. літ 55.
2. ВАРВАРА, його жена, тлуста пані літ 50.
3. ГАЛЯ, их дочка літ 20.
4. МАКСИМ, слуга у шовтиса літ 35.
5. НАТАЛКА, жена МАКСИМА, кухарка у шовтиса літ 30.
6. ВАСИЛЬКО, нареченый Гали літ 25.
7. ВОЙТЕК ВЕРТИХВИСТ, зарозумілый панок из міста літ 30.

АКТ I.

Сцена: чиста комната в виді канцелярии сельского писаря. Максим сидит за столиком и перебирает в папірю, як бы глядал важного документа.

СЦЕНА I.

МАКСИМ (сам до себе): Не можу порозуміти тых бріхатых панів шовтисів — у них навет в урядовых актах нема порядку. Уж пів години перебираю, трясую в том папірю, а не можу найти тото свідоцтво, што казал найти пан шовтис Собакевич.

СЦЕНА 2.

(Входит шовтис, убранный по пански).

АНДРЕЙ: Та як долго будеш

перебирати в том папірю, Максиме? Як так будеш бабрати в той писаркі, то прожену тебе на штыри вітры с роботы, а возму собі другого писаря.

Тото свідоцтво обовязково треба найти, бо там было списано всьо за того чорта Маріяна Ставиского, што шмуғлюе табак на чехословацку сторону.

МАКСИМ: Та я хочу найти, пане шовтис, але чорт його знає, где вы його положили.

А што вы мені кажете, же я стал вашим писарьом, то мене аж на сміх зберат... Який же я ваш писарь, коли вы мене тилько што выгнали зо стайни от коров и гною глядати тото свідоцтво.

Вы гмінный шовтис, а посмодьте, який порядок в папірю мате

— змішане вшитко, як сіно с соломом.

АНДРЕЙ: Слухай ты, жебраку, як ты смієшь так говорити до шовтиса! Я пан шовтис, а ты што? — Комірник, жебрак!

МАКСИМ (встає от стола и смиренно говорит): Прошу ласкаво пана шовтиса, я не хотіл вас образити ани панского гонору урвати, але посмотьте сами по том папірю, ци мате тут даякий порядок. Вера Боже, не мате!

АНДРЕЙ (злий): Што ты розумієшься на порядках, коли ты хлоп? То єсть панский порядок, в цілом нашом панстві так єсть, бо мы панове, а не жебраки...

Идий до кухни и скажи пані, най принесе мені каву.

МАКСИМ: Слухаю, пане шовтис, иду и скажу пані. (Выходит).

АНДРЕЙ (сідат коло стола, згартат папіря и кладе до шафки, знова сідат и злостно говорит): Дисциплины на вас треба, хамы! До Картузы с вами, то будете знати, як пану гонор отда-ти...

СЦЕНА 3.

(Входит Варвара и ставит каву на столику перед мужем).

ВАРВАРА: Ты ище дома, Андрею? Я думала, же ты уж поіхал до клубу.

АНДРЕЙ: Випью каву, а так поїду до клубу. Почта ище не пришла, то хочу почекати, може дашто нове приде из староства.

ВАРВАРА: Почта уж пришла. Я тилько што посмотріла на персональны листы — достали сме

запрошинья на весіля от пана Овірки.

АНДРЕЙ (зачудуваный): На правду? Як то так, та тилько в минувшу неділю были заручины и такой уж весіля без оповіди!

ВАРВАРА: Видишь, як пан Овірка понаглятсся скоро свою доньку замуж выдати, а ты так переберашь собі в зятях про нашу Галюсю.

(Андрей допиват каву, встає от столика, бере Варвару за підбородок и говорит облестно).

АНДРЕЙ: Не старайся, моя тлустенька голубочко. Ты сама знаєшь, што я не могу выдати свою Галюсю за того Василька — таж то простый хлоп свинопас. И як бы то выглядало перед другими панамы, же пан шовтис Собакевич достал за зятя свинопаса... Я про свою доньку найду панича, лем ся не старай, голубочко... А тепер дай мі своей тлустенькой бузі. (Цілує так от формы Варвару).

ВАРВАРА: Андрею, я боюся, же ты за дуже переберашь собі в зятях.

АНДРЕЙ: Не старайся, голубочко, шовтис Собакевич достане панича за мужа своей донькі, и люде будут нам завидіти.

ВАРВАРА: Направду? А ты може уж маєшь даякого панича про нашу Галюсю?

АНДРЕЙ: Певно, же маю. (Смієся весело).

ВАРВАРА: А чом же ты мені не сказал? Чом скрываєшь от мене? Я мама, я повинна знати.

АНДРЕЙ: То я тобі тепер скажу — прекрасный кавалір, мудрый, интеллигентный, спокойный и богатый. Не пье, не курит, в карты не грає... Кажу ти, голубко, то ангел, не человек. Мене аж чемір имал, як його уйко познакомил мене с ним. Але то йому и пасує паном быти — по пански ходит, по пански бесідує. Не да-ром цілым банком управляє.

ВАРВАРА (барз зачудуванна): Боже, яки мы счастливы — будеме банкира за зятя мати! А ци он уж знає нашу Галюсю?

АНДРЕЙ: Ніт, он ище ей не виділ, але я його запросил, штобы приіхал сегодня до нас, то он ся приобіцял, што приде, и зробиме заручины.

ВАРВАРА (барз втішна): Голубчику Андрею, як ты дбаєшь за нашу доньку! Банкира зятюм будеме мати!... А як он называєся, тот банкир?

АНДРЕЙ: Войтек Вертихвист... увидишь, он и тобі сподабаєся, а наша Галюся, як його увидит, то умлівати буде из любви.

СЦЕНА 4.

(Входит Наталка, убрана як кухарка, кланяєся панам).

НАТАЛКА: Прошу пані, най будут ласкавы придти до кухни, бо пані Яворска хотят вас видіти.

ВАРВАРА: О то добре, што пані Яворска пришла, я маю што-си цікавого с нею поговорити. (Выходит).

(Наталка пускаєся иди до кухни за панюм. Андрей черкат ченками по столі и так тихо дає

знаки "Пс-пс". Наталка остановилася коло дверей и позерат на шовтиса, котрый сідат на кресло, выставляє руки до Наталки и притерає собі баюсы).

АНДРЕЙ: Та ходи до мене, Наталюся, голубонько... Чого ты сторонишь так от мене? Ты знаєшь, як я люблю тебе, и коли лем посмотрю в твою сторону, коли подумаю о тобі, то аж чемір по брісі имат.

НАТАЛКА (жартобливо): На правду, пане шовтис? А може вам треба потягнути чемір?

АНДРЕЙ: Не жартуй, Наталюся, а ходи ближе до мене и сідай собі ту на мои коліна.

НАТАЛКА: Я боюся, жебы пані дашто не познала.

АНДРЕЙ: Не споминай ты мені мойой пані, а ходи ближе до мене. (Андрей встає, біжит до Наталки, притігає ей силом до себе и примушат сідати йому на коліна).

Наталюся, ты знаєшь, же я с каждым днем тебе більше люблю, а ты така холодна до мене.

НАТАЛКА: Або я вам виновата дашто, пане шовтис?

АНДРЕЙ: Наталюся, не говорь ты мені "пане шовтис", як мы тилько двое разом, а говорь просто "Андрусь"... Наталюся, я люблю тебе, ты мое золотко. (Затирає баюсы с радости).

НАТАЛКА: Вы можете любити мене, як хочете, пане шовтис, але я не забуду николи, же вы тримате мене за кухарку и всі брудны куты мною вытерате...

АНДРЕЙ: То правда, голубочко, же я тобою послугуюся, але я то мушу так робити, жебы моя стара мазниця не познала дашто, же я тебе люблю.

НАТАЛКА: Як вы такой добрый человек, пане Собакевич, то коли купите мені подарунок?

АНДРЕЙ: Не старайся, голубочко, я тобі всьо куплю, што тилько захочешь, абы ты лем хотіла брати... Ну та дай бузі, Наталюсь...

НАТАЛКА: Я не могу так, бо як бы ту пані надышли, то што в тот час буде?

АНДРЕЙ: То почекай ту, голубочко, а я подивлюся на подвіря, што тота моя стара мазниця робит. (Выходит).

НАТАЛКА (сама до себе в сторону, куда вышел Андрей): Абы ты, старый дурню, хотіл давати подарунки, то я буду брати. (До публикы). Я не знаю, як долго тот старый чорт баюсатый так буде в розумі баламутити и мене напастувати. И сегодня я говорила до свого Максима, што я маю робити, як тот дурак так пристае до мене, а Максим посміялся и сказал: "Не старайся тыми дурничками, ты тилько берь подарунки от него, а я буду брати от його старой мазниці, и лучше выйдеме. А часы змінятя, тых панів скоро чорти заберут, бо уж гет подуріли, и в тот час мы будеме жити як свободны люде".

Ей, та жебы скоро пришли то-ты часы, бо при тых дурных панах то уж нияк не даеся жити

роботным людям... (За дверьми чути покашливанья).

О молчи, язычку, бо тот баран уж иде.

(Входит Андрей, руки затерае из радости и подходит до Наталки).

АНДРЕЙ: Теперь, Наталюсь, не бійся, бо моя мазниця на огороді говорит с паньом Яворском... Так ты мені зараз дай бузі. (Хочет цілувати Наталку).

НАТАЛКА: О-о! Почекайте, того не можете так скоро вымагати. На то мусит прийти аж час.

АНДРЕЙ: Но та што-ж я тому виноватый, Наталюсь, же мені ся скорше захотіло, як тобі.

НАТАЛКА: Та треба так помаленьки, а вы такой наремный человек.

АНДРЕЙ: Голубочко моя, аж мороз по ногах иде.

НАТАЛКА: Та почекайте ище, аж ноги ся вам розогріют.

АНДРЕЙ: Наталюсь, бійся Бога, не жартуй, а дай бузі. (Обнимает и цілує).

(В дверях чути стук. Андрей, напуганный отскакуе от Наталки).

СЦЕНА 5.

(Входит Максим).

МАКСИМ: Ваше благородие, пане шовтис — пан Вертихвист пришел и хоче вас видіти.

АНДРЕЙ: Пан Вертихвист приіхал! О то добре, я иду його встрітити. (Выходит).

МАКСИМ (обертатся до Наталы): Ну, як пан Собакевич заховувался тут с тобою?

НАТАЛКА (смієся): Як? Та його ту и чемір хватал, и мороз по ногах ишол, а наостатку горячку достал, аж як ты постукал до двери, то охолоднул.

(Наталка и Максим сміются. За дверьми чути крик. Варвара розвлеклым голосом кричит: "Наталю! Наталю!").

МАКСИМ: Наталю, я думаю, же теперь пані шовтисова достает горячку, то ты иди до кухні. (Наталка выходит).

(Максим драплєся по голові, перешоулся по сцені пару кроков и говорит сам до себе).

МАКСИМ: Але то и комедия с тыми дурными панами, бодай их лихо побилло! Он старый баран подлизуеся до мойой жены, а тота стара мазниця вцепилася мене. И треба ламати собі голову, як с дураками дурака грати, бо выступити против шовтисовой воли не можна — проженут зо службы, и где ся подіти нам обоим? Але може уж скоро приде час, што тых дурных панів чорти заберут. (Співат):

Коник мі окулял,
Кобыла ослебла,
Чым же я поїду
С панами до пекла?

СЦЕНА 6.

(Входит Варвара)

ВАРВАРА: Максимцю, голубчику, яка я втішна, же ты собі співашь! Значит, и ты ся тішишь, што я буду мати зятя-банкира.

МАКСИМ: Пані шовтисова, я не с роскошу співам, а с біды.

ВАРВАРА: Та яка на тебе біда пришла?

МАКСИМ: По брісі мене болит.

ВАРВАРА: Направду? Та от чого то може боліти? Може ты за богато студенины зыл?

МАКСИМ: За богато? Та-ж я ани не покоштувал той вашой студенины.

ВАРВАРА: О, та кто зожер полну миску?

МАКСИМ: Кто? Та пан шовтис! Як ся приставили до миски, то аж уха ся им трясли, як пацяту.

ВАРВАРА: Максиме, правду кажешь, тот мой Андрей, то правдиве паця.

МАКСИМ: Прошу пані, я...

ВАРВАРА (прерыват): Максимцю, не говорь до мене "пані", як мы тилько двое, а так просто Варваро, або деликатно и любовно — Варварусь. Ты знаєшь, як я тебе люблю, я не могу жити без тебе. (Варвара сідат, а Максим ходит).

Максимцю, та иди ту ближе, сідай ту коло мене.

(Максим стискат раменами, кривится в сторону публикы и помалы присідат).

ВАРВАРА: О так, голубчику, присунься ту ближе до мене.

(Варвара обнимає Максима, а он ся оттігат, не цілує ей):

ВАРВАРА (выпускат його из объятий, сплювує): Тьфу, такой молодой человек, а такой зимный, як кавалок леду... То велька слабість, Максиме!

МАКСИМ: Правду говорите, пані шовтисова, же то велика слабість, лем може не я, а вы хоруете на тоту слабість.

ВАРВАРА: Максимцю, не говорь мі ту о слабости, а пости-скай мене, поцілуй мене. Ты знаєшь, же я тебе люблю и я не могла бы без тебе жити. (Мджурит очами, пестится и говорит стиха): Я хочу...

МАКСИМ: Што хочете, пані?

ВАРВАРА: Максимцю, я люблю тебе и хочу, жебы ты поцілувал мене.

МАКСИМ: Та вам добри так казати, але што ваш пан бы говорили, як бы нас увиділи?

ВАРВАРА: Не споминай мі мого Андрея, бо мі аж черева ся двигают, як ты за него вспом-нешь.

МАКСИМ (отвернулся до публики): А мі ся черева двигают уж теперь, як на ню смотрю.

ВАРВАРА: Йой, йой, Максимцю, слабну, подай воды, голуб-чику!

МАКСИМ (бере Варвару за руку, встает на ноги): Пані, пані, што вам таке? Може вам треба доктора?

ВАРВАРА (махат руком): А што мі доктор поможе?

МАКСИМ: Як то так? Доктор даст лікарство... Або може вам треба дати "пенисалин"?

ВАРВАРА: Який пенисалин?

МАКСИМ: Та я сам добре не знам, што то есть, але люде говорили, же Дубівського Улькі док-

тор поміг тым лікарством, што называтся пенисалин.

ВАРВАРА: Максимцю, мі не треба жадных докторів ани лікарства, лем ты постискай мене, не будь такий зимный, як кавалок леду...

Йой, йой, слабну... (Варвара кладе голову на столик, як бы умлівала. Максим пускат руку Варвары и отходит от столика).

МАКСИМ: Чудна то хворота!

ВАРВАРА (двигат голову). Не чудна то хворота, бо то нее жадна хворота.

МАКСИМ: Ей, та што вам бракує, пані? Чом так слабнете?

ВАРВАРА: Та бо ты такий дурный, як бык, не знаєшь, што то значит любовь.

МАКСИМ: О то вы за то так ослабли, а я думал, же вы так само за богато студенины зыли, и вам ся недобри зробило.

ВАРВАРА: За то, за то, Максиме, бо я тебе люблю. Я тобі куплю красныи подарунок, як ты поцілуєшь мене.

МАКСИМ: Та чом бы я вас не поцілувал. За подарунок все поцілую вас, пані. (Максим цілує Варвару, Наталка входит на сцену, но цофатся до кухни и пукат до двери. Варвара отскакує от Максима, поправят волосы и сукню).

ВАРВАРА: Можна!

НАТАЛКА (входит): Прошу, пані, най идут до кухни, бо час охолодити студенину.

ВАРВАРА: Добре, Наталю, я иду. (Выходит).

(Максим подходит до Наталки и бере ей за руки).

МАКСИМ: Што ты так долго робила в кухні?

НАТАЛКА: Я варила студенину. А што ты робил тут с паньом шовтисовом?

МАКСИМ: Я тут холодил студенину.

(Наталка и Максим обнимаются и сміются).

(Куртина падат).

Конец I акта.

АКТ II.

Комната тота сама, што и в первом акті. Можна трохи змінити стол, кресла, абы выглядало трохи инакше.

СЦЕНА 1.

(Наталка пряче по столі, вытирає кресла шматом и т. д. Говорит сама до себе).

НАТАЛКА: Треба трохи почистити тоты порохы, бо придут панове.

МАКСИМ (входит): Чисти, чисти, Наталка, бо пан Собакевич приде ту и приведе Вертихвоста, своего будущего зятя... А ты, Наталка, виділа уж того Вертихвоста?

НАТАЛКА: Но, я його не виділа, тилько пані мені говорила, же то якийси великий и богатый пан, што банком управляє, и же он має ся заручити с Гальком и має быти их зятьом.

МАКСИМ: Видишь, яки дураки тоты наши шовтисе! Галю хотят выдати за него, а Галя уж заручена с Васильком, и она го

так любит, же никто их не може розлучити.

НАТАЛКА: А то не наше діло, Максиме. Най паны ся старают тым, а мы тилько служиме у панов, то нам треба старатися про нас самих.

МАКСИМ: Правду маєшь, Наталю. Най паны дурачатся, а у нас своя любовь. Я люблю свою Наталку.

НАТАЛКА: А я люблю своего Максима... Як хочешь, то ти покажу. (Подходит до Максима и цілуются).

СЦЕНА 2.

(Входит Василько и Галя, провадятся под руки. Максим с Наталком не зауважили их. Василько с Гальом так само стискаются и сміются с тиха).

ВАСИЛЬКО: Добрый вечер, Максиме!

МАКСИМ (отскакує от Наталки замішаний): А бодай тебе чорт копнул, Васильку, як ты мене настрашил! Я думал, же то пан шовтис и с паном Вертихвостом пришли.

ВАСИЛЬКО: Я дуже жалую, же я вам прервал такы солодкы минуты, але ты мене знаєшь, Максиме, то пребачь.

МАКСИМ: То нич, добре, же сте пришли.

НАТАЛКА: Ты знаєшь, Галю, же твои тато вынашли тобі богатога нареченого?

ГАЛЯ: Шкода их старунку... Я маю тут своего нареченого. (При-туются до Василька).

МАКСИМ: О почекай, Галюсь,

ты увидишь, якого пана тобі привели тато.

ВАСИЛЬКО: Вы певно жартуете?

НАТАЛКА: Не жартуємо, ні, бо и тато и мама тішатся, же будут мати богатого зятя-банкира. Зараз ту маюť го привести.

ВАСИЛЬКО (опускает руки): Як так, то для мене тут не буде місця, бо мя выженут. Може лучше ся вынести.

ГАЛЯ: Як ты хочешь втікати, то и я иду с тобом. Я жадных дурисвітов не хочу. Я люблю тебе, Васильку, и с тобом на край світа готова иди... Але лучше буде, як мы обое выйдеме отсюда до огорода. (Бере Василька за руку и выходят).

МАКСИМ: Видишь, Наталко, яка тверда дівчина тота их Галя! И я тобі скажу, што Собакевич буде мати тверду кість перегрызти разом с тым своим Вертихвостом... Але я мушу тебе лишити, бо час коням воду подати. (Выходит).

СЦЕНА 3.

(На други двери входят Собакевич с Вертихвостом. Вертихвост убранный парадно до цилиндра, и паличка в руці).

ВЕРТИХВИСТ (кланяется до Наталки): Доброго здоровья, паннуса Галя.

НАТАЛКА: Доброго здоровья пану.

(Вертихвост уж подходит ціловати ручку, но шовтис го затримую).

АНДРЕЙ: О-о, пане Вертихвист,

вы ся мылите — то не моя Галюся, а моя кухарка.

НАТАЛКА (отходит от стола на край сцены и с тиха до публички): Теперь ем кухарка, а перше была ем коханка, чемір його імал — чорта старого.

АНДРЕЙ (до Наталки): Ты заберайся до кухни. Я хочу только с паном Вертихвостом поговорить.

(Наталка выходит, але останавливается коло дверей).

НАТАЛКА: А теперь, пане Собакевич, мороз по ногам вам не иде. (Выходит и затворяет за собою дверь).

ВЕРТИХВИСТ: Пане Собакевич, а што она говорила про мороз? Теперь морозу нема...

АНДРЕЙ: Пане Вертихвист, пребачьте, она троха дурнувата.

ВЕРТИХВИСТ: Ничого, ничого, пане Собакевич... А где-ж ваша Галюся, с котрой вы хотите мене познакомити?

АНДРЕЙ: Пребачайте, пане Вертихвист, она ту зараз приде... Я думаю, же она ся вам дуже сподобає, бо она дуже гарна собі... А як бы вы знали, пане, яку она дитину має?

ВЕРТИХВИСТ: Што говорите? Дитину має? О та я уж такой не хочу, што дитину має.

АНДРЕЙ: Перепрашаю, пане Вертихвист, то нежива дитина, Боже борони, я только вам хочу сказати, яка она талантлива и мудра — дитину собі из вовны выплела, вот так на забавку.

ВЕРТИХВИСТ: О то што иншого, а я настрашился.

АНДРЕЙ: Но, борони Боже, ничего подобного! Я думаю, што она вас дуже полюбит, бо вы такой интеллигентный и талантливый, а и она талантлива. Нема што говорити — банком не може бодай кто управляти.

ВЕРТИХВИСТ: Дякую, пане Собакевич, за вашу повагу што до мене. А говорите, же ваша Галюся мене полюбит, так я напевно знаю, же полюбит, бо, знаете, пане Собакевич, мене всі дівчата любяť, по просту дуріють за мною.

АНДРЕЙ: Вот то и есть, што я собі думал. Моя Галюся, як вас увидит, то може такой сегодня буде готова заручитися с вами.

ВЕРТИХВИСТ: Дуже добре, пане Собакевич, але вы ей покличте ту, я хочу ей видіти.

АНДРЕЙ: Так, так, вы сідайте собі ту на кресло, пане Вертихвист, а я ей зараз покличу.

(Андрей притігає кресло, котре было накрыте білым прикрывалом, але Наталка, як робила порядки, положила под простирало надутому балону. Вертихвист сідає, а балона тріскат. Вертихвист сильно настрашился).

ВЕРТИХВИСТ: Господи Боже, што вы мене хотите ту убити! Будьте мні здоровы, я не хочу вас знати...

(Вертихвист схватил цилиндр и хоче лишати комнату, Андрей, замішанный, тримат го за руки).

АНДРЕЙ: Пане Вертихвист,

будьте ласкавы послухати, я вам поясню, то тота моя дурнувата кухарка всего того наробила... Я ей выжену до чорта!

ВЕРТИХВИСТ: Як так, то я почекаю, але вы прикличьте вашу доньку.

АНДРЕЙ: Так, так, так, — вы сідайте, а я ей прикличу.

(Вертихвист сідає, але сам кресло провіряє. Андрей кличе Варвару).

СЦЕНА 4.

(Входит Варвара).

ВАРВАРА: Добрый вечер пану.

АНДРЕЙ: То пан Вертихвист, нареченный нашей Галюсі.

ВЕРТИХВИСТ: Ище не нареченный.

АНДРЕЙ: Пане Вертихвист, я певный, же вы будете моим зятем.

ВАРВАРА: Яка я втішна! Зятя-банкира будеме мати, а теперь грошей каждому треба.

ВЕРТИХВИСТ: Я хочу видіти вашу Галюсю.

АНДРЕЙ: Варваро, ноле покличь нашу Галюсю.

ВАРВАРА: Зараз иду и прикличу ей, пане Вертихвист. О який вы красный, паничу, як я тішуся вами. (Обнимає його).

ВЕРТИХВИСТ: Перепрашаю вас, пані, але я зо старыми бабами любви не зачинаю.

АНДРЕЙ: Пане Вертихвист, моя Галя така сама што до любви, як и ей мама — только так оком поджмурити, а уж цілуватися хоче.

ВЕРТИХВИСТ: Пане Собакевич,

я хочу вашу доньку видіти.

ВАРВАРА: Я уж иду, зараз ей прикличу. (Выходит).

АНДРЕЙ: Пане Вертихвист, я певный, же моя Галя буде вас любити.

ВЕРТИХВИСТ: Я так само певный. Знаете сами, же што пан, то пан, и яка дівчина бы пана не полюбила.

АНДРЕЙ: Так, так, пане Вертихвист, я то знаю, бо я сам пан.

СЦЕНА 5.

(Входит Варвара, а за нею Галя).

АНДРЕЙ: Галюсю, золотко мое, я хочу познакомити тебе с паном Вертихвистом.

(Вертихвист встает, подает руку Гали).

ВЕРТИХВИСТ: Доброго здоровья панночки Гали, я дуже рад вас видіти. (Цілуе руку).

ГАЛЯ: Доброго здоровья пану.

АНДРЕЙ: Так, так, Галюсю, я тобі сегодня кажу от своего сердца правду. же я хочу, жебы ты и пан Вертихвист ище сегодня ся заручили, бо я хочу пана Вертихвиста за зятя.

ВАРВАРА: И я, як твоя мама, хочу пана за зятя.

ВЕРТИХВИСТ: Розумієся, бо кто-ж бы пана не хотіл за зятя?

ГАЛЯ: Вы, тату и мамо, як хочете пана за свого зятя, так вы собі можете його взяти, а вы мені нареченого не глядите, бо я собі сама уж нашла нареченого.

(Всі затихли, як бы остолпіли).

АНДРЕЙ (приходит до себе):

Як то так, та кто же есть твой нареченый?

ГАЛЯ: Василько есть мой нареченый и я його люблю, а вы мені жадных вертихвостів не глядите!

АНДРЕЙ (гнівно): Я не хочу свинопаса за зятя!

ВАРВАРА: Я так само не хочу.

ГАЛЯ: Вы не мусите хотіти, але я хочу. Вы такого зятя будете мати, якого я выберу.

ВЕРТИХВИСТ (злостно): А то што, пане Собакевич, має означати! Вы думаете, же вы с мене дурака будете робити? Та-ж вы знаете, же я пан, и я не позволю собі на таке унижение!

АНДРЕЙ: Пане Вертихвист, она буде вас любити.

ВАРВАРА: Так, так, пане, буде, буде.

(Галя злостна выходит и дверьми зо злости лупла. Всі смотрят в сторону за Гальом).

ВЕРТИХВИСТ: Пане Собакевич, я вам того не можу прѣбачити, вы мені одобрили шляхетске достоинство. (Бьет кулаком по столу). Я вас подам до суду за унижение гонору.

АНДРЕЙ: Слушайте, пане Вертихвист, та-ж я вам ваш гонор не одобрил, але моя дочка, то як хочете — ей до суду подайте.

ВЕРТИХВИСТ (махат паличком): Но, я вас подам до суду. Вы знаете, кто я есть?

АНДРЕЙ (злостно): Та кто такий?

ВЕРТИХВИСТ: Та-ж я преця пан!

АНДРЕЙ: А што я?

ВЕРТИХВИСТ: Вы свинья!

(Андрей дреся на ціле горло, літає по сцені, як шаленый).

АНДРЕЙ (до Варвары): Идий-но, закличь Максима, най ту приде и вышмарит того пса.

ВАРВАРА: Иду, иду! (Выходит).

ВЕРТИХВИСТ: Ану, я вам покажу, кто пес. (Откладат цилиндр, заковує рукавы и летит бити Андрея. Андрей кричит: "Ратуйте, ратуйте!" Влітуют Максим, Наталка, Галя, Василько и Варвара. На сцені замішательство. Вертихвист притис Андрея до кула и бьет).

АНДРЕЙ: Ратуй, Максиме, бо хоче убити!

(Максим схватил Вертихвиста, скрутил йому руки назад и вытїгат на середину сцены).

ВЕРТИХВИСТ: Про Бога прошу вас, попусте, бо поламете мі руки...

МАКСИМ: А што ты за еден? Чого ты ту пришол нашого пана шовтиса бити? (Пускает му руки).

ВЕРТИХВИСТ: Мене ту прикликал пан Собакевич, штобы заручитися с його дочком.

(Василько и Галя тримаються за руки и сміються. Варвара плаче).

АНДРЕЙ: Максиме, вышмарьго за двери.

МАКСИМ: Його не треба выкидувати. Он сам выйде.

ВЕРТИХВИСТ: Так, так, я выйду сам тилько не бийте. (Бере

цилиндр в руку, цофатся взадгус и выходит).

МАКСИМ: Але вы, пане Собакевич, нашли собі зятя, што вас хотіл задусити...

АНДРЕЙ: Правду говоришь, Максиме.

МАКСИМ: Вы, пане шовтис, не глядите нареченого про свою дочку, она уж має нареченого. (Показує на Василька).

ВАСИЛЬКО: Так, пане шовтис, я люблю вашу Галю, а она любит мене, и мы поженимся, ци вы любите, або не любите.

(Андрей драплєся по голові, переходится по сцені, а так звертатся до Василька).

АНДРЕЙ: То як так, діти, вы ся любите, то найже буде по вашому. А я більше про себе пана за зятя глядати не буду. Я бы дуже любил, штобы мы сегодня про вас зробили заручины.

ВАРВАРА: Так, так, Андрею, не треба откладати, а сегодня зрбити заручины.

МАКСИМ: Видите, пане шовтис, як то в житю треба завсея учити. И вас тот пан банкир так скоро переробил на иншого человека — бодай йому Бог здоровья дал.

АНДРЕЙ: Бодай його гром тріснул, як он мене схватил, то я думал, же задусит.

ВАРВАРА (махат руком, отходит в сторону и до публикы): Та жебы ты задусил, то я бы мала Максима.

МАКСИМ: Так, пане шовтис, забудьме пана Вертихвоста, бо

он уж ся ту не верне. А мені подабаться, як вы годитеся на заручины той молодой пары. (Показує на Васильку и Галю).

АНДРЕЙ: Не маю ничего против того, як они ся любят на правду, а не по пански. Але як хочете сегодня заручины, то нам треба ся прирыхтувати. (Звертатся до Наталки). Ты, Наталко, будешь помагати мені.

ВАРВАРА: А ты, Максиме, будешь помагати мені.

МАКСИМ: Мы всі будеме помагати и дружно робити: я зо своим женом Наталком, Василько зо своим нареченом Гальом, а вы, пане шовтис, зо своим паньом.

(Андрей и Варвара драплются по голови, показывают, же не суть цілком задоволены).

АНДРЕЙ: То най буде по вашому: где любовь — там заручины.

ВАСИЛЬКО: А я вам дякую дуже красно, пане шовтис, за то, же сте выховали таку гарну дівчину про мене. (Цілує Галю).

МАКСИМ (до Наталки): А што, Наталь, мы не потрафиме так, як и они? (Цілує Наталку).

АНДРЕЙ (до Варвары): Та я так само не патык, то подь кумні, голубко. (Цілує Варвару).

(Потом стают всі до пары и співають пісню "Там на горі крута вежа").

Конец.

ДІД С ВОСТОКА

Иде дід с востока
всіх людей еднати,
А с западу всі собаки
Зачали брехати.
Ой иде он дорогою,
Помалы ступає,
Всі собаки на не брешут,
Он на то не дбає.
Бо он вельке кульбачиско
В руці си тримає,
Як собака близко скаче,
Он ся обганяє.
Ид с села тай на село,
Люде го витают,
Тилько тоты собачиска
На него вьдают.
И зайшов он аж до Карпат,
А и за Карпаты:
"Проснийтеся, мои братья,
Вже пора вставати!"

Солнце зыйшло от востока,
Землю освічає,
Єднайтеся бідны люде,
Бо вже час настає.
Проженьте вы панов ваших
Из родного краю,
Нехай идут за границу
До панского раю."
Повтікали аж за воду
И страшно гавкают,
Же в народных республиках
Люде пропадают.
Вы брехуны, собі брешьте,
Народ нич не дбає, —
Он в народных республиках
Лучшу долю має.
Вже не піде за границу
За хлібом шукати,
Бо в народных республиках
Буде го дост мати.

И. Креницкий,
Гартфорд, Конн.

10-літний Юбилей Народного Дома Лемко-Союза в Кливланді

В протоколі специального собрания членов отділа Лемко-Союза ч. 6 в Кливланді, от 16 ноября 1945 року, коротко записано рішення, котре осуществилось, и на протягу послідних десяти літ потягло за собою важны события в общественном житью меже лемками в Кливланді. Специальне собрание было созвано по ділу: "поправки старого дома або покупки нового дома для отділа".

Тогдашний Предсідатель отділа пояснил членам, сколько буде

стояти поправка старого дома, а сколько хотят за извістну в нашей околиці "галю" Кореня. Присутных на том собранию членов было 31. Они одобрили единоголосно предложение зложити пожичкы и купити новый дом для своей организации.

Хоц рішення было сейчас выполнено, и покупка дома завершена ище в 1945 року, но перенести организационну діяльність в нову будову удалося аж о рок, в 1956 року, и то лем постепенно боковыми дверьми, бо головны

Вид с Линкольн Парку на Лемковский Народный Дом в Кливланді.

части дома, клубове приміщення і велика світлиця були вынаняты на “лиз” на цілий ряд літ. Три слідуєчі роки взяло продати старий дом, легально освободити дом от “лизу”, очистити и обновити го от громадного запустіння попередніми господарями.

Теперь, коли оглянемося на десятирочну діяльність, котру удалося лемкам выполнити лем благодаря тому, што у нас есть свой Народный Дом, мы не можемо молчки проминути той нагоды, штобы хоч в короткости не пояснити свому и чужому народу о том, як жили и як організувалися лемки и до чого дошли в своей організаційной роботі.

ПРОЯВ КУЛЬТУРНОГО ЖИТТЯ

— А то вшитко началось от “Лемковского Весіля”, ліпше повісти, от Лемковских Спросин”, — оповідає Пелягия Волк, коли начинают бесідувати о організації Лемко-Союза.

“Лемковске Весіля”, розумієся, представление, о котром она вспоминает, было составлено лемковскими женами в проводі Марии Телех и устроєне на сцені женским сполком Марии Магдалены, што при русской прав. церкви на Старкведер. Представление было ставлене в світлиці “Кореня”, в теперішньом Домі Лемко-Союза, 26 октября 1926 р., то есть добры три роки перед основанием Лемко-Союза. Жены списали, кто што ма повісти, як актувати, коли и які співанкы співати, где музыка ма грати и кто с кым тан-

цувати. Но руководити тым всім не было кому. Они попросили русского учителя Гнатовского, абы их представил и руководил ними. До днеска они мають дост сміху с того руководителя, бо коли уж “весіля” началось, тот руководитель стратился и ани не розуміл, што на сцені перед ним водиться. Он нигда в своем життю таке не виділ. Но акторы свои роли напамять знали и весіля натурально представили.

А представление жены приготовили добре. В вечірковом домі выпали як раз спросины. Дівчата и жены прядут, а газдыня дому мотат ниткы и при том выгварят мужови:

— Призрийся, яке криве мотавило ес мі зробил!...

— Ей, стара, не будь-ле така... Ты ише не така крива, а я ти, хвала Богу, николи не доганям до того.

А як пришли спросатаре, то як звычай, найперше торговались на віні, але аж на остатку звідалися молодой, ци піде за него.

— Та уж піду, піду, бо ся мі надоіло тоту косу плести...

На віно они давали и записували “на вікы” — полтора свиньи, возок сіна и вшитко поле от воды аж до воды”.

А на спросинах співали такы співанкы:

Ой зле, не добре,
Женитися треба,
Взял бы-м сой богачку,
Богачка гойнує,
Вшитко розгойнує,

Перве “Лемковске Весіля”, поставленне в Кливланді 26 октября 1926 р., в світлиці Кореня, теперішньої світлиці Лемковского Народного Дома.

Ой зле, не добре,
Вшитко розгойнує.

Ой зле, не добре,
Женитися треба,
Взял бы-м сой вдову,
Нема свого дому,
Ой зле, не добре, —
Нема свого дому.
Ой зле, не добре,
Женитися треба,
Взял бы-м сой сироту,
Не має родины,
Не буде гостины,
Ой зле, не добре, —
Не буде гостины.

Уж не зле, уж добре
Женитися буду,

Нашол ем си таку,
Што на мою дяку,
Уж не зле, уж добре, —
Женитися буду.

А як благословили до шлюбу,
то таку співали:

Счастлива-с, Марисю,
В пана Бога была,
Же ты свой віночок
До днес доносила.

До днес доносила,
Ладні-с собі несла
И своей родині
Ганьбы-с не принесла.

Ни ганьбы ни стыду,
Ни жадной прикрости,

Днеска ся отдаєшь
В великой радости.

Музыканты грают
И музыка стоит, —
Вся твоя родина
Тебе благословит.

На весілю співали и много дру-
гих співанок, яких вимагат ве-
сільний обычай, але тоты дві лем
для того тут приведені, што
здаєся, же они ище нигде не были
печатаны. В ролях “Лемковского
Весіля”, того першого в Кливлан-
ді, выступали такы люде:

За молодого Афтан Сардыга, а
за молоду Варвара Крестинич.
Дружбове: Методий Сірак и Ми-
хаил Волк. За дружкы: Анна Си-
доряк и Юлия Сірак. Староста
Василь Федак. Свашкы: Анаста-
сия Хомик и Анна Попик. Родиче
молодого: Павел Телех и Настя
Наговска. Родиче молодой: Фе-
дор Ксенич и Пелягия Волк. Ци-
ганка-ворожка Марта Песко. Мар-
шалка Петро Завода, а музыкан-
ты Стефан Кивко, Иван Прокоп-
чак и Петро Пыртко. Дівчата на
весілю: Анна Кобеляк и Євка
Васько. Всі потребны знярядя
до весіля поробил Федор Ксенич.

В том першом “Лемковском Ве-
сілю” интересный склад и похо-
джыня самых акторов. Большин-
ство походило из сел Воловец,
Святковы и Незнайовой, но бы-
ли меже ними и из других сел,
приміром, В. Крестинич из Вы-
совы, И. Прокопчак из Ростайн,
П. Телех из Лосья, трое из Ко-
тани, а Марта Песко и Петро За-

вода из Юркоовй Волі, на Пря-
шевшині. Тот склад акторов до-
казує, што лемкы в Америкі не
признавали меже собом держав-
ных границ, якими они были по-
ділены в старом краю, и в куль-
турной роботі тяглися докupy,
бо она была обща для них, и то
помимо того, што политичны и
религийны верховоды старались
их всіма способами поділити на
партии и віры. Тото перве в
Кливланді “Лемковсе Весіля”, ус-
строєне женским сполком Марии
Магдалены в 1926 року, было по-
чатком культурного житья, и фо-
тографию того “весіля” поміща-
ме меже рядками сей статьи.

РОЖДЕНИЕ ЛЕМКО-СОЮЗА

С початком 1930 року со всіх
сторон доносилися вісти о рож-
дении культурно-просвітительной
организации Лемко-Союза для
всего нашего народа и на весь
американский континент. Клив-
ландскы лемкы, маючи за собом
уж початковы зразкы культурной
роботы, одны из первых ударили
в струну народной едности и их
интерес к народному ділу был
настолько замічательный, што
главны руководители организа-
ции звернули особливу увагу на
Кливланд. Они рішили, што тут
єсть наилучший грунт для почат-
кового розвою организации, а
при том и для поширения нашей
народной литературы, бо тут бы-
ли найбільшы возможности удер-
жати финансово. Где єсть ин-
терес к народному ділу, там сред-
ства все найдутся.

Лемковский драмкружок в Кливланді: Амроз бесідує казанья в представлении
“Пранья на потоку”.

Лемко-Союз почал тут розви-
ватися и тут установил свою
столицу с главным правлением.
При развитии своей литературы
почал развиваться и наш народ-
ный театр. Такой с под горячего
друку тут начали ставитися лем-
ковскы представления. Кружок
выступал не лем в Кливланді, но
и в близкой околици. Тема на-
ших представлений все была на-
родна и все высокопоучна. Од-
ным из найбільше массовых
представлений был “Вертеп в
Карпатах”, котрый запамятался
нашим людям до днеска.

Так перве представление “Лем-
ковске Весіля” ставилося в нашей
теперішней світлиці, но тогды
она не была наша. Друге велике
представление “Вертеп в Карпа-
тах” ставилося тоже в чужой
“Свисс” (шведской) світлиці, а
для нашей публикы. Той слав-
ной діяльности долго тут не
было, бо в 1935 року Главне

Правление Л. С. перенесло свою
діяльність в Нью Йорк, а клив-
ландчане остались осирочены,
без всякого передового руковод-
ства культурными роботами. Оста-
лися в своем власном, но старом
и тісном клубовом домі, где по-
правки стояли больше, як на
вынаймі. Затих Кливланд на ці-
лый ряд літ, выполняючи тихо
народны потребности.

ДОМ КОРЕНЯ — КРІПОСТЬ САУТ-САЙДУ

Первы лемковскы эмигранты
начали поселятися в Кливланді за
Президента Кливланда в 1880-ых
роках. Поселилися они в той са-
мой околици, где стоит теперь
наш Народный Дом, то єсть на
так званном Савт сайді (подудне-
вой части города). В той самой
околици начиналося наше церков-
не, а потом народне житья. В
Кливланді собралось поверх 20
тысяч нашего народа с Карпат, с

обох сторон границы. В початках, хоц не мали над собом руководства, держалися разом и жили як одна родина, но с часом стали ділитися на религиях и на границах, котры почали меже себе затігати так, як и тамты в старом краю.

Центром Савт-сайду есть Линкольн Парк. В 1910 року на одном углу того парку пряшевскы лемкы будували гр. кат. церковь Св. Духа Меже членами той парашии был и Андрей Корень, котрый в тот самый час на другом углу Линкольн Парку будувал дом с офисами и світлицом для свого бизнесу. Родом он был из села Чорне в Шаришской столици, но тут в Кливланді он был урядником в парашии Св. Духа, и хоц без школы, был городским “политишеном”, грал рука в руку с майорами и комишенерами

Лемковскы гармонисты Теодор Буневич и Александр Співак исполняют лемковскы мелодии в “Концерті талантов” 28 января 1956 р. в Кливланді.

города. Архитектором будовы был тренчанский словак Йосиф Дуваловский. Будова со світлицом и банковыми бюрами в то-ты часы была велика рідкость и означала городской прогресс. Быстро она стала знана цілому городу, яко “Корений Голл”, так як было с мадыарска написано на надверном камени. В світлици отбывалися не лем родинны забавы, як свадьбы и юбилеи, но и регулярны забавы с музыком и танцами. Много раз выступали тут туристичны группы артистов, билися за чемпионство боксеры, пасувалися силачы, показувалися магичны штуки и фильмы. В многих протоколах вписане имя дому, бо тут часто отбывалися массовы собрания и віча, особливо наших славянских народов, где они спорили и лагодили свои религиозны, классовы и народны діла. Многие парашии, братства и клубы были завязаны в том домі и для всіх их он есть важным историчным місцем.

Понеже Саут-сайд стал мішанином численны народностей, тут рожденных и емигрантов, околица вокруг той будовы стала небеспечна. В день могли проходить обрабувати, а вечером, особливо подчас танцев, в світлици и вокруг дома взрывалися кровавы бийкы, так што и тоту світлицу неофициально люде называли “відерком крови”. Близко 20 літ Корень подарил своим домом, но в родині зашли несподіваньны беспорядкы, он поглубился в долг, а в конці был по-

калічений и умер. Будова нашлася в банковых руках. Ей перебрали пару властителей. В світлици устроили кругольню (бовлинг аллей), под именем “Валей Вью” — вид на долину. Но и новы господаре не могли привести діла до порядку. Будова наново нашлася в руках банку. Як раз в тот час отбывалося специальне собрание отділа Л. С. ч. 6, 16-го ноября 1945 року, о котром вспомнено на самом початку, и на котром члены рішили купити тот дом, бо виділи, што он продаєся за половину ціны, котра стояла выбудувати го в 1910 року. Ціна выбудовы была 37 тысяч долларов по вартости доллара тых часов. Городский архитектор минувшого року в приятельской бесіді заявил, што выбудувати такой дом с таким фундаментом жаден контрактор не прийме ниже 250 тысяч: то есть четверть миллиона долларов.

Так тот червене ябко над Линкольн парком, на котре лакомо позерали многие бизнесмены и за котрым жалуют до днеска, попало в руки организации Лемко-Союза, а с тым и на власность всего лемковского народа. С днем покупки того дома началась нова эра для лемков в Кливланді в розвою народной культуры и выполнению цілей устава Лемко-Союза. Діяльність, котра была выполнена послі покупки того Дома, есть велика и воодушевляющая, и для того члены кливландских отділов Л. С. рішили отпразднувати торжественно

В “Концерті талантов” 28 января 1956 р. Давид Воробель и Николай Цисляк исполняют дует “Там в горах Карпатах, там бы то я жил”.

тото важне десятилітие своей власной будовы.

ПЕРВЕ ДЕСЯТИЛІТИЕ В СВОИМ НАРОДНОМ ДОМІ

Первых десять літ в своем Народном Домі были звернены на поправку, выплату долгов и на культурне развитие среди старших и молодых. Діла, котры были довершены, суть дуже великы под каждым взглядом, полезны и радостны. Долгы, котрых каждая организация боится, як огня — были выплачены, и финансово наши отділы поставили себе так высоко, што суть в стані набыти новый народный маеток. Будова с надвору и в середині была поправлена, и авторитет будовы был привернутый на должну высоту. В культурном отноше-

нии отділы покрылися славом. Почавши с 1950 року, переходячи всякы перешкоды, отділы ставили представления нашего народного характера. "Лемковске Весіля" ставилося 7 раз в Кливланді, Лейквуд, Лорейн, Питтсбургу (Пеннсильвания штат), в городском "Поблик Аудиториум" и на открытом парку кливландского "Мюзеем ов Арт". "Лемковскы Вечирки" ставилися три разы, "Щедрий Вечер на Лемковині" два разы, по одному разу "Со-

"Концерт талантов" в Лемковском Народном Домі в Кливланді 28 января 1956 р. Андрей Цисляк декламирует И. Русенка "На Лемковині в родном краю".

бітка" и "Спросины" и другие меньшы штуки из нашего народного життя. Фотографий из тех славных представлений не поміщаем в сегодочном календарі, бо они были поміщаны за послідных 6 літ. Мы обчисляме, што нашы выставки были показаны найменьше 50 тысячам зрителей. В кливландской прессі с каждого року найдете много добрых заміток и фотографий о нашей культурной роботі. Послі "Лемковскы Вечирок" в Поблик Аудиториум найбільша кливландска газета, котра есть ровночасно передовом газетом цілого штата Огайо, из 24 народностей, выступавших в фестивалі, помістила фотографию лем нашей лемковской группы. Каждый серьезный посітитель из других штатов и краин иде в библиотеки и прессу за информацией. Кто зайде в кливландскы библиотеки або прессу, там получит "Справочник Кливландских Национальностей" (ціна 1.25), напечатанный другом газетом, "Кливланд Пресс", в котром посітитель поучится и о лемках. Днеска молодежь нашего лемковского драм-кружка часто запрашатся культурными организациями для публичных выступлений с лемковском музыком, танцами и обязательно в лемковских костюмах. Для нас то есть велика радость, што мы, вічно топтаны и насмішками убиваны в минувшині, тут в чужой для нас языком краині могли поднятися так высоко и представить свое лице перед світом.

И в минувшем 1956 року мы зашли дальше вперед. У нас был "Концерт Лемковскы Талантов" 28 января в своей світлиці. Там были півчы, музыкальны и танечны номера, с двома короткими представлениями "Конскрипция" и "Пранья на Поток", в котром были показаны характеры народного життя на Лемковині. Другым выступлением был Междунациональный Фестиваль в радио и телевизионном Доблю-Ейч-Кей Аудиториум, где лем половина избранных групп выступала. Там нашы молоды лемкы показали створенный нима танец, под старинну лемковску мелодию "Закувтила Ружа Трояка". Недавно, бо лем 23 июня, было поставлено "Лемковске Русаля", на котром был присутный Головный Председатель Л. С. Стефан Геренчак из Джерзи Сити, Н. Дж. Русаля отбылося в нашей світлиці, а было составлено по традициям наших предков с многими співами, жартами, музыком и танцами, в том и новоизученным "Крученным" танцом под мелодию "На потоці качкы плынут", котрый публикі больше полюбилися от всіх попередных. Радостным есть то, што коли в початках наших выступлений мы опералися лем на наших старших эмигрантов, то сего року выступат сама лемковска в Америкі рожденна молодежь, котра што раз то больше начинат интересуватися своим организациом и своим народом.

Слідує отмітити и то, што коли всі други нашы народны ин-

Лемковский драмкружок в Кливланді: София Цисляк и Андрей Бондра участвовали в демонстрации народного танца "Червена Ружа" на междунациональном фестивалі 12 февраля 1956 р. (Фотография была поміщена в "Кливланд Пресс" от 2 февраля 1956 р.).

ституции в Америкі были створены великими жертвами передовых людей, то наша народна Будова была куплена лем на счет пожичок членов, котры были уж выплачены с процентами из доходов в Народном Домі. Правда, што признательность належится всім членам, што жертвовали много своим трудом при поправкі, при предприятиях и при ведении культурной роботы, но больших грошевых жертв на нашем Народном Домі ніт. Слава урядникам, котры по своим способностям и по своим знаниям пробовали як наилучше могли. Честь всім членам всіх трьох отділов,

котры в минувшом помагали и помагают дальше, бо без их участия наша будова была бы пуста, а организация стояла бы на мертвой точкѣ.

На полрочном членском собрании, в присутствии Гол. Місто-предсѣдателя Ярослава Кобана, члены рѣшили отмѣтити перву десятирочницю нашей будовы — торжественно. Буде то поздно в осени, близко американского праздника “Дня Благодарности”. Торжество хочеме устроити велике, бо хочеме порадоватися тыми великими успѣхами, тым больше, што они не приходили нам легко. Много раз мы встрѣчали на своей дорогѣ серьезны перешкоды, не лем со стороны чужых людей, но и своих членов, а часто и урядников, котры по своему нерозумѣнію бурили того, што други будували. О том мы хочеме забыть, бо каждого робота в своем часѣ причинилася до укрѣпления того, о чом выше сказано. И каждый достане свою при-

знательность, на што заслужил, але на то прийдѣ свой час, бо книга нашей народной дѣятельности ище не замкнена. То лем початок ей.

Мы будеме жити надѣйом, што на будущем юбилейном 20-ом головном съѣзді Лемко-Союза, где бы он не отбывался, в нашем Центрі в Юнкерс, ци в Лемковском Парку, наша кливландска молодежь лемковского року возьме участь в программѣ общого концерту с кружками других отдѣлов Л. С. в С. Штатах и Канады. Тым не лем сдѣламе наш юбилейный съѣзд Л. С. больше величавым и торжественным, но и наша молодежь из рѣжных концов Америки буде мати добрый случай познакомитися со своими культурными достижениями и тым больше заинтересуеся дѣлами нашей народной организации и родным краєм своих родителей — Лемковином.

Николай Цисляк.

Коли человек говорит сам о себе, то все тратит:

Як скаже зле на себе, то люде все йому повірят;

но як похвалит себе, то люде не повірят.

В світі ніт ничего великого, лем человек. А в человекѣ ніт ничего великого, лем разум.

Малюваны квітки не мают за-

паху.

Коли гамба закрыта, то муха не влетит.

Дурак любит, як го хвалите.

Красивый цвѣток николи не ус-
тойтсѣ долго коло дороги.

Кто скоро смѣся с другого, то
сам поздно мудрым стане.

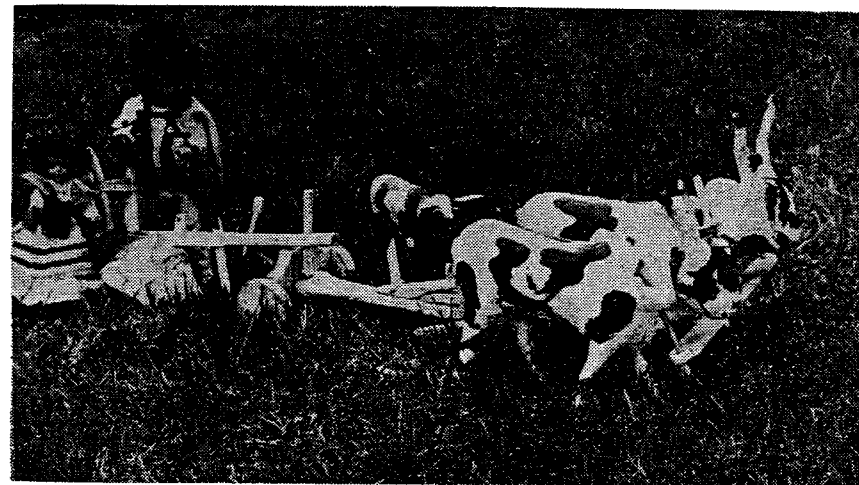
ПАМЯТЬ О РОДНОМ КРАЮ

Два roky тому назад, 83-рочный тогда Семан Волчак, родом из Устья Русского, на Лемковинѣ, а тут в Америкѣ из Пеквилл, коло Олифанту, в Пеннсилъвании, прислал мнѣ писемный вопрос, котрый мене надиво заинтересовал: — Ци хочу для выставки в Лемко-Клубѣ в Кливландѣ воли в плузі с плугатором и погоничом, котры он своими руками выробил так, як собі запам'ятав с давних часов в старом краю?

Я зараз отвѣтил, што охотно прийму його роботу и выполню його желание. Но ани отвѣта ани “волов” я не получил, хоц дошли бы до Кливланду и в таком случаю, як бы их пасучи пустил от Олифанту. Аж в мѣсяцу апрѣлю 1956 року загадку розвязала наша газета. Из посмертной вѣсти я узнал, што старик Волчак послѣ

продолжительной болѣзни умер в шпытали. Понеже он был вдовец, а дѣтей у него не было, то насунулся мнѣ зараз смутный вопрос: “Што сталося с тыми сейками и плугом, котры он на старости лѣт, коли уж ани очы ани руки не служили. любовно смай-
стровал, штобы люде смотрѣли и припоминали собі стародавние житѣя в нашем родном краю?”

Я начал переписуватися со знакомыми в Олифантѣ и послѣ многих старань узнал, што робота покойного Семана Волчака осталася в колѣшнѣ краяна Чернухы. Потом в лѣтѣ знакомы визиторы из Кливланду привезли тоту памятку на назначенне мѣсце — до нашего народного дому Лемко-Союза в Кливландѣ. Но плугатора и погонича бракуе. А здаеся, што то была бы найважнѣйша и

“Воли в плузі” — гипсова лѣпка и деревяна стружка плуга работы Семана Волчака в Олифант, Па. (На 86-ом року його житѣя).

наибольше вартостна часть роботы нашего края. Семан Волчак захворі, и уж не успіл их докончити.

На нашей фотографии мы видим роботу покойного Семана Волчака — волю и плуг, но тот хлопец при плузі, то “Марко” из группы ляльок, зробленных в Кливланді, а мале дівча “Орися”, котру называют Ставишанком, прислала Афия Желяска из Нью Йорка. Так “сейкы” и плуг суть ныні на выставкѣ в поміщеніи нашего клуба. На них дивуются и ведут бесіды над ними члены и гости, котры посіщают клуб. Многым они припоминают тяжкий труд наших отцов и дідов в старом краю, а другы споминают, як то мило было выйти на весну с плугом в поле и при співі птиц, в спокою и с надійом ходити за плугом. Хоц бідне, але што за свободне життя то было! Не трубили на вас, не подганяли, як тут в задымленных фабриках Америки.

Мы устави́ли их в буйных травах коло нашего Народного Дома и взяли снимку, штобы и читатели нашего Календаря попризералися на роботу пок. Семана Волчака.

Семан Волчак, хоц николи не занимался різьбярском роботом, бо был майнером-углекопом, но на стары свои роки в эмиграции отчул так живо тугу за родным краєм, што взялся до выробу річей, якы припоминают старокрайове життя. Робота його не есть чисто выкончена, лем така,

якбы вытесана, но на чудо дае дуже реальный образ. Говорят, што в його домі была коллекция цілой лемковской господаркы в уменьшенью. Он дост добре різьбил по дереву и розносил то по сусідах на подаркы, и там оно пропало. Он николи не вышел на ширший світ со своим талантом, який, видно, у него таился.

История життя Семана Волчака не весела, но богата приключениями. Мати умерла, коли йому было два роки. На 6-ом року, коли пас гуси, цигане, с котрыми дружил, зопсули його на ціле життя. На 13-ом року отец выгнал го из дому, а громада з села. Был слугом в Ждыні и в Святкові. На 16-ом року життя выбрался на Венгры, а на 26-ом выіхал в Америку. Тут на початках робил по 13 годин денно за плату в 1 доллар. Коли подро́бился, начал купувати стары колыбы коло майн, поправлял их и отпродавал. Позже вернулся до старого краю — на Венгры и стал агентом для высылкы людей в Америку. Но нашолся в небеспекі, и приіхал обратно в Америку — до Олифанту, где занимался всякого рода посредничеством. В часі великой депрессии он стратил 10 тысяч в Босаковом банку. Но до майн не вернулся, лем до глубокой старости занимался всякого рода бизнесами и спекуляциями.

При всьом том он интересовался и общественными ділами. Помагал будувати русскы церкви и школы в Джессуп и Олифанті, и

много там труда положил. Помог организовать и отділ Л. С. в Олифанті, котрый до рока вырос до 100 членов, но скоро потом зашли непорозуміния, и отділ пропал. Был постоянным читателем газеты “Лемко”, потом “К. Руси”, а также членом Карпаторусского Центра в Юнкерс.

Так Семан Волчак, хоц был битый и гнанный из родного села за недобры учинкы, любил свой край и народ щирым сердцем, бо инакше не оставил бы по собі той памятки о родном краю, над котром напевно затратил много терпеливости и часу.

Николай Цисляк.

СЕЛО ЛОСЬЕ НА ЛЕМКОВЩИНѢ

Село Лосье, Горлицкого повіту, лежит на подножью Карпатских гор, уж по сусідству с польскими селами. Отколи я запамятал його, оно мені все дуже подобалось: не длятого лем, што оно мое родне село, но и длятого, што в нем находилось ядро больше прогрессивного и культурного життя нашего лемковского народа.

Не дуже оно было велике, бо лем 140 домов было в нем. Але зато мы мали в Лосью прекрасную двоповерхову школу, и три учителя были напостоянно в той школѣ. Дівчата и хлопці могли подготовитися в той школѣ прямо до поступления в гимназию, яка была в Горлицах. Там мы мали и Русску Бурсу, в котрой могли жити наши ученикы з сел и посіщати гимназию. Я памятаю кілька учеников, котры у нас в Лосью подготовились и были приняты в гимназию.

Была также в нашем селѣ гарна церковь. Памятаю ще священника Йоанна Дуркота, котрый в перву світову войну сиділ с моим

отцом на постерунку жандармерии в Ропі, як заложникы цілого села.

Была читальня им. М. Качковского. Там молодежь собиралась для культурной работы: читали книжки, учились представления давати, співати хором и т. д. Памятаю добре, як о. Петро Карел был ище студентом, то за його проводом был показованный фильм в нашей читальні. А то было перед первым світовым войном. То врзалося мі дуже глубоко в память, бо я таке чудо первый раз в житью виділ. Як на екранѣ показался малый хлоп с усами, а дуже грубый, то я перестрашился и давай ногам знати.

Мали мы в Лосью 2 пекарни, 6 торговых лавок, або як мы их называли “склепы”, с розмаитыми товарами, и великий кооператив. Первым управителем в кооперативѣ был Мойсей Дудка. Были и двѣ корчмы.

Но треба правду повісти, што лосьяне не были дуже pracowиты в полевой господарской работѣ,

хоц мали и свои господаства, як и по иншых селах. Были и такы, што косу не знал поклепати, або за плугом піти, або зерно посіяти. Але зато он был господарь добрый и богатый. Вы спросите: та який с него мог быти газда, як не знал косу поклепати? Но йому не треба было косу клепати и косити своими руками, бо он мал инший способ до доброго и легкого життя.

С давен давна лосяне занималися торговльом с мазьом, оливом, дегтьом, а притом была и меньша торговля ложками, кошиками, корытками, лопатами, пищавками, солянками, попелничками и т. д. Было много, много больше таких дробных товаров, яки они розвозили и продавали. А їздили далеко — до Румынии, по Венгрии, по Чехах, Шлезку, Восточной Галичині, Буковині, цілою Польші и по старой России аж и по Финляндии. Одны из них поїхали на 2, 3 и 4 тыждни, тай газад додому. Привюз грошы, дал жені, а сам назад в світ вести торговлю. Жена оставалась дома и оплачала робочых, котры на полю робили, бо до Лосья народ на роботу с цілою Лемковщины ся сходил, як до фабрики. В Лосью заробил добре, а ище лосянскы жены работников добре годували.

Другы лосяне їздили дальше, то додому приїзжали лем раз на рік. Выїхали из дому перед весной, то верталися на Рождество и цілу зиму уж дома сиділи. Поїхал собі до Горлиц и накупил

што лем душа забагла.

Такий лосян лем дбал о добры кони, а решта то он мал грошы и мог купити, што хотіл. Но добры кони были на первом місци. Он не дбал, сколько заплатит за них, лем жебы были найліпшы и найкрасшы. Я памятам добри яких 30 пар коней таких, што их мало где можна было узрити. Но в моих часах Григорий Дудра мал найкрасшы. То были чудесны кони, оба каштаны, оба мали по коліна ногы білы и лисину на чолі білу. От Лосья до Горлиц есть 15 километров, то тоты кони проїхали за 45 минут. Як тоту пару коней знаный богач пан Длугош увиділ, то постановил собі, што мусит их за всяку ціну достати. И брался до них — запросил до себе Григория Дудру, взял го на свою конюшню и каже йому:

— Выберай собі пару из моих коней, што видишь, и в додаток тобі дам 2,800 корон.

А Гриц и на то не пристал.

Но, на превеликий жаль, пришла война в 1914 року, так наш Дудра мусіл дати задармо одного коня на "форшпан" для войска. Тогда и мене взяли на тоту роботу. А за другим пришло русске войско до нас, то козаки його забрали.

По войні уж и наше село упало. Не один лосян собі горько заплакал, як и наш Гриц Дудра.

Мали мы в Лосью двоих кравцев, што шили убранье, яке кто захотіл, сукняне або цайкове. Они принимали и учеников до

себе. Одного учня памятам до ныні. То был Максим Карпак из Климківки. Другий был Пейко из Устья Русского. Было их больше, ало по многих роках я уж забыл.

Мали сме в Лосью гандлярей с коньми, то были один еврей Мосько, а другой Петро Карел. Он їздил на купно коней до Кросна, Ряшева, до Старого Санча и по других повітах. Он уж подбєрал кони до лосянской подобы. В тот самый час он был много, много літ громадским вїйтом, але он на каждом місци провадил всьо мило и розумно про себе и цілу громаду.

Мали мы в Лосью и трьох шевців — два евреи, а один наш, Юрко Шквирк. Он был добрый шевц и учньов тримал. Што я памятам, то у него выучилися на добрых шевців Василь Климковский, из Климківки, и другой такой з Лосья — Петро Карел, сын Василя.

Были в Лосью и дві мясарни — одна еврейска, а друга уж наша, котру тримал Иван Шквирк. Он по селі ходил и поросята бил людям, кто собі выховал для своей потребности. Притом он и дома тримал всьо из будженины — колбасы, шинки и т. д. Был и другой різник — звался Иван Спутьник. Он был різником по своей профессии, але притом он был много літ в нашей церкви за дьяка, при помочи Ивана Гижы и Миханла Ющака.

Дробном торговльом занималися т. зв. у нас "кошикаре". Они їздили по Польші и по Угорщині

ні (теперь Словакия и Карпатска Русь). Я сам был таким кошикарем. Мы продавали кошикы и всякий деревянный товар. Кошикы мы купували в селі Лацкова на Спишу. Мы платили по 20 грайцари гуртом який был — великий ци малый, а продавали по ціні от 30 грайцари до 3 корон.

Яворовы лыжки мы купували в селі Новица, Горлицкого повіту, и платили 18 грайцари за один тузин, а продавали по 4-5 грайцари за одну штуку.

Мали мы также пищавкы (сопількы), вырабляны на Пряшевщині в селі Зборова: платили мы за 6-діркову пищавку 1½ грайцара, а продавали по 9-10 грайцари. Другий сорт — такы великы фуяры мы купували по ціні 3 грайцары за штуку, а продавали по 20-25 грайцари.

В Пряшеві купували сме корыта хлібны по 40-75 грайцари, а продавали по 2-5 корон.

Дітскы забавкы мы получали головно в Галичині, в місточку Кольбушові. За деревянного коника разом с брйчком мы платили по 4 грайцары, а продавали по 12-18. Там также вырабляли точены слойкы пастухам на сыр и масло, веретена, прядна, кудели, терна на попер и др.

Мы то всьо возили на возах и їздили по Угорщині.

На Спишу, в селі Ружбахы, вырабляли опалкы, малы и великы, коней кормити. В Левочи, на Спишу, купували сме березовы мїтлы.

И так тото всьо мы возили и

іздили с ярмаку на ярмак або торг. Ту и кони мусіли быти добры, жебы вытримали іздити от міста до міста с таким ладунком на возі. В день коням спочинок, а на вечер ізда половину дороги и потом з рана другу половину, штобы быти завчасу на ярмаку и достати добрый пляц, бо як попал на підлый пляц, то и торг был підлый. А расходы такы самы, ци много продал товару, ци мало.

Лем одно было добре: дороги на Угорщині и за старой Анстрии были добры от міста до міста. Як сме перещли галицко-угорску границу, то и дорога зараз ліпша. Там звали Орябинску гору — была долга и прикра, але добра дорога до самой Любовни, и дальше, до Кежмарку, до Попраду-міста, через Суботу до Новой Веси. Там было много болгаров, котры вырощували зеленину, и то само в Левочи.

В Новой Веси через ціле місто был широкий бульвар и великы школы, где учились вшелякых профессий. Коло цементовой дороги были лавкы до отпочинку. Ярмакы были раз в місяц, а торгы каждый четверг. Дальше — Левоча: місто на горі. Скади бы ни іхал, то все в гору. Ярмакы были раз в місяц, а торгы каждую пятницу.

Русского народа там было много. В Подградью так само много русского народа. Но місто уж на долині стояло собі, як звычайне старе місто, ничого замічательно-го в нем не было, хибаль одна

капитула, где училися на католицких попов.

Мы іздили всяды — на запад и восток. В Кромпах было уж живійше, бо там мали копальню руды желізной, то народ робил, и торговля была добра. В Михаловцах так само можна было легко продати.

В Пряшеві ярмак был каждый понеділок. Місто дуже гарне, велике, дорога цементова, бульвар высаженный деревцями, и лавочки под каждым до отпочинку. Русского народа много, навет русска церковь коло головно-го бульвара.

Дальше до Кошиц. Місто велике, округле. Церковь русска гарда. Місто гуляще. Мы іхали до Рижнавы, но мы там лем переіздили через него, бо там в селі Бетлей жили один наш переселенец, лемко из Климківкы Афтан Гудак, и он занимался том самом продажом, што и мы з Лосья, то мы не хотіли йому збыткы робити, же он там обыватель, то най собі тримат свою ціну.

То всьо было до первой світовой войны. Можу сказати, што в тых часах лосьянам поводилося дуже добри, хоц их прозывали “мазярами”. На то я можу отповісти, што профессия их была дуже добра и доходна. То не было підле занятие быти мазяром. Такий лосьян не робил собі нич с того, же над ним другы подсмівувалися и называли погордливо “мазяром”. Он думал собі: “И я можу над тобом посміятися, бо с тебе мам заробок. А ты посмі-

ся, лем купуй дальше.”

Такий маляр мал на возі мазь, смаровидло, розмаитый олій до машин и на скору. То вшитко ишло из одной бочки одного сорта, але який кто хотіл, то у лосьяна было вшитко. Хотіл дегтю, то и деготь ся зробил. А доход был добрый. Я наведу тут примір. Купил лосьян в фабриці в Горлицях 4 бочки мази, отїхал 2 мили и уж зачинал продавати. Он платил за бочку 3 короны. В бочкі было 200 літор. Продавал по 10 грайцари літру, то продал 15 літор мази и уж свои грошы за бочку выручил, а 185 літор оставалось чистого доходу. За один день он заробил 37 корон. Так кто и на какой профессии мог того заробити?

Дальше треба сказати, што такий маляр мал не лем мазь, но и олій машиновый и всякы смаровидла, на котрых так само чистый заробок был дуже высокий. На возі он мал больше бочок, то лем пошел до иншой бочки, и уж давал, што вы хотіли. Хотіл человек дегтю, то достал и дегтю, а то была проста ропа зо земли. То был дуже дорогой товар, и продавался на кватеркы, як медицина. 10-гарнцова бочечка коштувала одну корону, а продавалось то по 20 грайцари за кватерку, так хоц лем 18-20 кватерок продал денно, уж мал красный заробок.

Порахуйме с каждого товару всьо разом, то мазярови пришло чистого доходу штодня от 80 до 100 корон и выше. И як он мог

противитися тому, што його ма-зяром зовут и сміются над ним? За то село Лосье было найбогатшым селом на Лемковщині. Мали гарну мурувану на два поверхы школу, гарну церковь, гарди ся уберали, дітей до высшых школ посылали. И дома мали гарды. Через село проплывала річка Лосьянка, через котру было построено 13 бетоновых мостов своими власными силами, без посторонней финансовой поддержки. Было и 5 телефонов в селі. И робочых было много в Лосью с цілой Лемковщины. Каждый мог в Лосью заробити, бо лосьянскы газдове не занимались полевом господарком, лем торговльом.

Так в Лосью было веселе и счастливое житье. Але пришла потом несчастна панска Польша Пилсудского, тай всьо пропало, як роса на солнці. Або лучше тоту панску Польшу можна поровнати с гусеницями в зеленой капусті. Хоц бы яка здорова была капуста, а гусениці ей сїли. Так и тоты польскы панове при-сіли народну господарку як гусениці, и всьо знищили.

Найперше начали будувати свою армию. С початку хотіли мати “патриотичну” армию из охотников, як и в старой Польші мали шляхетску армию. Містецкы анткы с охотом ишли в армию, бо думали, што все так буде, што все будут платити охотникам. Але як збудували армию, то панове перестали платити охотникам, лем сказали: мате служити

задармо Панству Польскому и заохочувати других служити за дармо. Но охотников было мало, то давай по селах силом брати. С тым было уж трудно, а найтруднійше было нашого лемка до той панской польской армии загнати.

Я тут розкажу историю одного нашого лемка из Климківки — Стефана Гудака. Його покликали до ассентерунку, а он не показался. На другой день уж польскы анткы пришли за ним в село. Он зараз дознався от малых дітей, бо то дівора не любила тых антків. Мой Стефан дал знати ногам, уж есть в лісі, и так мучился в тых лісах: в день выходил на поле робити, а на ночь до ліса спати. И так продолжалось пару тыждни.

В одну неділю по обіді взял он коня на поле. На концу села был их сінокос коло потока, котрый называли Кельчиків поток. Стефан был недоспаний, змученый, так припаял коня, а сам люг, тай заснул. Не сподівался того, што польскы солдаты и там будут слідити за ним. Он спит, а жандарм уж на ньом сидит. Не будит го, лем го так привалил. Мой Стефан ся збудил и видит, што уж біда. Не думаячи долго, схватил того жандарма на собі, стиснул и обернулся с ним так, што достал го под свои коліна. Жандарм ани не боронился, бо Стефан одним ударом колін поламал му ребра. Але ту ище два жандармы біжати на помощь. Но стріляти не можут, бо их колега там, лем с багнетам до Стефана,

а он набрал смілости и зграбно-сти, што полапал обох за ноги, повалил на землю, обох взял под себе и так збил, што по них мусіл вїт, Дмитро Демчак, фуру послати и до Горлиц до шпытальи завезти. А Стефан карабины и багнеты поламал и того самого дня пошол за границу до Чехословакии. Там он утримується до нынїшнього дня.

О яки два роки послі того випадку он в ночи загостил до мене в нашем селі Лосью. Я на него:

— Стефан, бійся Бога, та чоготы ту пришол? Та-ж як теперь тебе поймают, то знашь што с тобом буде — або на місци застрілят, або Береза Картузска тя домучит.

А он до мене:

— Михав, я тебе знам добри и мам до тебе просьбу, бо никто инший не може мені в том ділі помочи. Я знам, же ты много ріжных штук поробил, то и тут можешь мі помочи и спасти мі житье.

Я собі думам: “Та я сам ту як на волоску вішу, а он спасенья у мене глядат”. Але звідатися треба:

— Та што ты хочешь, Стефан?

Он вынял из кишени папір и гварит:

— Я хочу ту на том папери печатку от нашего вїта, бо иначе то мене чешскы власти отдадут полякам яко польского дезертира. А як ту буде печатка от вїта, же я нее дезертир, лем добровільно перешол в Чехослова-

кию, то мене лишат в спокою.

Думаю собі, же вїт добровільно того не зробит, то треба ужити штуку. Подумал трохи, и рішил ужити подступ. У вїта была стара мати, то треба буде из хижы ей вытягнути, а печатку вїт в столику тримат. Але як ту стару на двір из хижы выманити? Но всьо одно — иду до вїта в такий час, коли його не было дома. Бабуся сама дома, то я привитал ей по старому обычаю — Слава Ісусу Христу!

Она отповіла и пытається:

— А ты чого, Михав, куляшь?

— Ой, бабусю, та мі ся штоси в ночи стало и мя нога так заболіла, а я знам и чул от других, же вы уж дуже людям помогли на таке.

— О есть, я то знам, — говорит бабуся. — Я ту в загородці мам таке зіля, зараз я тобі принесу.

И пішла по зіля, а я до столика. Столик был замкнений, то я дощечку поддвиг трохи и печатку прибил, где треба было. Бабусі заплатил 5 марок за зіля, а Стефанови отдал готовый документ. Он почекал до вечера и в кочи пустился назад на чехословацку сторону.

С той поры мы не виділи друг друга, але як я іхал в Америку, то на шифі я ся збесідувал с одним молодым хлопцом и довідался, же тот Стефан Гудак то был його швагер. Так то всьо, што я знаю о судьбі краяна Стефана Гудака.

Але што до судьбы лосянской

торговли, то вышло цілком зле — просто катастрофа. Панска Польша убила у лосянов весь дух. За Австрии человек достал паспорт на 3 роки за 5 корон и мог іздити, где лем захотіл. А за панской Польшы уж не мог выїхати нигде от хижы, лем все податкы. Хочешь чым торгувати — треба мати карту промыслову. Добре: взял ес карту, то мусишь платити податок от промыслу. Но продати ничого не вільно, лем треба ище достати карту до продажы. Хочешь достати тоту карту, то зас податок. Але не можешь нич продати, бо не машь карты, же ти вільно возити товар на возі. Взял ес и третью карту, то зас податок от перевозу. И як ты обрахувал тоты карты, податкы и данины, то-с нич не заробил, лем доложил.

А сидишь дома, то так само податкы: податок от хаты, от поля. Але не уживай, лем тримай, но як хочешь уживати поле, то инший податок от уживанья. И што лем машь, то треба платити два податкы Панству Польскому: один податок от того, же машь, а другой от того, же уживашь то, што машь.

Табаку не было, то газдове сіяли бакон, а финансовы стражники ходили и рахували, сколько штук машь, то от каждой штуки податок. Ище поділили на сорты, и от каждого сорта свой податок.

По великих містах так само бабамута и здырство, што люде мусіли жебраками стати, а с ними

и вся країна. Поїхав я до Варшави, бо треба мі було видіти американського консула. Закончив я своє діло у консула і треба уж їхати додому, но мі захотілось лосянов видіти, што жили в Варшаві. Я знав, где они ся сходят (то было на Валовой улиці), но на ногах было далеко идти, то взял я собі трамвай (стрит-кару). Вхожду до середини и пытаюся кондуктора, скилько коштує заїхати на Валову улицу. Он каже: “10 тысяч марок”. Я вынял паперовый банкнот на 25 тысяч марок и дал йому. Он дал мі тикет, а сдачу не дає — говорит, же не має дробных. Повідат, жебы-м зголосился позже. Думам, же и так буде добре. Толпа народу навалила до трамвая, то мене одопхали. А тот тикет, што он мі дал, треба было тримати в руці, а я собі думал, же раз я заплатил, то уж конец, и выпустил тикет на подлогу. Скоро я його пустил, а жандарм зараз до мене и пытаєся о билет. Я зогнулся, поднял с подлоги и даю йому. А он на мене:

— Ты лобузьє, ты злодзьєю, ты украдл другєму!

Я ся справляю, як можу, но віры не мам. Кажу, што кондуктор ище мені винен грошы, бо я дал йому 25,000 марок, а он не мал сдачу. Пішли до кондуктора, он каже: “Так, он заплатил, я йому винен, але он кинул билет на подлогу, то билет не важный, и мусит купити другой”. А жандарм свое: “Плати кару, бо ты билет кинул на подлогу”.

И так, заміст 10 тысяч за простый билет на трамвай, мене то коштувало 30,000 марок.

Така была панска Польша!

Я мал бы много до писання на тоту тему, але я и так отступил уж от своего села, бо моя идея была, штобы написати за родне село Лосьє, а не цілу Польшу. Но ище хочу спомнути, як мы ходили розоружати два постерунки жандармов — один в Ропі, а другой в Устью Русском. То было при концу первой світовой войны. Собралось нас полно старых солдат и инвалидов из Ропы и Лосья. Австрия уж счезла, а ей жандармы стоят дальше на службі, то мы рішили их прогнати.

Пришли мы на постерунок в Ропі и послали трьох солдат объяснити жандармам, чого мы пришли. Они не вірят нашим посланцам. Вышли всі на двор и пытаются цілой толпы, чого мы хочеме. Мы говоримє, што наши посланцы уж им пояснили, то мы хочеме знати, ци они поддаются добровольно, ци хотят сопротивлятися. Комендант сказал жандармам, штобы всьо отдали. Так они поддалися.

Так мы стары австрийскы солдаты докончували по селах австрийску власть. Но мы не знали, што нова панска Польша буде далеко горша от старой Австрии. А нашому селу Лосью нова Польша принесла правдиву руину.

Михаил Павляк,
Нью Бритейн, Конн.

РОДНА НАША ЗЕМЛЯ

Хоц давно мы родный край
Лишили,

но мы не забыли,
Бо так оно есть:
Где ся пташок вылягне,
То там ся тягне.
Мы о том знаме,
Же пташкы

маленька звірина,
Але розум мають,
Як в осени отлітают
До теплого краю,
То жалостно пискают,
То есть плачут,

бо родне гніздо лишают.
Як ся на ярь вернут,
Ой як весело співають,
По лісах, по стромах
Новы гнізда

вывивают.
А мы родный край,
Родну землю

лишили.
Назад сме ся не вернули.
Але любовь глубоко
До родной земли

закоренена.
И часто роздумую,
Аж голова поболює,
Што за родным крайом

банує.
А и часто Богу праздно-м
ся молила,

Кобы я ище
родный край виділа,

Где я ся родила.
Тоты красны горы,
Вы красуетєся,
Як вас споминаю,
А сердце трепочєся,
Бо жаль о вас маю:
Я ся там родила,
То бы-м не забыла,
Ани не забуду,
Покаль жити буду.

Там мой народ сердечный,

Жичила бы-м собі,
Тебе видіти,
Низкий поклон отдати.
Кобы птахом быти,
Радо бы-м пошла
Тебе нашивити.

Заплакала бы я
С великой радости,
Я бы приклікала,
И тя цілувала,
Як рідну матір
бы-м тебе прияла,
Своими слезами

бы-м тя орошала.
Бо ту на чужині
Треба смутно жити,
Так як и сиротам
При мачохі

невесело быти.
Як я с краю виїзжала,
Моя родня мі

напоминала,
Жебы-м не забыла,
Где я ся родила.
Я на родну хижу
Праздно позерала,
Хоц не была богата
И не была красна,
Але мені мила,
Бо то наша власна.
Як я вышла выше села,
Ище-м ся раз візрила,
Но уж родну хижу,
То я не виділа.
Лем на хижі комин,
А и дым белявый,
Што ся с него

курило.
В тот час моя мама
В пєцу огонь палила,
И вечерю варила.
Тогды мое сердце
Жали обнимали,
И молоде лице
Слезы заливали.
Тяжко было тяжело,

И не мож забути,
 До богатых идти,
 Хоч на скромне житъя
 У них заробити.
 В Америці реакція
 о нас знала,
 То агентах посылала,
 Штобы корысть мати,
 Нашых бідных людей
 До тяжкой роботы
 Про богатых, коли треба,
 Все на час достати.
 То не една мама
 У худобстві діти тяжко
 годувала,
 Штоб на стары рокы
 Собі поміч мала,
 А як діти уж выросли,
 То в чужину зараз пошли,
 И кулакам ся продали,
 Жебы им богатство
 Векше розрабляли.
 Бо богаты о нас знали,
 Же русскы люде
 вытревалы
 И способны, лем темны,
 неучены,
 То ци тяжка, ци брудна
 робота,
 Можна його гнати
 И выкорыстати:
 Скилько сил у него,
 То буде робити
 И скромно си жити.

Жебы тоты не сконали,
 Про кого родну землю
 мы лишали,
 Бо теперь чуеме,
 Же на нашей родной землі
 Роботы дост мают
 И широку возможность
 До науки и прогрессу
 Діти их достают.
 И до житъя што потрібно
 Дома можут заробити.
 Уж плачучи не отходят
 До богатых
 кулаках,
 Як мы отходили
 И ту на чужині

 сме ся постаріли,
 Свой молодой вік
 и здравья загубили,
 Веселости
 мало сме ужили,
 А за роднов земльом
 Цале житъя сме тужили.
 За то хоч мы давно
 Родный край лишили,
 Он в памяти пред очами,
 Як бы мы там вчера были.
 Горы и долины,
 Глубокоы потічки,
 Где я за молоду
 Напилась водичкы.
 Кебы тоты земли
 И тоты стежичкы
 Могла я видіти,
 Кадиль за молоду,
 По них, співаючи,
 я ходила,
 Як худобу-м пасла
 И весело жила.
 Але, вера, шкода
 О том мі думати,
 Уж не буду я там
 Знова ся вертати.
 Уж не можу зайти
 Ку тому потічку,
 Жебы-м ся напила
 Той здоровой водичкы.
 Така моя думка,
 Жебы-м ся напила
 Вшиток смуток зараз
 Я бы там забыла.

Чом то, Боже, так не было:
 Где сме ся родили,
 Жебы там мы жили?
 Хоч не роскошно,
 Але мило,
 а и сміло.
 Хоч и не богаті,
 Але в родной хаті.
 Там мой народ,
 с котрым я росла,
 До школы ходила,
 У дітинских роках
 С ними ся бавила.
 Вшитко наше родне,
 Хоч и не богате

Каждый день я бы
 виділа,
 Весела бы-м была.
 С нашей родной земли
 Добры вѣсти доставаме.
 Радо и весело письма
 мы читаем,
 Бо там теперь братья, сестры
 Уж ся дочекали,
 Што нам давно наши предкы
 О том повідали,
 Же приде час, што заживут
 Бідны люде у Карпатах
 Правды и свободы,
 И не будут бідовати:
 Хліба будут надост мати.
 То ся сполнило:
 Школу и просвіту мают,

То наука их подняла
 И с другими народами
 их зровнала.
 Но панам западным
 И тым, што свое
 забыли
 Бо к Риму ся склонили,
 Не весело позерати
 На быстру науку
 и роботу
 Восточного народа
 Где есть нова свобода.
 Бо там знают, же наука
 Не погубит ани в ліс
 не заведе,
 Лем с темноты и бідноту
 До просвіты веде.

Юстина Гоч.

КОРОТКА ИСТОРИЯ

Як достану газету або книжку
 свіжу, то перечитам уважно, а
 потом не кину до смітника, лем
 отложу. Як не мам свіже читати,
 то переберам старшы газеты або
 книжки.

Попала мі до рук книжка-ка-
 лендарь униатского Соединения
 на рок 1946. Позерам, а там опи-
 сано широко, бо 12 страниц, як
 Мати Божа плакала у Мария-Пов-
 чи.

Переберам дальше, беру газету
 православну, а там сама тота ис-
 тория описана, што и в униат-
 ском календарі.

Читати не читам, бо я мам
 книжку из Повчи. Мама была там
 на отпусті. Мі было 9 літ, а уж
 я читати знала, то мі купила. Ту
 ей мам и теперь. Так роздумую
 над тым обманством. То нее роз-
 луку, ци западна ци восточна ві-

ра, бо пропаганда една. А час на
 то уж настал, што треба пере-
 стати так темнотов людей мучити.

То мене понукнуло написати,
 што я виділа, чула и пережила.
 Хоч то давно было, но закоре-
 нилося глубоко, што николи не
 выхне из мого мозгу.

Як я была малолітна, то мою
 сестру, старшу от мене, часто
 голова боліла. Мала гостец в го-
 лові, опухла ей цалком тварь так
 грубо, што очы ей не было вид-
 но. От 8 до 15 літ она світ не ви-
 діла. Треба было ей водити, где
 потрібно было. А то была моя
 работа. Великий плач робила, бо
 тяжку боль переносала.

Моя мама розумілася до роз-
 майтого зілля, што людей лічи-
 ла не лем в нашем селі, але из
 сусідных сел тоже люде прихо-
 дили, бо доктор хоч был, то піня-
 зи на доктора не было. Мама бы-
 ла набожна, то за "Боже заплат"

помагала, што знала. Кедь маєтнійший, то малу плацу взяла. Так мама робила и коло своей дітины, лічила так, што сама мало спала, лем роздумувала, што ище треба робити. Но не могла помочи. Ходила с ньов и по отпустах, давала на службы, на свічки, читали попы над ньов, сповідалися — а помочи не было.

Пошла мама радитися попа, бо она вірила, же поп Божий чоловік, а и мудрый, ученый. Но поп знал, же у моих родичох худобы, птицы было много, бо земли мали дост-гарди. А поп, римский наемник, начал мамі плести, же “ваша дівочка терпит, бо вы сте барз грішны, треба давати на службы, офіру по монастирях, и то щиро, то Бог выслухат, и дівча оздравіє”. Мама с плачем и жалюм каже:

— Та я уж вшитко тото сполнила, бо то не місяц або два, але то уж рокы переходят.

Поп каже, штобы давали на еден раз по 4 службы до сусідных селох и штобы нараз отправы стояли, и офіру велику щиро дати, и постити тяжкий пост, и молитися. Так мама робила, што поп каже.

— Як то не поможе, — говорит поп, то дам другу раду.

Мама так постила, што ослабла и лежала. Але докончила 7 дней, што не іла, лем раз на день воды лигла.

Но был в нашем селі Габурі богатый, а добрый чоловік. Я за него споминала уж в Календарі Лемко-Союза на 1956 год. Он

бывал близко нас и часто до нас заходил. Он знал вшитко, што ся у нас водило. Жаль му было, же мои родиче надармо попов спомагают, но не мал отвагы против попа слово речи, бо мама рахувала попа за святого. Так тот чоловік каже мойому братови так, жебы мама не знала:

— Шкода давати на отпустах, бо то выдумане римскими наемниками. Я дам раду и поможу, але жебы то было таємно. Най брат тото спомне мамі, же треба ийти до одного славного знахаря в Галичині. Я дам адрес.

Брат спомнул мамі, а мама ани чути не хоче, бо то гріх. Но иде и каже попови:

— Вашу пораду я зробила, но полекшанья нїт.

Поп дават раду другу: ийти до Повчи, где Мати Божа слезы ронила. Так наляпал мамі, же там приходят сліпы, хромы, на постельках принесут, а оттамаль здравы отходят.

Мама достали радость и охоту — уж никто не може отгварити. В Лаборцу был на тот час ярмарок, няньо продал корову, маму и сестру отвюз брат на стацию. Там поп дал знати: уж маму там чекали на стации. В Повчи молилися над сестров попы и службу кончили, она мылася в воді, што помагат. Охабила мама на вещь службох и на свічки.

Вернулись из Повчи додому, а помочи нее. Брат мал в руках уж адрес, як ийти до того знахаря. В нашем селі называли його —

ворожила. Мама в великом страху, бо поп наказувал: “Заваруй Боже ийти до ворожки, бо на вічны муки до пекла попадете”. Но сестра дальше хвора, то не было иншого виходу.

Отвезли маму и сестру на стацию до Видрани, бо то до Галичины, до Санока, треба было іхати — до знахарки. То была жена.

Пришла мама и привела сліпу мою сестру до Санока. Было рано. Знахарка каву варила на сніданье, то маму и сестру понукла. Потом зачала бесіду, але позерала до маминой руки. Повідат вшитко тото мамі, што ся бесідувало в нашей хижі. Сестрі уж было 15 літ, то розуміла. Знахарка остро на маму:

— На што вы вашого клібана слухали? Он вас обманувал, а вы то за правду принимали и свое господарство нищили. На што вы своей донькі 7 літ дали так бідувати, коли в вашем селі есть высокоученый и милосердный ку худобным людям чоловік, што хотіл помочи, а боялся, бо його слова справедливы вы отнесли бы вашому клібанови.

Мама там была цілый день, бо желізница из Санока до Видрани аж на вечер ишла. Знахарка сказала им так:

— Там близко вас на берегу есть студня мурувана, барз глупока. Достанете из ней воды в ночи о 12-ой години. Найся умые ваша донька три разы, а выліете тоту воду, где я вам кажу. О три дни буде видіти світ, и ревматизм за свое житья не буде мати вещь.

Сестра памятала, же так вшитко ей житья ишло, як чула от знахарки. Уж моя сестра умерла ту в Чикаго на 68-ом року своего житья.

Як ся мама вернула из Санока, то познала, же поп нее святой, лем римский обманщик. А тот учитель, по имени Туркиняк, сполнял Христову науку, но мусіли сме вшитки тихо быти, бо Рим был сплетеный с німецко-австрийским правительством. Туркиняк мамі повіл: “Так вам не треба было ийти до Повчи, як пятого колеса до воза не треба.” Он уж покойный много літ — умер на 82-ом року житья, но його діла живут в памяти тых, кто го знал.

А мойой сестрі вода из той студни помогла, што николи вещь голова ей не боліла, ни ревматизму не мала. Я сама не знаю, як то объяснить, но так было.

Мама перед отходом пыталася знахарки, же сколько она за тоту раду пожатат. Повіла, же она не мат ціны, бо кто бідный, то ей Бог платит, а кого стати, то хоц мало, най положит на стол. Так мама охабила на столі пару златых.

Мама потом дякувала знахаркі и пану Туркиняку, доки жила. И тодыль познала, же поп есть враг про худобный народ, бо уживат религию, штобы обманувати и тримати в темноті бідных людей.

Ище помню, же и я была два разы в том монастирі в Повчи. Мы ишли на жнива, то сме отпочивали в Повчи от рана до по-

лудня. Кони выпрягли, бо то сме на возах їхали далеко — до Дебрецина. Было нас 72 люди. Дали люде на службу, молилися и кто хотіл — сповідался. Так мы мали дост часу видіти в середині и по вонка. Мене цекавило видіти тоты мисочки, до котрых слезы из образа падали, бо я от 9-го рока жизни в книжкі о том читала. И я виділа тоты мисочки.

Так с тем приправленным чудом не лем западны, но и восточны духовники дурят ище и теперь невинный темный народ. Каждый, хоц лем малопросвещенный человек знат, же правда обманство переможе. За то и тоты “чуда” в Мария-Повчи не удержатся теперь, коли меже наш народ в старом краю пришла правдива наука.

Мой няньо был рожденный в 1835 року. Он памятал, коли голодны роки были, што люде пухли и умерали от голоду. В тех часах люде из наших сел ишли в Мадьярию. Мого няня тета была отдана из Габуры до Дричной и мала одно дівча 2-рочне, то взяла на плечи и пошла в Мадьярию. Не было о них чути долги роки. Але няньо со стрыком тету часто споминали и нам, дітям, о том голоді оповідали.

Было то уж в том році, коли моя мама до знахарки в Санокі ходили, як пришло письмо от той теты из Повча по-мадьярски писане. Писала тота дівка, што на плечах теты была перенесена в Мадьярию. Почитал письмо учитель Туркиняк. Писала тета, жебы

придти до Лаборца на стацию, бо приде тета и тота ей дівка видіти, где ся родили. То велика несподіванка, бо то уж 50 роков о них не было чути.

Пришли обі — тета и дівка, грубы, красно убраны. Тетин муж умер, коли пришли в Мадьярию, а дівка на 52 роки не была замужна. Што бесіды было, то велику книжку бы записал. Стрыко газдувал особно, то еден день гостилися у нас, а другой у стрыка. Тета расповіла о своем житію. На початках смутне житія мала. Мадьярску и німецку бесіду не знала, то брала дівча и ишла до пана робити. Любили ей, бо робила сколько сил мала. Но и ей ся любило, же істи мала и с дівчатом дост вшиткого. Потом дівча пошло до школы, училося німецке и мадьярске. Як школу дівка покончила, то уж им было добри. Дівка мудра, шиковна, то могли найти роботу, где ся им любило. Так пришли и в монастырь в Повчи. Там работы вельо, бо римске обманство было розголошено по целой краині, и бідный народ нюс остатне от голодных дітей. Дівка робила в монастырі, но ей было заказано твердо выявляти то, што там виділа. А она виділа в монастырі страшный обман, прикрытый религиом. От ней не могли скрывать, бо бесіду знала німецку, мадьярску и русску. За работу ей добри платили, но и так в сердцу жаль мала, же перед бідным народом правда закрыта.

За тот час, як у нас были, то

учитель Туркиняк каждый вечер заходил к нам. По-німецки або по-мадьярски с тетинев дівков ся догваряли, а нам было заказано, жебы што чуеме, из хижи не вышло. Она расповідала и то, што ся по-под будинки там в монастырі творило, а того до честной литературы ани не можна публиковать.

Так моя мама повіла, же там была на отпусті и с мойов сестров, скельтувала грошы, а помочи не было. Тетина дівка каже мамі:

— Тето, кебы вы знали то, што не знате, то бы сте тоты грошы на сироты дали, и Бог бы вам заплатил. А на што пошли ваши грошы в монастырі, то лучше вам не знати.

А я тоту книжку, што мама купила в монастырі, до теперь мам. Описано там, што первый раз прослезился образ Марии Повчанской в 1696 року, коли ище стара маленька церковь там была, потом другой раз прослезился в 1715 року. Закликали німецке войско и множество іезуитох римских видіти и присягати. Як я то читала, а учитель Туркиняк был на тот час у нас, то тетина дівка каже так:

— А теперь неодолю третий раз мае прослезитися тот образ.

Она знала там каждый кутик, то довідалася и то, што плановали наперед тоты іезуиты. И не взяло долго потом, як оголосили в 1905 року, што третий раз про-

слезился “чудотворный” образ.

Мі не было бы чудно, як бы лем западны учителя тримали так темноту меже народом, але видиме, што и православны помагают им. Востоком закрываються, а римсков блуднов дорогов ведут невинный народ, бо с того добру корысть мают. Но и народ сам собі винен, же не бере добру книжку и газету почитати и довідатися, як світ иде. Правда, в церкви духовники кричат, што не треба читати прогрессивну литературу, бо то гріх, но заборонити нам так, як колись в старом краю забороняли, они не можут, бо в Америкі маме больше свободы. В старом краю мушено было их слухати и давати им, бо там мали за собов державну власть с войском и жандармами. А тут нее такой тяжкой руки над народом, то можна и своим розумом жити и глядати правды.

Так человек, не нарікай на свою долю, на свою біду, бо она тебе мучит и по твоей глупоті.

И часы теперь иншы. Нова наука, оперта на правді, ширится по цілому світу. Дармо выкрикують римскы агенты против правды, бо Бог помагат там, где есть правда. Там в краю скинули панску систему, то и римскы наемники остались як сироты. Научный прогресс иде быстро вперед, и ніт уж силы, штобы могла обернути то назад до старой темноты.

Читателька “К. Руси”,
родом из Габуры, на
Пряшевщині.

МЫ ЛЮБИМЕ СВОЕ РУССКЕ ИМЯ

В 1955 року я їздив из Канады до родного краю — на нашу милу Пряшевщину. Там я зустрічався и говорил с нашими карпато-русскими интеллигентами, директорами народных и средних школ и культурными діятелями, котры получили от чехословацкого правительства державны отличия за свою добре виконану роботу як в войні, так и позже при будові социализма и новой культуры в родном краю. За короткий час там зробили такой прогресс, што нам старым ани не снилося о том, ани нашим прадидам.

Но там в Пряшеві и по других містах наши интеллигенты жаловались на украинских шовинистов из Волошиновой школы, котры по войні поутікали из Закарпатской области и ширят на Пряшевщині ненависть до русского имени. Наши интеллигенты дали мні историчны книжки и говорили, абы я то взял с собов, читал и другим давал читати:

— Читайте правдиву историю, абы вы там в чужині не забыли, ани ваши діти, што были наши прадиды, а што мы внуки, бо тут нам перешкаджают и на силу пхают нашому народу украинский шовинизм.

Говорили мні, што там часто приходит до суперечкы меже нашими интеллигентами и теми, котры вышли из Волошиновой шко-

лы, бо тоты ученикы зрадника Волошина ширят сепаратизм против русской культуры як старо-русской культуры Киевской Руси, так и новой советской русской культуры.

Меже тыми книжками, якы мні дали в Пряшеві, есть одна п. з. “Очерки по истории Закарпатья”, яку написал И. Г. Коломиец. Його работа была напечатана в “Сборнике” Томского державного университета (Томск — 1953), а в 1955 року была переиздана отдельном книжком в Пряшеві.

В предисловии к своей истории И. Г. Коломиец пише так:

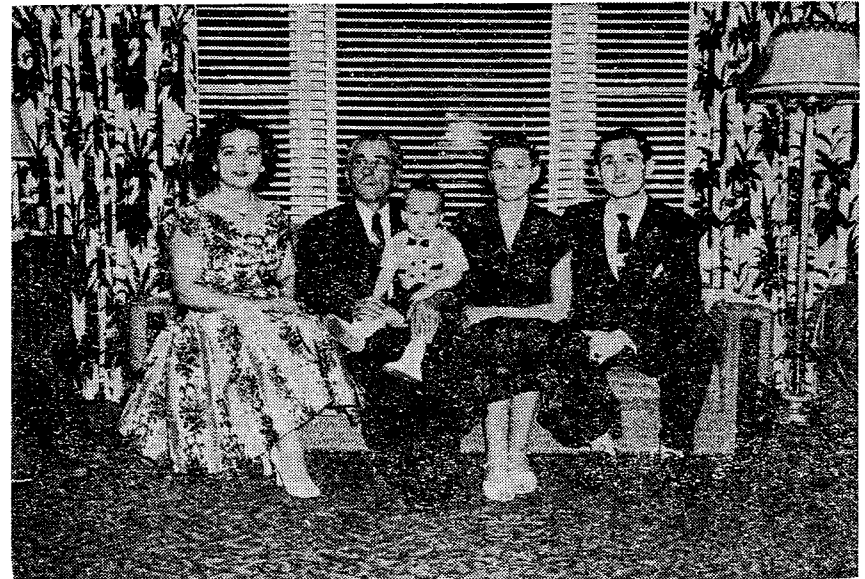
“На протяжении много десятилетий история Закарпатской Руси подвергалась грубой фальсификации западно-европейскими буржуазными историками, украинскими буржуазно-националистическими авторами... Все писатели и “теории” этих наймитов империализма преследовали ту цель, чтобы противопоставить украинский народ его великому брату — народу русскому, убить в сознании и сердцах трудящихся масс закарпатских украинцев чувство братского единства с русским народом...”

И. Г. Коломиец начинат свою историю с IX віка, коли земли наших предков были силом захвачены мадярскими племенами, и дальше рисуе он страдания на-

шого народа за Карпатами под чужыми владарями, котры хотіли зничити наш народ и затерти його культурну связь с русским народом. В XII столітію Закарпатска Русь управлялась сыном венгерского короля, котрый носил титул “князя руссов” (“dux Ruizorum”). Но дальше на протягу многих столітий наш народ был страшно пренаслiдованный не лем экономично, но также религиозно и национально. Чужы владари, римскы іезуиты, а дальше и националисты сусідных народов старались всіми способами оторвати наш народ от його праді-

ной русской православной віры и от його историчной русской назвы. Но наши предкы стояли твердо и при своей вірі и при своей назві, и так донесли аж до наших дней свою культурну связь с русским народом.

За то и мы маме велику любовь к русской назві, бо в том выявляеся и любовь к нашей минувшині и к нашим предкам. А кто откажеся от своей прадіной назвы, то он не любит ни своих предков ни историю своего народа. Мы, емигранты в Канаді и США, были примужены оставити наш родной край при чужых вла-

Василь Лукач, його жена Анна, сын Михаил Лукач и невіста Гелен — родом из с. Вышня Яблонка, Пряшевска Русь, Чехословакия.

Василь Лукач с женом посітил родной край в 1955 року, перешол наши милы Карпаты, а так был приділений до Славянского Комитета Чехословакии через гол. секретаря проф. Гуса. На обратном пути навістил наших емигрантов во Франции и вернулся в Канаду, где проживае уж 30 літ.

Сын Михаил Лукач был делегатом на Международный Фестиваль Молодежи в Прагі, в 1947 году, от Карпаторусского Общества, а так посітил и Югославию, где с другими участниками Фестиваля помагал будовати нову желізну дорогу.

дарях, бо там не было житья, но любовь наша к родным Карпатам не выгасла. Свое родне, прадідне мы николи не забудеме.

Наш народ по обох сторонах Бескидов есть один и тот самый, бо говорит одним языком и исторично переживал такую самую судьбу. Мы на Пряшевщині и на цілом Закарпаті страдали под мадярскими панами, а наши братья на Лемковщині по другой стороні границы страдали под польскими панами. Там на Лемковщині теперь по войні, коли Совітска Армия освободила всі славянскы народы от многовѣкового германского ярма, украинскы и польскы шовинисты совершили грозне насильство над нашими братьями-лемками. Они отважились выгнати весь народ из його родных гнѣзд, с його родной земли. Мы не виниме тут так молоде народне правительство Польши, бо знаме, што в Польшѣ были великы трудности от своей “подземной армии” и западных агентов. Но мы виниме головно украинскых самостійников-бандеровцев, котры запродалися германскому империализму. Они своим грѣхом обчорнили наш народ и так подготавливали примусове выселение лемков из Лемковщины.

Може выселенным нашим братьям и сестрам жиеся не зле на новых господарствах, но коли вернеся до родного, войном и бандитами знищенного села, то цілуе тоту землю, где похованы його предки. А в той самой родной землі по обох сторонах Кар-

пат, где похованы наши предки, спят также в братских могилах и наши русскы братья из далекой России, убиты в двоих світових войнах. И кто теперь на нашей дорогой Лемковщині буде украшати братскы могилы русских геройов и прадідны могилы наших предков? Кто буде садити барвінок на дорогых нам могилах?

Мы маме великий жаль, но и наши потомки будут мати жаль, бо они будут читати историю своего народа и будут домогаться справедливости. Они будут проклинати тых, котры довершили такы насильства над нашим народом: тых, котры выгнали наших людей с родной земли, и тых, котры затерли наше прадідне русске имя. Теперь там всі читают, бо всі грамотны, то каждому буде интересно заглянути в историю своих предков и своего родного краю. В старых книжках найдут они такы названия міст и сел: Крыница, Тылич, Ропица Русска, Устье Русске, Королева Русска, Дубровка Русска, Русска Воля и т. д. И полно на Пряшевщині и галицкой Лемковщині такых названий, бо наши предки русскы были и русскы мена на села давали. А мы там роджены. Даколи в будучности наши правнуки будут говорити: наши прадіды там были роджены.

И скажут дальше: “Мы не хотим добиваться ниякой самостійной Украины, лем хотим быти в одной державѣ с русским народом, бо так учит наша история,

то нам милы и тоты прадідны русскы назвы в Карпатах”.

Я не вірю, што оно так останеся, як теперь и там на нашей Пряшевщині поступают, што затерают русске имя. Ни послѣ первой ни послѣ другой світовой войны не было правды для народа, лем рѣшала высша политика. Послѣ первой войны польскы и чехословацкы панове подѣлили наш лемковский народ и зробили свою границу меже ним. А по 2-ой світовой войні была диктатура трѣох старых владарей: Черчилля, Рузвельта, а и Сталина. Они нас для своей политики так подѣлили, як и зла мачоха сироты, котры остались по первой мамѣ: каждую сироту дала иншому на службу, а не пыталася, ци сирота хоче там служити.

Мы видиме, што наш народ на Пряшевщині и Лемковщині любит литературу на своем родном языке, бо пишут до редакции “Карпатской Руси” в Юнкерс, Н. Й., и просят о такы книжки, бо там их не мают. Но чому их не мают? Мы тішимеся, што наша молода генерация там в родном краю має Gelegenheit иди в высшы школы и занимати высокы посады. Но чому нее своей народной лемковской литературы, котру народ любит и домогаться ей? Кто тут на перешкодѣ? Та лем тоты самы, котры выгнали наш народ с родной земли и котры для своей политики хотят затерти русске имя в Карпатах.

И во Вроцлавѣ наши лемкы-выселенцы начали в 1955 року орга-

низоватися. С початку была велика радость меже народом, а потом людѣ стратили духа, бо замѣшали тоту самую политику. Украинскы интеллигенты-самостійники начали мѣняти назву нашего народа под прикрытием новой “прогрессивной” политики. А мы тут в Канаді розуміеме то дуже добре, бо мы в нашем Карпатурском Обществѣ видѣли много такых примѣров. Придут к вам и представляют себе дуже прогрессивными и добрыми приятелями. Говорят, што ани не думают шкодити нашему Обществу, лем хотят помочи так по-братски, бо их тішит, як прогрессивны организации роснут. Ище скажут вам так: “Мы интернационалисты, то нам не расходится, як кто называет себе, лем жебы ишол по рабочей программѣ”. Але за короткий час чуеме, што меже нашим членством ведется подпольна работа против нашего Общества як раз на назві. Шепче одному и другому до уха, што назва “карпатурскый” не добра, бо есть Карпатска Украина, и сам Сталин признал, же нияких “русских” в Карпатах нее, то кто хоче быти “прогрессивным”, должен занехати назву “русский”. Найде члена, котрый мало читал историю, и уж нагварят його, штобы взял уряд в Обществѣ и подрывал нашу организацию.

Вот таких “интернационалистов” мы встрѣчали много тут в Канаді. А мы держимеся своего, бо што маме робити с наших историйов от 9-го столѣтия? Мы

не можемо откинути так легко и забыть историю наших предков в Карпатах, як украинскы сепаратисты откинули свою историю Киевской Руси. Они отреклись от своей истории, бо живут пропагандом против великого русского народа и против русской культуры. Если бы украинскы сепаратисты не отреклись от своей истории, то их не боліло бы так название "Русь", бо то было название их предков. Они сами сошли с историчного пути, а теперь шепчут нам, же не маме нич правильно-

ного, лем их правильно. А то така правда, як и в той приповідці: Німый глухому повідал, што сліпый виділ, як кулявий втікал. Так, братья и сестры карпатского роду, тримайте свое так твердо, як нашы прадіды тримали, бо прогресс не в том заключаеся, штобы міняти народны назвы меже славянськими народами. Зміны пришли в системі життя, а не в назвах.

Василь Лукач,
емигрант из Пряшевской
Руси, теперь в Торонто, Онт.

КРАЯНКА ИЗ СКВИРТНОГО

Хочу подати до Календаря коротку историю краянки Мелькы Гаврильчак, из Бруклина, Н. Й., котра выступала в "Лемковском Весілю" на фильмі в 1929 року, а два роки тому перва подняла справу покупки лемковской Народной Фармы и перва уплатила членске. В ей жизни есть много такого, што показуе с наилучшой стороны наш народ из Лемковщины и всей Карпатской Руси.

Емилия (Мелька) Гаврильчак родилася от родичей Йосифа и Акилии Жыла в селі Шквиртне, Горлицкого повіта, на Лемковщині. На 17-ом року життя вышла замуж за Онуфрия Одомирка до сусідного села Регетова. Мали пятеро дітей: 4 дочки и сына.

Их супружеске житє не дуже было счастливє, бо на том ґрунті были зятягнены великы долги ище

от давных часов. Муж Онуфрий придумал поїхати в Америку, абы звернути тоты долги. Но не нашол счєстья в Америці, бо сильно похворілся и по 10 місяцах вернулся до старого краю ище с новым долгом на 500 ринских.

А так в 1910 року Мелька оставила на ґрунті мужа и их пятеро дітей и сама выїхала в Америку, абы заробити грошы на уплату старых и новых долгов. Приїхала до Юнкерс, Н. Й., и там робила в карпетовні.

Тут застала Мельку перва світова война, то Мелька осталася в Америці дальше, як наміряла.

По войні Мелька отложила собі грошы на уплату долгов и уж собералася до краю, а тут в 1923 року достає письмо от дітей, же их няньо, а ей муж Онуфрий — помер. Так Мелька не поїхала до

краю, лем осталася в Америці. Тут вышла замуж за Порфирия Гаврильчака, тоже из села Регетова.

С другим мужем счєстья поправилося. Мали одного сына. Обое робили за даякий час и змоглися на прекрасный великий дом, в котром есть квартир на 36 фамелий. Тот дом в Бруклині Мелька до теперь тримат. Дальше они постаралися спровадити с краю четверо дітей по первом мужу. То были три дочки и сын. А одна дочка осталася в краю на ґрунті.

Тут што рок Мелька со своим мужем дораблялися ліпшого кавалка хліба и жили собі в згоді и любви. Но што с того, коли в 1940 року смерть забрала любимого мужа Порфирия, и Мелька знова осталася вдовом.

Теперь она жие при сыні по другом мужу — Даниилі Гаврильчак и невісті Марии, котры маю

три дочки и разом с мамом мешкают в красной місцевости, коло Куни Айленд, в Бруклині, где маю ище два меньшы 2-фамелийны дома. А в Майами, Флорида, маю также свой домик, где Мелька с сыном и його фамелиом пребывают зимущьом пором.

То легко сказати, як они теперь живут, но взяло бы долго часу, як бы хотіл обьяснити, сколько своего труда и трапезы

Мелька Гаврильчак.

вложила Мелька в тот маєток. Сама Мелька говорит, што тот великий дом на 36 фамелий купил тоты два меньшы в Бруклині и тот третий во Флориді. Но Мелька сама за долги роки доглядала всього и робила всьо в том домі. Сама малювала комнаты, коли треба было дати апартамент до ренту, сама огрівала, чистила и порядкы робила. Кто має дома с квартирами до ренту, то

знає, яка то робота. Тепер така дороговизна, а ренти под контролем и заморожены, то треба добре самому наробитися, шобы выйти на свое. Но Мелька вышла на свое.

Ище хочу спомнути, што Мелька Гаврильчак брала участие в “Лемковском Весілю”, котре мы крутили на фильм в 1929 року на фармі Макария Геряка в Стемфорд, Конн. Она выступала в фильмі як мама молодого жениха. Тото “весіля” было выроблене Стефаном Шкимба, из с. Во-

ловец, и уже покойным Михаилом Дужий, из с. Перегримка, повіт Ясло. Так сама Мелька была перша, котра подняла в газ. “Карпатска Русь” вопрос за покупку Народной Фармы.

Я подаю тых пару слов за Мельку Гаврильчак, шобы отдати честь трудолюбивой и вытревай женщины нашего лемковского роду, котра не заломилася от тяжкого життя, но и в Америкі потрафила, як то кажут, выйти на свое.

Лемковский Староста.

ВІЧНА ИМ ПАМ'ЯТЬ

ВЛАДИМИР А. ЦИСЛЯК

16-го июля 1955 року в городі Торонто, Онт., пал жертвом скрытоубийной руки наш передовой народный труженик, один из головных организаторов Лемко-Союза в Канаді — Владимир Андреевич Цисляк. Он был brutally замордованный незнанными бандитами на одной из головных улиц Торонто. От дня його трагичной смерти уплыло уж много часу, но преступники все ище не были раскрыты.

Найтяжшу утрату понесла найблизша родина покойного. Остались в великом смутку жена Ольга и два dorosлы сынове — Андрей и Иван, а также два родны браты в США — в Нью Йорку Антоний Цисляк, бывший менаджер типографии Лемко-Союза, и в Кливланді Николай Цисляк, ме-

наджер тамошнього Лемко-Клуба. В Польші, на выселении, остался брат Иван, а в Совітском Союзі дві сестры Александра и Мария.

Велику утрату понесли и всі наши народны организации, в яких Владимир трудился всю свою жизнь тут в эмиграции.

В посмертной споминкі о покойном Владимирі його односельчанин и близкий друг Иван Похна подал в газеті “Карпатска Русь” от 29 июля 1955 г. таку коротку биографию Владимира Цисляка:

Вл. А. Цисляк родился 12 августа 1900 года в Устью Русском, повіт Горлицы, на Лемковщині. Он был сыном славной фамилии, бо його отец Андрей Цисляк ище колись при старой Австро-Венгрии был кандидатом на посла до Віденского парламенту.

Перед первым світовом войном молодой Владимир начал ходити до гимназии в Горлицах и жил в тамошньої Русской Бурсі.

В 1920 року панска Польша забрала Владимира на военну службу. Но хаос, який настал в Польші в часі войны польских панов с Совітском Россіом, дал возможность Владимиру втечи на чехословацку сторону и достати там роботу. По войні польске правительство объявило амнистию дезертирам, так Владимир вернулся домой и зголосился добровольно в польску армию, шобы отбыти войскову повинность. Тут його зробили капралем и поставили на роботу в канцелярии войскового магазина.

Отбывши войскову службу, Владимир вернулся додому и помагал в господаркі, а притом коло свого отца учился и громадской секретарки, яка потом, после смерти отца, была передана на його руки. В 1925 року Владимир оженился с Ольгом Яцевич в Ганчові, но якось не любил сельску господарку на другом селі, то в 1926 року оставил всю и выйхал сам в Канаду глядати красшого кавалка хліба.

Первы штыри roky в эмиграции он прожил в Виннипегу, где робил всякы работы, а притом учился друкарства. Тут он познакомился с такими старыми лемковскими эмигрантами, як Теодор Кохан и Д. Пырч, а также його бывша перва учителька в школі в Устью Русском Дренкевич. В зимовы місяцы он посіщал вечерню

Пок. Владимир А. Цисляк.

школу английского языка.

В Виннипегу в том часі возникла перва мысль о створении своей лемковской народной организации Лемко-Союза. Владимир вписался первым членом отдела Л. С., а члены выбрали його первым секретарем.

С наступлением великой депрессии, там на Западі Канады не было никакой работы, то Владимир переселился до Гамильтону, а так до Торонто. Тут он встретил много наших молодых эмигрантов, добрых и честных лемков и карпатороссов, и почал организовати отделы Л. С. Тяжка то была работа в тогдашних часах. На наших собраниях, на улицах або в парках падала всяка зневага на него самого, на членов, на нашу газету и взагалі на наш народ. Владимир не отступал ани на

один крок, лем все боролся и оборонял честь своего народа, за што члены любили и поважали його, и с рока на рок все выбирали до найвысших урядов в организации.

До самой смерти он был членом Центрального Комитета Карпаторусского Общества, урядником Народного Дома, урядником Кооператива и корреспондентом “Карпатской Руси”.

Перешло 10 последних лет своей жизни он робил наборщиком в польской друкарні на Квин улице в Торонто. И на той самой улице, не дуже далеко от місця работы, в прекрасну, теплу июльскую ночь здыбала його люта смерть.

ЕВА ШКИМБА (ШОСТАК) ПОМЕРЛА НА 96-ОМ РОКУ ЖИЗНИ

Мало кто из наших карпаторусских эмигрантов в Америкі доживат до такой глубокой старости, до какой дожила Ева Шкимба в Гейзелтоне, Пеннсилвания. Она померла 18 апреля 1956 г. на 96-ом року жизни.

Ева родилась в селі Перегримка, повіт Ясло, на Лемковщині. Походила из роду Шостаков. До Америки приїхала в самых початках нашей эмиграции и поселилась в маленьком майнерском містечку коло Гейзелтону, в Пеннсилвании. С початку робила по “бординг гавзах”, где жили майнеры. Работа была тяжка, и робити треба было долги години, а за малу платню. Но наши крайовы дівчата от малых літ были

призвычаены до тяжкой работы, то и тут молода эмигрантка выдержала.

По двоих роках послі прибытия в Америку Ева вышла замуж за Николая Шкимбу, родом из села Дошниця, повіт Ясло, с котрым прожила 56 літ. Муж помер в 1937 року.

Життя их не было легке, бо коли они побралися, то работы ишли дуже слабо. Майны робили по три дни на тыждень. А фамилия увеличалась, бо приходили діти. Было у них пятеро дітей, из котрых трое живут, а двое померли. Тоты трое уж всі женаты и мают свои фамилии. Всі діти пошли до бизнесу, бо и мама была в бизнесі — мала гросерню и бучерню за 40 літ.

Покойна Ева интересовалась всю свою жизнь и нашими народными ділами. Была сознательна в прогрессивном духі и все была готова поддержати добру работу для нашего народа. В Гейзелтоне, Па., был основанный первый отділ лемковской организации в Америкі, и то головно завдяки Еві Шкимба. То было в 1922 року, коли в Америкі не было ище Лемко-Союза, но был Лемковский Комитет. Так Виктор Гладик, редактор газеты “Правда” в Олифанті, Па., пришил в том часі до Гейзелтону и начала объяснати, што лемкам в Америкі треба мати свою народну организацию и организованно помагати своим братьям в старом краю, на Лемковщині. Ева Шкимба зараз згодила и перва записалась членки-

ньом до отділа лемковской организации. За ей приміром пошли и други люде, так што в Гейзелтоне был створеный лемковский отділ, котрый стоит и ныні в Лемко-Союзі. За тоту работу Ева Шкимба дуже цінила В. Гладика и называла його добрым русским патриотом.

До последних дней своей жизни Ева Шкимба читала нашу газету “Карпатску Русь” и интересовалась письмами из старого краю, бо хотіла знати, як живут там наши люде. Коли уж не могла сама читати, то ей сын Стефан мусіл прочитати ей каждое число газеты. Мама была твердо русского характера, то и сына воспитала в народном духі. Он американский уроженец, но все говорит: “Я американский лемко”. И дочкы покойной Евы — Мария (по мужу Верковска) и Ева (по мужу Дубовик) хранят свято за-

Ева Шкимба с членами своей фамилии.

віты своей матери и тримают со своим народом.

Ева Шкимба любила свой русский народ и помагала все народному ділу, то заслужила собі на то, штобы память о ней осталась меже нашим народом. Она може служити наилучшым приміром всім нашим матерям в Америкі.

М. Ш.

ПРИПОВІДКА

В одной карпаторусской запомоговой организации в Америкі перед конвенциом два кандидаты билися на уряд секретаря.

Один приготовил велике циркулярне письмо и хотіл розослати його всім делегатам. Но пришил к нему старый приятель, вічний делегат, котрый все по конвенциях ходил, прочитал он циркуляр и говорит:

— Барз добре написано, тут суть всі доказы, што правда по твоей стороні, но то тобі не поможет, лем пошкодит. Одны делегаты не поймут, што ты пишешь,

бо суть и неграмотны. А други настрашатся циркуляра, же хочешь захватити организацию. Ты лучше пошлий каждому делегату фляшку горілки, то всі зараз порозуміют, што ты не думаешь захватити организацию, ани не замышляешь нияку псоту, лем хочешь честно достатися на уряд.

Кандидат на секретаря послушал и так зробил. Потом на конвенции побідил великим большинством, бо ціла Пеннсилвания голосовала за него. И так просто, честно, без ошуканства стал секретарем запомоговой организации.

Three convenient Locations to Better Serve You

Rusynyk-Yurch Funeral Homes

MODERN AND HOMELIKE

—East—

10217 Union Ave.
Diamond 1-3100
Michigan 1-6660

—West—

2824 West 14th St.
PRospect 1-0078
PRospect 1-4173

— Brooklyn Home —

4491 Broadview Road
(near Natchez Avenue) SHadyside 1-8400

A HOME FOR YOUR CONVENIENCE

During the hot days of the summer months many persons expressed to us their appreciation of our air conditioning system, which maintained a comfortable temperature indoors. We have been very glad that we have been able to add this additional refinement to the service we render.

As you inspect our homes, however, we believe you will find many other things that we have done to make these sad visits as pleasant as possible under the circumstances by supplying tasteful furnishings, comfortable chairs, fine rugs and draperies and, above all, an atmosphere that reflects quiet, dignity and reverence.

Serving the public of Greater Cleveland since 1917.

PRescott 7-0942

For Mortuary Service of Distinction
New York, New Jersey

INTERNATIONAL FUNERAL
SERVICE

to the trade

Alex Komar

Embalmer — Undertaker

— 0 —

583 Van Houten Avenue
Clifton, N. J.

FULTon 8-4756

A. Lovas & Sons, Inc.

1585 Main St.

Rahway, N. J.

Awnings, Canvas or Aluminum
Venetian Blinds, Removable
Slat

Aluminum Storm Windows
and Doors

Jalousie Doors & Porch
Enclosures

Ци ви в своєму домі, чи на
ренті або в бізнесі, то вам
треба буде зайти от часу до
часу до магазину А. Ловаса,
бо такі речі кожному в домі
потребні. У нього знайдете
найкращий матеріал і чесну
обслугу.

TRafalgar 9-0811

George Mlynar

Grocery, Delicatessen &

Frozen Food

Sandwiches To Take Out

Всім костюмерам, приятелям
и краям — веселый и
счастливый Новый Год
1957!

428 East 70th Street
New York 21, N. Y.

BOwling Green 9-0176

Compliments of

Pete's Prime Meat Market

Herko & Son

Jersey Pork, Prime Beef and
Poultry

Boats and Restaurants supplied
143 Cedar Street
New York 6, N. Y.

Bar Grill & Restaurant

Beer, Wine & Liquor

HARRY FEDYNCHAK

Найліпші побажання для
всіх приятелів и країв!
1348 1st Avenue

New York, N. Y.

BUterfield 8-0100
0177

Prompt Deliveries

Poust Liquor & Wine Co.

We carry a full line of imported
and domestic wines and liquors

1367 FIRST AVENUE
NEW YORK 21, N. Y.

BUtterfield 8-3170

Res. LEhigh 5-2811

Charles Belsky

FUNERAL DIRECTOR

**

1267 First Avenue

(At 68th Street)

New York 21, N. Y.

Tel. SHerywood 2-0387

ПЕРВОРЯДНА
БУЧЕРНЯ, ГРОСЕРНЯ
И ДЕЛИКАТЕССЕН

ПЕТРА ТЕРЕКА

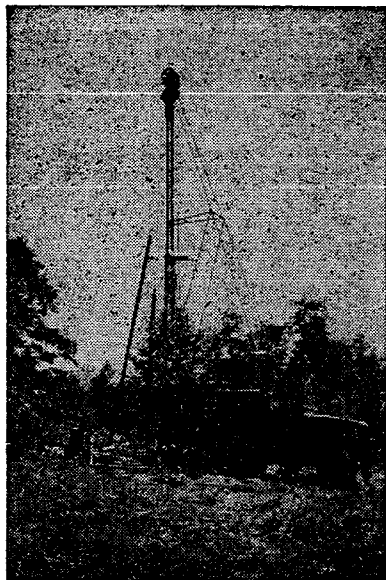
До краю Терека
Ходят люди и с далека.
Терек мяса свіжы мае,
Гросерию тыж продае,
Кенды, айскрим, сигареты,
Всю у него достанете.
Заходите там и Вы часто,
Бо услуга первокласна.

Peter Terek

Grocery & Meat Market

Cigarettes—Ice Cream

160 Lawrence Place, Paterson, N. J.

Phone DA 2-2303

National Artesian Well Drilling Co.

J. S. CHURYK, Manager

Repair and Install Pumps

Мы выбиваем студни для индустри-
альных потреб, при домах и на
фармах.

Компания, под зарядом нашего
краяна И. С. Цюрика из Смере-
ковца, даст вам найлучшу
роботу.

444 High Ridge Rd.
Stamford, Conn.

Гавриил Стефанович Ки-
донь, уроженец села Котов,
повіт Новый Санч и його же-
на Антонина, рождена в селі
Ростока Велика — засыламе
поздравления всім родным в
Совітской Україні, в Польші,
а также нашим кумам в Аме-
риці и другим товаришам и
родичі в Америці и Канаді.

Harry Kiddon
221 Elm St.
Struthers, Ohio

PR 1-7765

Auburn Baking Co.

1511 Auburn Ave.
Cleveland 13, Ohio

PRospect 1-5180

Bunny's Hardware

FURNITURE — A PPLIANCES

Лем через улицу от Лемко-Клуба в
Кливланді, находится склад духон-
ного удовольства и будовляных мате-
риалов. Иван Буйнак вынайде для
вас такы частины, якы Вам трудно
найти и на Ваше желание довезе до
Вашого дому.

JOHN J. BUJNAK

2358 West 11th Street
Cleveland 13, Ohio

ПО СЛУЧАЮ 10-ЛІТНОГО СЛУЖЕНИЯ СВОМУ НАРОДУ

ЛЕМКОВСКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ В КЛИВЛАНДІ
передає глубоко благодарность своему членству, бывшим и
теперішным урядникам и всім своим общественным членам
Лемко-Клуба и всім посітителям його, и для всіх желеє здоровья
и благополучия в 1957 року и на слідующе 10 літне.

Правление Дома выражат соболізнование по тых членах, котры
любили свою народну институцию, помагали при ей покупке и
удержанию, но отошли от нас на вічний покой. Най буде их
вічна память славном!

Дом Лемко-Союза в Кливланді, то историчный памятник много-
численных событий и місторожение многих славянских спол-
ков, парафий, клубов, обществ, братств и культурных
организаций.

Дом Лемко-Союза в Кливланді буде дальше, як и до теперь,
служити культурным цілям Лемковскому народу старшого и
молодшого покоління в Америці и буде боротися за свободу
родного краю Лемковины.

Дом Лемко-Союза, то наша народна институция. Най жие и най
розвиватся так, як начала розвиватися.

Уряд одділа Лемко-Союза ч. 6.

Уряд одділа Лемко-Союза ч. 1 женске.

Уряд одділа Лемко-Союза ч. 1 молодежи.

Комитет Лемковского Драм-Кружка.

Комитет Будовы Лемко-Союза.

Lemko Home

2337 W. 11th Street Cleveland 13, Ohio Tel. PR. 1-9056

MAin 1-5749

Scranton Beverage

PRODUCERS AND DISTRIBUTORS OF
HARMONY CLUB SODAS

2487 W. 25th St.
Cleveland 13, Ohio

ВЫРАБЛЯЕМЕ

Шипуцы воды всіх сортов и заправок.
Довозиме бесплатно на общественны и родинны предприятия.
Спробуйте наши соды на вашем слідующем предприятии.
Доставка быстра и честна обслуга.

Tel. PR 1-5852

Cleveland, Ohio

South Side Hardware

2308 PROFESSOR AVE. CLEVELAND, OHIO

RADIO—APPLIANCES—TELEVISION
PAINTS—WALL PAPER—PLUMBING SUPPLIES

FRANK SZAFRANSKI — Prop.

В желіжном складі Френка Шафранского все найдете полный
выбор домовых прирядов по приступных цінах.
Френк Шафранский добрый приятель Лемко-Клуба в Кливланді.
Всім краямнам рекомендуеме його склад.

CLEVELAND, OHIO

Tel. FLorida 1-2854

Andy Kasych

*Fine Beer & Wine
and Luncheons*

Андрей Касич краян близкий,
Родом зо Свиржовы Русской,
Добрый лемко, добрый бизнесиста.
У него все полна хижа,
Свіжы пива — стары вина,
Из Нью Йорку и с Парижа,
А и такы вам шампаны,
Што лем пили давно паны.
У него сой прекусите
И здоровья подкріпите.
У кого здравля найсильнйше,
Тому житья найвесільше.

ЗАХОДТЕ ДО НЕГО
4716 W. 35 St. Cleveland 9, Ohio

Call SH 1-9855

Mike Stelma

Real Estate and Insurance
Agency

Лемковска агенция покупки и
продажи новых и старых до-
мов, фарм и другого рухомого
и нерухомого маєтку. Так са-
мо асєкурация маєтку от
огня и других выпадков и
особиста асєкурация на пос-
мертне и ендавмент всіх родов.
В потребі удавайтесь за по-
радом до человека своего роду.

4920 Pearl Rd.
Cleveland 9, Ohio

Tel. MIchigan 1-2116

Licensed Real Estate Broker
and Insurance:

Andrew Michak

*Fire—Windstorm—Automobile
Accident*

*Health—Plate Glass—Burglary—
Public Liability and Property
damage*

—Fidelity—Surety Bonds.

Андрей Мичак веде агентуру
всїх родов обеспечения и от
всїх выпадков. Удавайтесь в
таких ділах до него — он даст
вам порадy на вашем родном
языку.

11205 Revere Ave.
Cleveland 5, Ohio

PRospect 1-8064

W. B. Bazil Co.

Heating and Air Conditioning

Licensed & Bonded

—O—

2978 West 25th St.
Cleveland 13, Ohio

Tel. SH. 1-7858

Andrew J. Skuba
Grocery and Meat Market
Established in 1922

ПЕРВОРЯДНА БУЧЕРНЯ
И ПРОСЕРНЯ

Треба вам, знате, повісти,
Як хочете смачно їсти,
Же у Скубы мясо свіже,
Велький фалат вам отріже.
Яйка, сыр, масло, колбаса
И свіжа ярина до мяса.
Всего щиро вам наважит,
А чесно вас обслужит.

3264 Scranton Rd.
Cleveland 9, Ohio

SUperior 1-7877

**Zelek's Floral & Gift
Shope**

PUCHALSKI FLORAL

"Let Our Flowers Say It For You"

2309 Professor Avenue
Cleveland 13, Ohio

VI. 3-6312

Galls Quality Meats

Meat cut as you want it —
Not packaged

6853 Southland Dr.
Cleveland 30, Ohio

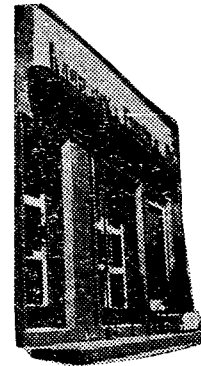
Compliments of
the
**South Side Federal
Savings and Loan
Association**

Main office 3115 W. 25th St.
Cleveland 9, Ohio

Downtown office 250 E. Superior
Cleveland 14, Ohio

Parma office 5219 Pearl Rd.
Parma 29, Ohio

Westgate office 20970 Westgate
Fairview Park 26, Ohio

Established to Pro-
vide the General
Community with
Courteous Service
Based upon Sincer-
ity and Integrity.

Peter S. Murianka

CARPATHO-RUSSIAN
FUNERAL DIRECTOR
413 Fairmount Ave.

Philadelphia

MA 7-1761 or GA 6-4655

Мы руководимся таким правилом: Христианске, честне и
справедливе отношение до каждого
Все ся миняє, бо в світі єсть прогресс, то каждый хоче луч-
шой обслуги во всіх ділах и случаях, так и мы идеме с ду-
хом часу и стараемся дати все лучшу обслугу.
Кто приде до нас с похороном, то мы повідомляме краянов,
знакомых и друзей покойного.
Обслужиме чесно каждого без огляду на віроисповідание.

Compliments of
**Russo-Galician American
Friendship Club in Philadelphia**

333 FAIRMOUNT AVE.
Philadelphia, Pa.

ПРИВІТ ВСІМ КРАЯНАМ
ОТ ЧЛЕНОВ

**ГАЛИЦКО-РУССКОГО КЛУБА
В ФИЛАДЕЛЬФИИ**

В поміщенні того клубу члени можуть приємно провести
свой свободный час.

В клубі завсе можна получить свіжі, здоровы напитки
и смачны закуски.

Ставайте членами Галицко-Русского Клуба!

Hilltop 6-9827

The Place to Meet

DAN'S BAR "25"

Wines — Liquors — Beer
Tasty Sandwiches

DANIEL HUMECKE, prop.

Даниил Гумецкий має много
друзей и знакомых в США,
Канаді и встаром краю — всім
шле найлучшы пожелания с
Новым Годом 1957

25 So. Eagle Rd. Manoa
Havertown, Pa.

Dan Herschuk

Grocery and Delicatessen

У Данила Гершука можете собі
купити найлучшы продукти.

150 Brown St. Phila., Pa.

LO 3-7227

"Corsages our Specialty"

FLOWERS BY...

Lichvar

"Let us Prepare your Wedding
Flowers"

518 W. Girard Ave. Phila. 23, Pa.

Compliments of

Fannie Stoppi's Cafe

Beer, Liquors & Wine

Поздравления всім от краякы
Фенны Стапей из села Куляшне,
повіт Сянок.

ЗАХОДТЕ ДО НАС!

433 W. Pine St. Frackville, Pa.

Compliments of

RUSSIAN AMERICAN ASSOCIATION

Monessen, Pa.

Paul Barna — Pres.
John Pacak — F. Sec.
T. Kowalchuk — Treas.
M. Kuvinka, Rec. Sec.
209 Schoonmaker Ave.
Monessen, Pa.

Compliments of

Stern's Furniture Co.

The Valley's Modern Furniture
Store

* * *

531 Schoonmaker Ave.

Monessen, Pa.

BEST WISHES

Steel City Grill

GEORGE J. NIZNANSKY

**
*

275 Schoonmaker Ave.
Monessen, Pa.

Tel. GL 5-0866

Michael Shostak

Grocery and Delicatessen

У Михала Шостака,
Як есть ваша дяка,
Выберете што хочете
И с того вшиткого
Задоволены будете

436 W. Green St. W. Hazleton, Pa.

Tel. GL 4-3341

Bonin Funeral Home

Reliable — Efficient
Service

Frank H. Bonin and Son

542 N. Wyoming St.
Hazleton, Pa.

Dial MU 4-4971

Monessen Hardware and Supply

Paints — Hardware —
Household & Plumbing
Supplies

"WE DELIVER"

109 Sixth St. Monessen, Pa.

GL 5-1585

Compliments of Jacob Fromkin and Sons

330 So. Church St.
Hazleton, Pa.

Tel. GL 4-0251

Pusti John J. Carpatho-Russian Funeral Director

Finest Service

Reasonable

PUSTI FUNERAL HOME

480 W. Broad St. Hazleton, Pa.

Tel. GL 5-3851

Compliments of Eva DuBovick

(formerly Eva Skimbo)

446 Winters Ave.
West Hazleton, Pa.
Russian Ice Cream Parlor
All kinds of magazines, all sorts
of Sunday papers and comic
books of USA

also

Candy—Cigars—Cigarettes
and Soda of all kinds
Ladies cosmetics, lotions and
apparels of all kind to your
needs.

Sales Mgr.
Eva DuBovick.

Tel. GL 4-6985

Compliments of

Lemko
STEPHEN
SKIMBO

Meats
and
Groceries

Carpathian-Russian Store

MEATS AND GROCERIES

A good Place To Buy At

445 Winters Avenue
West Hazleton, Pa.

W. HAZLETON, PA.

Tel. 4-4841

Pecora's Baby Top Milk

— 0 —
for
Mothers who care
PURE—FRESH—WHOLESOME
We produce—distribute
to your home and grocery stores.

Since 1895

Leichtman's Quality Ice Cream

Pure As The Mountain Air

Hazleton, Pa.

Phone PRescott 9-3073
JET BLACK PITTSTON
Buy Reliable Coal From A Reliable
Dealer

Passaic & Garfield Supply Coal Co.

Incorporated 1908

COAL KOPPERS
COKE

Authorized Dealer
River Drive and Belmont Ave.
GARFIELD, N. J.

СЕРДЕЧНЫ ПОЖЕЛАНИЯ

для всіх славян от членов

НАРОДНОГО ЦЕНТРА

158-160 Мерсер ул.
Джерзи Сити, Н. Дж.

**

Если придете до Джерзи Сити,
а не мате адреса от своих края-
нов, то приходьте до нас, а мы
постарамся их знайти.
Также маме розмантого рода
закуску и напитки

КОМИТЕТ
Народного Центра.

We renewed the Carpatho-Russian American Center in Yonkers

See this fine example of our good work.

DURABLE BRICK DESIGN CO. Inc.

439 MARKET ST.

ROCHELLE PARK, N. J.

Phone Diamond 3-5274

Our company can renew the outside of your home to make it
look new, the way you want it to look. Our process will
waterproof and weatherproof your building.

REASONABLE, PRICES!

RELIABLE, EFFICIENT SERVICE

Мы обновили с надвору и будинок Карпаторусского Центра
в Юнкерс, Н. Й., то там можете видіти нашу роботу.

Estimates given free. Call us up. Let us explain what
we can do for your home.

Tel. GR. 3-9678

Hudson Tavern

ANDREW FALAT, Prop.
Андрей Фалат есть американский
уроженец. Його родиче из Ве-
ликого Вислока, п. Санок, —
проживают в Диксон, Па.

159 — 4th St. Passaic, N. J.

Phone GRegory 3-9359

Potocky's Tavern

СВОЙ ДО СВОГО!
КРАЯНЕ ДО КРАЯНА!

45 Jackson Street

Cor. Hope Avenue

Passaic, N. J.

Television

Sandwiches

GR. 3-6363

Compliments of

Michael J. Elias

ONLY RUSSIAN FUNERAL
DIRECTOR IN NORTHERN
NEW JERSEY

167—3rd Street

Passaic, N. J.

Phone: GR. 3-0610

Andrey Derco

Grocery & Butcher Store

Русска Гросерня и Бучерня

193 Ackerman Ave.

Clifton, N. J.

GR. 3-9215

Tczap's Bar & Grill

Separate Party Room

Родом из села Воля Цеклин-
ска, пов. Ясло.

PETER S. TCZAP
444 Van Houten Avenue
Passaic, N. J.

Tel. PR 9-9148

Maryn's Tavern

JOHN MARYN, Prop.

Light Lunches

Fine Liquors Served

23 Dayton Ave. Passaic, N. J.

BURAK'S

Grocery & Meat Market
Бураковы Гросерни и Бучерни
Заходите до Свого!

105 Pennsylvania Ave.

Newark, N. J.

BI 3-4979

417 Court St.

Elizabeth, N. J.

EL 3-4462

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ

Russian People's Home, Inc.

Hall for hire — all occasions

408 Court St.

Elizabeth, N. J.

Bloomfield, N. J. BL 2-4433

East Orange, N. J. OR 2-2414

Elizabeth, N. J. EL 2-1415

Paterson, N. J. MU 4-5400

Gorny & Gorny, Inc.

Mortuaries

Добра обслуга
при похоронах.

All Homes Have
Air Conditioning

330 Elizabeth Ave. Elizabeth, N. J.

ELizabeth 3-3132

"Say it with Flowers"

ART FLORAL SHOP

E. Bonavito, Prop.

Flowers for every occasion

824 Elizabeth Ave. Elizabeth, N. J.

LIinden 3-5225

Louis Sep

*

Realtor

Mortgages — Insurance
of every kind
Established 1918

715 West Elm St. Linden, N. J.

PR 7-5134

MASLEY BROS.

Вырабляе свіжы колбасы

Fine Meats & Groceries

Гросерня и Бучерня

328 Hope Ave. Clifton, N. J.

Phone GRegory 3-9438

President Palace Cafe

FRANK WINDISCH

PAUL KROEPFL

Large Hall For All Occasions

— Outdoor Picnic Grove —

115 President St. Passaic, N. J.
(Corner Parker Ave.)

Tel. PRescot 9-9273

A. Kozay Tavern

Краян Андрей Козай, из Карпатской
Руси, мае Таверн и Гостиницю и
добре людей обслуге. Вси напитки
и закуска. Шэфелборд до забавкы.

62 First St. Passaic, N. J.

Tel. GR 1-7036

Harry Kuzmich

На Клифтоні до Кузмича

Идут люде и здалека,

Бо колбасы добры мае,

Никто його не миняе.

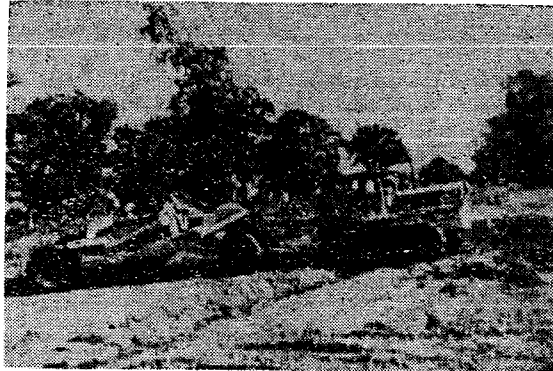
Он их сам вырабляе

Попрю ческу добавляе.

420 Lakeview Ave. Clifton, N. J.

Behuniak & Haluschak Co., Inc.

EXCAVATING

Cellars — Grading — Land Clearing
Roads Built — Chainsaw Work — Trailer Service
Carry All Scraper Work

Ansonia—Derby REgent 4-4756
22 Orchard St., Shelton, Conn.

If no answer call
Ansonia—Derby
REgent 5-0480

Михаил Сидоряк, сын Ивана и Анны Сидоряк. родом из с. Воловец, пов. Горлицкий, а до Америки пришов в 1911 року и оженился в 1917 року с дівчином Розалиом Гутиряк, дочком Петра и Юстины Гутиряк. Выховали 3 сынов и одну дочку. Всі замужны. Маю 7 внуков и всі разом проживают радостно и маю свой sklep, можна достати мяса розмаитого гатунку, найлучшы выборы товаров. В 1918 року начал тот бизнес и до сегодня стою в нем.

Поздоровляме всіх, кто то-то объявление буде читати и всіх краянов и краянок наших, котры ище живут.

55 Hill St. Waterbury, Conn.
P. Z. 3-2094

ИКОНЫ

Спасителя — Тайной Вечери — Богоматери и многих Святых обработанны на дереві и покрыты пластикой, разной величины, подходящи на подарки по случаю Рождества Христова, свадьб и других okazji, можна купити на складі.

REV. JOSEPH FEDORONKO
Box 153, Northfield, Conn.

Phone: 3-1761 Free Delivery

Waterside Liquor Store

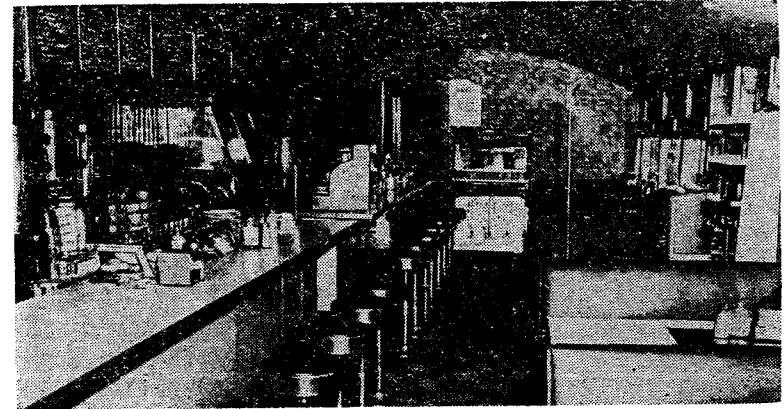
Wine—Beer—Liquor

WILLIAM KESNICK, Prop.

328 Greenwich Ave.
Stamford, Conn.

Telephone HASTings 5-3082

HUDSON CLIFF DINER

Дайнер-ресторан Павла Чачо

ПРОШЛОГО РОКУ Я ОТКРЫЛ НОВЫЙ РЕСТОРАН-ДАЙНЕР,
МОДЕРНО УСТРОЕННЫЙ.

Заходте видіти, як выбудуваний тот дайнер-ресторан. Поперед-
но тут, где теперь есть Годсон Клиф Дайнер, то тут была
велика и тверда скала.

На Варбуртон евні Чачо Павло Дайнер мае,
Вчасно рано, поздно в ночи народ ся сходжае.
Смачне ідло, добре пиво — достанете,
Закусите, пийте каву — отпочнете.

400 Warburton Avenue
On route 9 near Division Street.

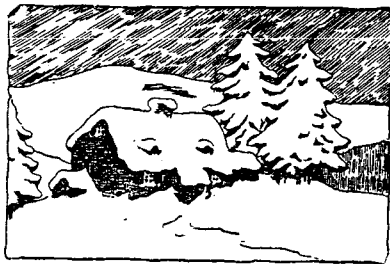
Hastings-on-Hudson, N. Y.

Tel. YOnkers 5-2424

N. M. Washienko

Real Estate & General
Insurance

Notary Public — Income Tax
Service
Appraiser & Licensed Real Estate
Broker.

REAL ESTATE & GENERAL INSURANCE

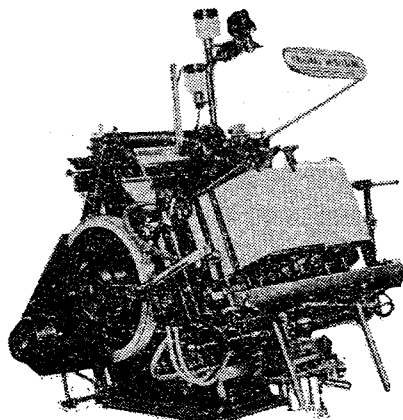
Удавайтесь до свого краюна, коли купуєте або продаєте дом
ци бизнес. Он дорадит и поможе при ассекурации и при
уплаті доходного податку.

403 NEPPERHAN AVENUE
YONKERS, NEW YORK

ЛЕМКОВСКА ТИПОГРАФИЯ

СТЕФАНА КИЧУРЫ

лемко из села Верхomla Мала (Верхiмка), повіт Новый Санч.

YOnkers 5-3612

Во всяких друкарских работах —
меньших и больших — удавай-
тесь до своего краюна-лемка.

Типография Федерал Пресс вы-
полняе заказы скоро, точно и
по уміркованных цінах.

Federal Press

229 Riverdale Avenue
Yonkers, N. Y.

 Stationery and Cards
Our Specialty

YONKERS, N. Y.

Tel. YOnkers 9-9160

Woodworth Restaurant & Bar

FINEST FOODS—WINES—LIQUORS

ANTHONY DURKOT, Prop.

Дуркот ест наш бизнесста,
Гей крайне, з дальша — з блиска
Приготовлят смачны стравы.
Таке пиво, як сметана,
Всьо ма свіже первокласне,
Што жолудку ест корыстне.
Он наш крайн из Ганчовы

Ци то в вечер або з рана.
Розкажете, што хочете,
Добре съісте и выпьете.
Як Вас смуток долігас —
Он и на то лікы має.
Завитайте все до свого,
Он обслужит Вас каждого!

66 WOODWORTH AVE.

YONKERS, N. Y

Telephone YO 9-9053

Free Delivery

KERTIS'
PRIME MEATS
Delicatessen

WHOLESALE ————— RETAIL

STAPLE AND FANCY GROCERIES

BEER

TEAS — COFFEE — SPICES

Home Made Kielbassi

Hickory Smoked Bacon

27 TRINITY STREET

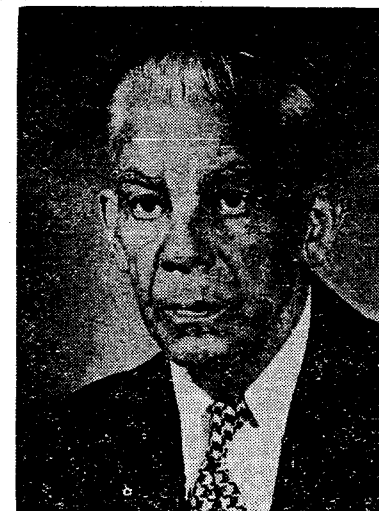
YONKERS, N. Y.

Tel. YOnkers 9-9236

Nepperhan Valley
Restaurant

THEODORE GLUS, Prop.

А у Глюза, у краяна,
Чи вечером, чи уж зрана —
Радю гостей там зустріають
И весело угошають.
И поісте и выпьете —
Старе, давне сой спомнете,
Родом из Сквиртного села,
Где природа чудна и весела.
Чи во свята, чи в субботы,
Чи с гулянья, чи с роботы —
Як идете стритом Неппергана,
Завсе зайдте до краяна!

Теодор Глюз
из села Сквиртного,
пов. Горлицы.

361 Nepperhan Ave.

Yonkers, N. Y.

EVERY MODERN BANKING FACILITY

Checking Accounts
Savings Accounts
Christmas Club
Vacation Club
Safe Deposit Boxes
Personal Loans

Commercial Loans
Mortgage Loans
Automobile Loans
Fur and Silver Storage
Bank Money Orders
Travelers' Checks

FIRST NATIONAL BANK
IN YONKERS

Complete Banking Service at
7 Convenient Offices
MAIN OFFICE
20 South Broadway
BRANCHES

1 Saw Mill River Road
504 South Broadway
Central Park and Yonkers Avenue
Central Park Avenue and Tuckahoe Road
2 Xavier Drive Cross County Shopping Center
Telephone — ALL OFFICES YOnkers 3-6400
RESOURCES OVER \$55 MILION
(Member Federal Deposit Insurance Corporation)

Tel. YOnkers 8-7767

John Malutich
Grocery & Delicatessen

ALSO

ICE CREAM, SODA, CIGARS
and CIGARETTES

Иван Малютин

*

* *

131 Yonkers Ave. Yonkers, N. Y.

Mount Vernon 7-1735

Michael Mahalik

24 Hour Service

Licensed

Oil Burner Installations

and Repairs

Vacuum Furnace Cleaning

Fuel Oil

115 East 4th St. Mt. Vernon, N. Y.

Tel. YOnkers 3-8233

Ignatius Durniak

GROCERY & DELICATESSEN

ALSO

BOTTLED BEER, SODA
& CIGARETTES

У Гната Дурняка
Краяна з Ганчовы
Свіжа grosерия
И шинкы готовы.
Знаете: свой до свого,
Заходте до нього.

* * *

ГНАТ ДУРНЯК

17 Garfield St. Yonkers, N. Y.

YOnkers 8-8530

Daniel Zuraw

Licensed Electrical Contractor
Danny did a first class job of
planning and installing electric fixtures
for the Carpatho-Russian
American Center, Inc.

* *

*

If you need a good electrician,
Dan Zuraw is the man you want.
61 Croton Terrace Yonkers, N. Y.

Tel. YOnkers 5-7461

Abbot

Hotel & Restaurant
Supply Co., Inc.

Chinaware—Silverware—Glassware

Paper Goods—Janitorial Supplies
Equipment

212 Nepperhan Ave. Yonkers, N. Y.

YOnkers 5-0295

**Westchester
Amusement Co.**

Games and Phonographs

Represented by Dick Diccio
86 Oak St. Yonkers 2, N.Y.

Andy's Barber Shop

Крайне лемкы — в потреби
удавайтесь до свого

**

ANDY SMEY

136 Riverdale Ave.
Yonkers, N. Y.

YOnkers 32225

**Empire Seafood
Market**

G. CAPUTO, Prop.

Fresh Water Fish
Salt Water Fish

769 Yonkers Ave. Yonkers, N. Y.

Tel. YOnkers 5-5728

JOHN AND PETER

BIBKO

Wine and Liquor Store
355 Nepperhan Ave. Yonkers, N. Y.

YOnkers 3-0102

**Cantwell Bottling
Co.**

Pale Dry Club Soda
Mixed Flavors

27 Knowles St. Yonkers, N. Y.

YOnkers 5-5359

Compliments of
**The Riverdale
Meat Co.**

House of
Quality Meats and Poultry

Retail

Hotels, Restaurants and
Institutions Supplied
Reasonable Prices

98 Elm St. Yonkers, N. Y.
Near Nepperhan Ave.

Westchester Carting Co., Inc.

PRIVATE SANITATION

801 Nepperhan Avenue
Yonkers, N. Y.

Duvernoy Bakeries, Inc.

Duvernoy—Westchester Corp.

Our restaurant business-men can order the finest bread, rolls, danish and cakes from the above supplier. You shall be satisfied with the fine quality and reasonable prices.

114 So. Kensico Ave.
White Plains, N. Y.

Phone YOnkers 9-9157

Moquette Restaurant

Finest Foods-Wines-Liquors

Если хотите добре и смачно поїсти, выпити и весело забавитися, то заходте до ресторана Николая Кружко

СВОЙ ДО СВОГО!

**
*

NICK KRUSKO
479 Nepperhan Avenue
Yonkers, N. Y.

TA 3-9248

Louis Berghorn's Sons, Inc.

COAL

OIL BURNERS

FUEL OIL

50 Industrial St.
Bronx 61, N. Y.

Hastings 5-9855

JOHN'S BAR & GRILL

JOHN GULLA, Prop.

От краяна Ивана Гуллы, родом из села Воловец, повіт Горлицы

Привіт всім краянам и приятелям!

Загосте до свого,
Выпейте хладного,
Закусте смачного.
Весело вас привитае,
С другими распознае.

461 Warburton Ave.

Hastings-on-Hudson, N. Y.

Compliments of

J. Augustine & Son

**
*

404 Prescott St. Yonkers, N. Y.

Phone: CEdar 7-0106

ЛЕМКОВСКА КОРЧМА

Лемкы краяне, як хочете съїсти ци выпити пива, вина ци горілки, то заходте до Корчмы Адама и Анны Луковец. Краяне с Фльоринкы.

Willow Bar-Grill

12 Willow Street
Cohoes, N. Y.

OL. 8-3295

Lic. L-1868

William's Liquor Shop

WILLIAM TOTURA

*Complete Line of Wines,
Liquors and Cordials*

We Deliver

164-12 69th Avenue
Flushing, N. Y.

Tel. EVergreen 4-8249

Jay's Restaurant and Bar

JOHN ADAMIAK, Prop.

CATERING TO ALL AFFAIRS

С Праздником Рождества Христова и Новым Годом шлю сердечный привіт и наилучшы пожелания всім читателям "Карпатской Руси", членам Л. С., краянам с обох сторон Карпат и всім моим костумерам.

ИВАН АДАМЯК

145 Bedford Ave.

Brooklyn 11, N. Y.

(Cor. North 9th Street).

Modern Air Conditioned Chapels

Peter Jarema
FUNERAL DIRECTOR

ШИРОКО ЗНАНЕ ПОХОРОННЕ ЗАВЕДЕНИЕ
ПЕТРА ЯРЕМЫ

Заряджує похоронами в Нью Йорку, Брукліні и Околиці

129 East 7th Street
Bet. 1st Ave. & Ave. A

ORchard 4-2568

New York, N. Y.

3% Dividends
Insured up to \$10,000

FOR SAFETY AND HIGHER EARNINGS

save at

Fourth Federal Savings

AND LOAN ASSOCIATION OF NEW YORK

Вашы ошадности в нашей кассі обеспечены
до суммы \$10.000.00.

1355 First Avenue New York, N. Y.
(between 72 and 73 Streets)
Chartered and Supervised by the U. S. Government.

John Petrik

Dry Dock Delicatessen

Grocery & Restaurant
Corner of 11th Street
176 Avenue "C" New York 9, N. Y.

OR 4-2154

Compliments of

Frank Krisfalusi

Grocery & Delicatessen
Store

41 E. 7 St. New York, N. Y.

Darcel's

FURNITURE APPLIANCES
& TV

Wholesale — Discount Prices

Save — Shop — at Darcel's

— 0 —

466 Merchant St.
Ambridge, Pa.

LIEBMAN'S PHARMACY

1326 First Ave.

New York 21, New York

REgent 4-9806

Tel. REgent 4-1400-1401

Сердечны пожелания

от

Winnies

Wine & Liquor Shoppe

Alfred A. Winograd

361 East 71st Street

at First Ave.

New York 21, N. Y.

Telephone DA 4-4646

Bosak Funeral Home

FRANK J. BOSAK JR.

Funeral Directors

В випадку смертельного несчастья
в фамилии удайтеся до нашего
погребника славянского
роду.

641 Atlantic Street

Stamford, Conn.

ДРАМАТИЧНА БИБЛИОТЕКА ЛЕМКО-СОЮЗА

1. Лемковске Весіля и Співанки	0.10
2. Спаношене Хлопство	0.10
3. Ицко Сват	0.10
4. Молоды Старых Ошукали	0.10
5. Американе и Клопоты Пана Превелебного	0.15
6. Братья Коллекторы	0.15
7. Муж Умер	0.15
8. Порозуміла	0.15
9. На Чужом Весілю	0.15
10. Женаты Женятся	0.15
11. Лемковскы Вечиркы	0.15
12. На Граници	0.15
13. Просвітителі Народа и Просперита	0.15
14. Охотники	0.15
15. Мачоха и Конскрипция	0.15
16. Безработны и Ситизены	0.15
17. Стары Кавалеры и Таки и Теперь Дівчата	0.20
18. Куда Сердце Тягне	0.20
19. Весна	0.15
20. Стародавны Лемковскы Вечиркы и Ламанчак	0.15
22. Комета або Конец Світа	0.20
23. Счастье в Новом Світі	0.20
24. Они Вернутся	0.20
25. Дві Жены	0.20

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В КАЛЕНДАРЯХ ИЗ МИНУВШЫХ РОКОВ

1. Як Чорты Панов Взяли (1933); 2) Вертеп в Карпатах (1934); 3) Петро Павлик зо Спиша (1938); 4) Заверуха на Лемковині (1939); 5) Дві Сестры (1949); 6) Нашы Спорты и 7) Так То Было (1950); 8) Карпаторусскы Партизаны (1951); 9) По Войні Пришла Нова Біда (1954).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В НАШОЙ КНИЖКИ

- 1) Вертеп в Карпатах; 2) Шолтыс; 3) Петро Павлик зо Спиша, 4) Дві Натуры; 5) Просперита; 6) Німецка Украина.

За всіми книжками и інформаціями писати на адрес:

LEMKO ASSOCIATION

556 Yonkers Avenue

Yonkers 4, N. Y.